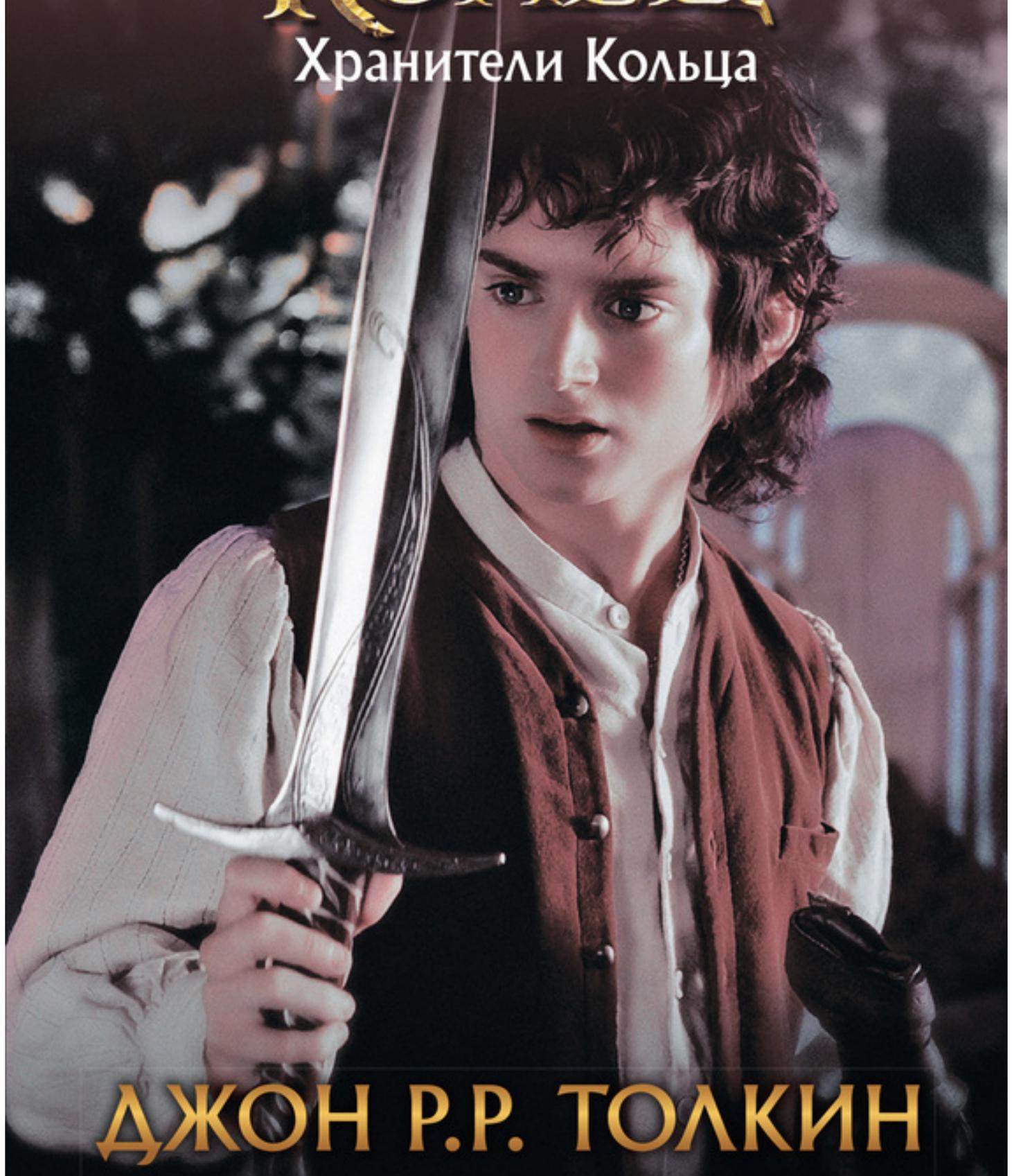

ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ

Хранители Кольца

ДЖОН Р.Р. ТОЛКИН

Властелин Колец

Джон Толкин

Хранители Кольца

«Издательство АСТ»

1954

Толкин Д. Р.

Хранители Кольца / Д. Р. Толкин — «Издательство АСТ»,
1954 — (Властелин Колец)

ISBN 978-5-17-078696-1

Трилогия «Властелин Колец» бесспорно возглавляет список «культовых» книг XX века. Ее автор, Дж. Р.Р. Толкин, профессор Оксфордского университета, специалист по древнему и средневековому английскому языку, создал удивительный мир – Средиземье, который вот уже без малого пятьдесят лет неодолимо влечет к себе миллионы читателей. Великолепная кинотрилогия, снятая Питером Джексоном, в десятки раз увеличила ряды поклонников как Толкина, так и самого жанра героического фэнтези.

ISBN 978-5-17-078696-1

© Толкин Д. Р., 1954

© Издательство АСТ, 1954

Содержание

Предыстория	6
Пролог	20
Книга 1	29
Глава I	29
Глава II	44
Глава III	60
Конец ознакомительного фрагмента.	73

**Джон Рональд Руэл Толкин
Властелин Колец. Трилогия.
Том 1. Хранители Кольца**

- © The Trustees of The J.R.R. Tolkien, 1967 Settlement, 1954, 1966
- © Перевод. В. Муравьев, наследники, 2017
- © Перевод. А. Кистяковский, наследники, 2017
- © Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Предыстория

Долгая жизнь Джона Рональда Руэла Толкина (1892–1973) закончилась – именно закончилась, а не оборвалась! – полтора десятка лет назад. Она стала преддверием его посмертного существования на земле, конца которому пока не предвидится. Если подыскивать подобие для этой жизни, то больше всего она, пожалуй, похожа на просторный, но вовсе не огромный, просто большой кабинет, он же домашняя библиотека, в старинном, то есть всего-навсего викторианском, доме; справа камин с мраморной доской, кресло у камина, гравюры, резные этажерочки с диковинками – между стеллажами. Много всякого (больше всего книг, хотя их не слишком много), но ничего, как ни странно, лишнего. А хозяин словно сейчас только вышел и вот-вот вернется – вышел не через дверь (через дверь *мы* вошли), а через сияющее и поистине огромное окно в другом конце кабинета. И его жизнь – вовсе не кабинетная, но это потом – представима лишь в ярком и чистом свете.

Выйти-то он, конечно, вышел, от смерти никуда не денешься, но вышел затем, чтобы остаться с нами. И остался, даром что его покамест в кабинете вроде бы и нет; ну как же нет, есть он, и даже без особенной мистики – говорил же завзятый материалист лорд Бертран Рассел: почему мы знаем, вдруг столы за нашей спиной превращаются в кенгуру? Такого нам не надо, обойдемся без австралийских сумчатых, а вот Джон Рональд Руэл, разумеется, присутствует за нашей спиной, и вырастают за нею деревья, без которых он жизни никак не мыслил, они были для него главным жизнетворным началом. И много чего еще до странности знакомого мы обнаружим наяву стараниями Дж. Р.Р. Толкина, невзначай оглянувшись.

Но мы не оглядываемся – успеется; мы медленно обводим глазами оставленную нам на обозрение долгую жизнь. И *очертания* воображаемого кабинета расплываются: в последние годы жизни профессора Толкина его скромная библиотека размещалась в бывшем гаражике, пристроенном к стандартному современному домику на окраине Оксфорда. Пристройка эта, кстати, заодно служила кабинетом, где всемирно известный автор эпопеи «Властелин Колец» принимал посетителей, в том числе и английского литератора Хамфри Карпентера, который впоследствии, в 1977 году, опубликовал его жизнеописание, суший кладезь фактов – черпай не вычерпашь. Будем черпать. Перенесемся от конца жизни к ее началу и представим себе времена почти непредставимые, хоть не такие уж и далекие.

Джон Рональд Руэл Толкин (и Джон, и в особенности Руэл – имена фамильные, до поры до времени, а у друзей всегда он звался просто Рональдом) родился 3 января 1892 года в городе Блумфонтейне, столице южноафриканской Оранжевой Республики, за семьсот с лишним километров к северо-востоку от Кейптауна, посреди ровной, пыльной, голой степи – вельда. Через семь лет разбушевалась взбудоражившая весь мир и открывшая XX век англо-бурская война, повсюду запели «Трансвааль, Трансвааль, страна моя, ты вся горишь в огне», а название жалкого городка замелькало во фронтовых сводках на первых страницах газет. Но пока это была такая глушь... Такая самая, в которую было тогда принято отправлять молодых англичан – чтобы выказывали и доказывали упорство и предприимчивость. Вот и англичанин в третьем поколении Артур Толкин, внук германского иммигранта фортепьянных дел мастера Толькюна, когда семейная фирма вконец разорилась, выхлопотал себе место управляющего банком в Блумфонтейне. Ему хотелось не столько ехать за тридевять земель, сколько жениться на любимой девушке, некой Мейбл Саффилд, чей отец, опустившись от суконщика до коммивояжера, требовал от жениха жизненных перспектив. В родном Бирмингеме их не было, а в Южной Африке пусть отдаленные, но обозначались. Мейбл отдала скрепя сердце, и Артур увез ее в тридешатое царство, то бишь в Оранжевую Республику, где она родила ему не только вышеупомянутого Рональда, но и младшего его брата Хилари Артура Руэла.

Очень мало осталось в памяти у старшего сына от Южной Африки: ну, тарантул укусил, ну, змеи живут в сарае и туда маленьким ходить нельзя, по забору скачут соседские обезьянки, норвят не то стащить, не то слопать белье, по ночам воют шакалы и рычат львы, отец сажает деревца, а кругом страшный простор безграничного вельда, тяжкий зной и жухлая высокая трава. А больше, пожалуй, и ничего. Нет, качал головой профессор Толкин, больше, кажется, ничего не помню.

В апреле 1895 года мальчики вместе с матерью отплыли в Англию – повидаться с родными и отдохнуть от южноафриканского климата. Отдохнули неплохо и собрались обратно к отцу. Накануне отъезда, 14 февраля 1896 года, под диктовку четырехлетнего Рональда писалось письмо: «Я теперь такой стал большой, и у меня, совсем как у большого, и пальтишко, и помочи... Ты, наверно, даже не узнаешь и меня, и малыша...» Письмо это не было отправлено, потому и сохранилось. В этот день пришла телеграмма о том, что у отца кровоизлияние в мозг – последствие ревматизма. На следующий день – о его смерти.

Плыть в Южную Африку было незачем. Мейбл Толкин осталась в Бирмингеме с двумя малолетками сиротами на руках и почти без средств к существованию: очень немного удалось скопить ее мужу за пять блумфонтейнских лет. Правда, она знала латынь, французский, немецкий, рисовала, играла на фортепьяно – могла, стало быть, давать уроки. И решила как-нибудь сводить концы с концами, главное же – ни от кого не зависеть, ни на кого не рассчитывать, никому не быть обязанной. Впрочем, на бедствующую родню с обеих сторон надеяться и не приходилось. Она задешево сняла коттедж за городом, возле дороги из Бирмингема в Стратфорд-на-Эйвоне. Дети должны расти у реки или озера, среди деревьев и зелени – таково было одно из ее твердых убеждений. Мейбл вообще придерживалась убеждений твердых и вскоре обрела для них прочную основу, обратившись в католичество. (Она овдовела в двадцать пять лет, была очень миловидна и обаятельна, но жить заново не собиралась.) По тогдашним временам в Англии обращение это означало многое, и прежде всего, помимо перемены общепринятых мнений, особый образ жизни, почти демонстративно противопоставленный общему социальному быту.

Мало того, она и детей решила, что называется, «испортить», сильно затруднив им жизнеустройство, и со свойственной ей неукоснительностью занялась их религиозным воспитанием. Роль этого материнского решения в судьбе и формировании личности Рональда Толкина трудно переоценить. Волею обстоятельств оно стало необратимым, и Толкин никогда ни на йоту не поступился преподанными ему в нежном возрасте религиозными принципами. Правда, никакого неопитского рвения у него не было, и в отличие, скажем, от своего старшего современника, новообращенного Г. К. Честертона, он не считал нужным провозглашать свое кредо на всех перекрестках. Зато в другом они очень схожи: оба эти приверженца римско-католического вероисповедания – англичане до мозга костей. Рональд, кстати, и внешне удался в мать (Хилари – в отца) и по-настоящему дома чувствовал себя только в глубокой английской провинции, вустерширской «глубинке».

Мейбл преподавала сыновьям отнюдь не только вероучение и закон божий. По-видимому, у нее был недюжинный педагогический талант, унаследованный старшим сыном: она прекрасно подготовила мальчиков к учебе в самой престижной школе Бирмингема, предъявлявшей очень высокие требования. Именно она приохотила Рональда к любовному изучению языков; именно ей он обязан тем, что в конце концов, победив на конкурсе, обеспечил себе в 1903 году возможность учиться на казенный счет. Не случись этого, совсем другая была бы у него судьба. Потому что Мейбл Толкин умерла в 1904 году.

Детей она препоручила своему духовнику, отцу Френсису Моргану; из него получился заботливый, усердный, надежный и строгий опекун. Остатком сбережений он распорядился как нельзя более умело; свои деньги (а их у него было в обрез) прикладывал не считая. Прожил он, по счастью, еще долго, и его подопечные на всю жизнь сохранили к нему почтитель-

ную благодарность. Он, правда, сделал серьезный промах, за который Рональд был ему особенно признателен: подыскав мальчикам в 1908 году пансион (с двоюродной теткой они не ладили), отец Морган не обратил никакого внимания на одну тамошнюю жиличку – девятнадцатилетнюю незаконнорожденную сироту Эдит Брэтт. По роду своих занятий он, видимо, не привык замечать молоденьких и очень хорошеньких девушек, тем более что эта была на три года старше Рональда.

Нельзя сказать, чтобы Рональд был развит не по летам; напротив, ему было в точности шестнадцать. Его филологическая одержимость уже сказалась в полной мере, но она была вовсе не угрюмая, а веселая и затейливая. К этому времени он хорошо знал латынь и греческий, сносно – французский и немецкий, но подлинным открытием для него стали готский, древнеанглийский и древнеисландский, а затем и финский. Он даже не столько изучал языки, то есть изучал, конечно, но не грамматически, не формально, – он вникал в них и проникался ими, воспринимая не слова и не конструкции, а тексты, по преимуществу поэтические, в их животрепещущей языковой насыщенности. И тексты казались ему нотными записями. Ему не хватало наличной лексики языка – скажем, готского, – и он методом экстраполяции, с помощью чутья и воображения, создавал слова и обороты, которые могли быть, должны были быть. Собственно, и языков ему тоже не хватало, и он начинал изобретать новые, например скрещивая древнеанглийский и уэльский на фоне финского. Изобретались и алфавиты. Можно было предвидеть, что раньше или позже для этих новоизобретенных праязыков понадобится, чтобы закрепить ощущение языкового единства, изобретать тексты, а для текстов – праисторию и прамифологию. И «Беовульф», и «Сага о Вэльсунгах» казались ему – и не зря – отзвуками древнейших эпических преданий. Они не сохранились – ну что ж, значит, надо их...

Мы забегаем вперед. Процесс этот шел, но в школьные годы так далеко еще не продвинулся. Увлеченность Рональда была очень заразительна, и он прекрасно умел ею делиться. В школе он основал первое в своей жизни филологическое сообщество, своеобразный «клуб четырех». Впоследствии такого рода клубы при участии Толкина возникали как бы самопроизвольно, но никогда и ни с кем у него не было более тесных дружеских отношений, чем с этими тремя однокашниками. Тут стоит заметить, что щупловатый Рональд вовсе не был ни тихоней, ни заморышем. Нет, это был общительный и веселый, чтоб не сказать – проказливый, подросток, отчасти даже спортсмен – регбист, игрок школьной команды.

Словом, в общем счете Рональду было примерно шестнадцать; а вот очаровательная резвушка Эдит Брэтт, для которой потом будет придумано имя Лучиэнь и легенда на придачу и которая пока что, в пансионе, снимала комнатку этажом ниже, – та, по-видимому, была моложе своих девятнадцати. Из комнатки доносилось пение и стрекот швейной машинки; вообще-то она окончила музыкальную школу и собиралась стать учительницей музыки, а вдруг да и пианисткой. Своего пианино у нее не было, а на том, что стояло в гостиной, хозяйка пансиона охотно разрешала играть для гостей, упражняться на нем не дозволялось. Вот она и шила – не сидеть же без дела! Тем более что с музыкальной карьерой было не к спеху: от матери осталось кой-какое наследство (земельный участок), и на прожитые худо-бедно хватало. Но жилось ей довольно одиноко, и с Рональдом они сразу подружились – у них обоих был талант человеческого общения. Они заключили наступательно-оборонительный союз против хозяйки пансиона. Они закупали лакомства на сэкономленные гроши и (втроем с Хилари) устраивали тайные пирушки. Они (вдвоем с Рональдом) гуляли, проказничали, катались на велосипедах. Скорее всего эта дружба с естественным оттенком полувлюбленности и двумя-тремя робкими поцелуями осталась бы светлым промельком, чистым воспоминанием юной поры. У них не было главного – не было общности интересов, а упоенный интерес Рональда к слову уже стал средоточием его жизни. Но тут вмешался опекун.

Вначале недооценив опасности девического соседства, отец Морган затем ее переоценил. Он привык выслушивать исповеди и видеть изнанку отношений полов – то, что действительно

требует покаяния. Рональду каяться пока было явно не в чем (а то бы он, кстати, покаялся), но когда отец Морган стороной случайно узнал об одной велосипедной прогулке своего подопечного, он сопоставил факты, встревожился и принял меры. Он немедленно переселил мальчиков от греха подальше и запретил Рональду всякие встречи и всякую переписку с Эдит. Не от черствости и не из ханжества: он объяснил ему, что до двадцати одного года за его будущее в ответе опекун, а будущее его решается в ближайшие два года. Ему прямая дорога в Оксфорд, но платить за обучение им и вместе с опекуном не по карману. Есть лишь один выход: блестяще сдать вступительные экзамены и получить именную стипендию. Таковая присуждается только до девятнадцати лет; в январе 1911 года будет уже поздно, и придется избирать иное жизненное поприще. Между тем нежные отношения со взрослыми девицами учебе нимало не способствуют.

Не способствует ей и насильственное разлучение с подругой, которая оттого становится втрое дороже; горечь и тоска тоже не способствуют. Однако прав был и отец Морган: Рональд действительно подзапустил занятия, и первая его попытка поступить в Оксфорд успехом не увенчалась. Впору было впасть в уныние, опустить руки и заодно уж взбунтоваться против опекуна. Все это, однако, было не в натуре Рональда. Он, напротив, засел за книги, но и от регби не отлынивал, а уж в «клубе четырех» развернулся вовсю. И в декабре 1910-го все-таки стал оксфордским стипендиатом.

В Оксфорде ему повезло с наставниками: тщательно выявив характер его способностей и устремлений, в нем угадали будущего крупного ученого-педагога и перевели с классического отделения, куда он поступил, на недавно созданное отделение истории английского языка и литературы – со специализацией по языку, разумеется. Впрочем, как уже говорилось, язык был для него функцией текста, и текста поэтического. (Хроника тоже воспринималась как поэтический текст.) Он начал писать стихи, сперва как бы переводы с древнеанглийского, потом – все больше и больше отдаляясь от подлинника, сам толком не зная куда. Со школьными друзьями из «клуба четырех» он поддерживал близкие отношения (хотя завелись и новые друзья) и, конечно, читал им создания своей лингвистической музыки. Один из них спросил его: «Слушай, Рональд, а о чем это?» И Рональд задумчиво ответил: «Еще не знаю. Надо выяснить». Шел 1914 год.

Все ли переменилось после 4 августа, дня вступления Англии в войну? Для Толкина – почти ничего: те же аудитории, те же преподаватели, такие же лекции. Сверстников, правда, сильно поубавилось – в ответ на призыв лорда Китченера многие тысячи студентов ушли на фронт рядовыми. Толкин этого не сделал; вместе с двумя друзьями из школьного клуба он записался в полк Ланкаширских стрелков (третий друг ушел на флот), и к академическим занятиям прибавились военные учения. Стихов он писал все больше, и в них стали все отчетливее вырисовываться очертания сказочно-мифологической страны Валинор, озаренной не солнцем и не луной, а сиянием двух деревьев. Живут там, кажется... эльфы, и язык у них... эльфийский. Он перепечатал стихотворения (их набралось десятка три) и предложил их лондонскому издательству католической ориентации. Стихи были отвергнуты с холодным негодованием: хорошенькие развлечения у молодого католика в годину бедствий! И что это еще за Валинор? Чуть ли не язычеством пахнет...

Их отношения с Эдит возобновились еще в 1913 году; в тот самый день, как ему исполнился двадцать один год, Рональд сделал ей письменное предложение. Оказалось, правда, что она тем временем обручилась с другим, но это недоразумение было улажено, и она согласилась ждать дальше – уже в качестве невесты перед богом. Этот заключенный на небесах брак был освящен на земле 22 марта 1916 года, с благословения отца Моргана. А 4 июня Ланкаширских стрелков отправили во Францию: готовилось грандиозное наступление на реке Сомме. Младшему офицеру связи Дж. Р.Р. Толкину предстояло в нем участвовать.

Началось оно 1 июля, и в этот день на пятнадцатимильном участке фронта легли мертвыми шестьдесят тысяч англичан; таких потерь британская армия еще не знала. В груде гниющих трупов остался один из «клуба четырех». Батальон Толкина бросили в огонь 14 июля; Джон Рональд Руэл оказался среди уцелевших. И вышел невредимым из дальнейших, столь же бесплодных атак – июльских, августовских, сентябрьских, октябрьских. Чудес храбрости он не совершал – да в этой мясорубке и не было места чудесам, – он просто шел или полз под огнем по грязи и по мертвым телам бок о бок с другими, и солдаты считали его своим, и это наверняка было для него главное. Много лет спустя он писал об одном из героев эпопеи «Властелин Колец»: «Мой Сэм Скрэмби целиком срисован с тех рядовых войны 14-го года, моих сотоварищей, до которых мне по человеческому счету было куда как далеко».

Без малого четыре месяца на передовой в разгар самой кровопролитной из тогдашних бесславных битв, а потом – сыпной тиф, повальное окопное заболевание. И в такой острой форме, с такими осложнениями, что почти два года пришлось скитаться по госпиталям; на фронт он больше не попал. В декабре 1916-го получил он письмо от школьного друга из «клуба четырех», убитого через несколько дней: «...дай тебе Бог сказать все и за меня тоже, хоть когда-нибудь, когда меня уже давно не будет на свете...»

Тут, собственно, конец биографической предыстории и начало семейной жизни и академической карьеры профессора Толкина – это с одной стороны, а с другой – тогда-то, на больничной койке, он наконец понял, что он пишет и что ему надо писать помимо ученых исследований и наряду с ними. Оказывается, надо глубже и глубже, не жалея трудов, вчитываться в саги и хроники, эпические песни и предания, в сказки и легенды и различать за ними, да не за ними, а в них, между строк, облик некоего связующего сказочно-мифологического целого и затем, с помощью чутья и воображения, воссоздавать его нынешними словами. Он пишет «Книгу утраченных сказаний». Для того чтобы – «не смейтесь, пожалуйста!» (это он в письме) – «можно было ее просто посвятить Англии, моей стране».

Вот и видно, что не писатель Толкин – в том смысле, с каким мы привыкли связывать писательство. Визионер какой-то, выдумщик. К двадцати восьми годам жизнь дает ему столько материала! Можно о детстве, о раннем сиротстве, что-нибудь в жанре «Дэвида Копперфилда». Можно школьный роман, религиозно-проблемный, университетский, можно вполне содержательную любовную историю. А военный опыт чего стоит! Взять хоть ровесника его, Р. Олдингтона, модного в 20—30-е годы представителя английского «потерянного поколения». Тот на передовой провел гораздо меньше, но не простил этого своей родине и в романе «Смерть героя» излил законное негодование против Англии, заключив прочувствованный монолог словами: «Да поразит тебя сифилис, старая сука!»

Так что очень нетипичен и совсем не ко времени был стыдливо-патриотический замысел Толкина слить «в одно широкое и ясное лазорье» видение мира, присущее англосаксонскому, кельтскому, исландскому, норвежскому, финскому эпосам. Когда-то он писал о «Калевале»: «Хотел бы я, чтобы у нас в Англии было что-нибудь в этом роде». Теперь он вознамерился создать «что-нибудь в этом роде» в крайне неблагоприятной общественной атмосфере – и если не вопреки своему жизненному опыту, то почти вне связи с ним. Но без сопряжения с жизненным опытом, с современностью могло получиться только то, что и получалось, – псевдоэпос, стилизация, имитация. Другое дело, что сам по себе опыт еще не подсказка; надо найти способ его использования, приобщения к замыслу, пусть и самому фантастическому.

И замысел этот добрых два десятилетия срастался с его профессией, душой, воображением и даже просто бытом. Срастался – и, разумеется, преображался. Он стал называться «Сильмариллион» – потому что сердцевиной его сюжета сделалась история трех украденных из рая земного, страны Валинор, волшебных бриллиантов, Сильмариллов. Валинор же стал обителью божеств, или, если угодно, архангелов-демиургов, соучастников творения мира, Средиземья. Кроме того, Валинор – обетованный край для первородных существ Средиземья, бес-

смертных эльфов. Там бессмертье им не в тягость, а в Средиземье оно их постепенно изнуряет, становясь дурной циклической бесконечностью аналогичных происшествий. Поэтому людям, сотворенным вслед за эльфами в том же облике, смерть дарована в виде особой милости, как таинственный залог иного, высшего назначения, высшего, нежели даже блаженство.

Однако не будем вдаваться в тонкости; кое-что из этого нелишне знать читателю «Властелина Колец», но поскольку «Сильмариллион» – самостоятельное произведение, постольку мы его оставим в стороне. Так, в стороне останется почти вся его первая часть, мифы творения, над которыми Толкин трудился едва ли не больше всего и которые в окончательной, посмертной редакции «Сильмариллиона» выглядят все-таки довольно убого. Достаточно знать, что это – попытка образного осмысления и, так сказать, сюжетной интерпретации первой главы библейской Книги Бытия; тут нет ничего удивительного, потому что Средиземье в начальном и конечном счете – наш мир. Отметим лишь, что толкиновское осмысление гораздо более ортодоксально, чем это может показаться на первый взгляд.

Зато не мешает знать, откуда взялись в Средиземье гномы, а также орки, драконы, тролли и прочая нечисть, не говоря уже о самом Властелине Колец. Гномы – плод самодеятельности одного из демиургов, мастеровитого и нетерпеливого: он никак не мог дожидаться, когда же наконец вседержителю благоугодно будет кого-нибудь сотворить. Будучи как бы телепатически в общих чертах знаком с вышним замыслом, демиург сотворил существа кряжистые и упорные, хорошо приспособленные к борьбе со злом (изначально опоганившим Средиземье), но несколько аляповатые. Он не сообразил, что даровать им свободу воли не в его власти, и так бы и остались гномы големами, если бы вседержитель не смиростивился и не разрешил гномов – с тем только, что они покамест будут почивать в горных недрах, а выйдут на свет божий в свой черед. Поэтому в Средиземье и бытует легенда, будто гномы сами собой произошли из камня.

Зло в Средиземье, как сказано, присутствует изначально: прародитель его, сперва самый могущественный из демиургов, звался Мелкор. Он тоже был соучастником замысла творения, но, движимый гордыней, своеволием и своекорыстием, сделался его извратителем, самозванным князем мира сего. Он-то и развел на земле нежить и нечисть, и одним из самых мерзостных его деяний было выведение орков, ибо это – порченные мукой и чародейством эльфы. Самовластие не терпит сопротивления, достоинства и независимости, оно ненасытно, оно стремится быть вездесущим – и Мелкор от начала веков и дней Средиземья всеми силами возвеличивался путем разрушения, подавления, осквернения. Он – злой дух истории. Его главный подручный, Саурон, – из числа младших демиургов – особенно искусен по части лжи и коварства. Пока не пришел его срок, он был тенью Мелкора, потом стал его местоблюстителем.

Когда Средиземье еще пребывало во тьме, Валинор озаряло сияние двух деревьев; туда переселились благороднейшие из эльфов, и главный их искусник, Феанор, изготовил и огранил три несравненных бриллианта – Сильмарилла; оживленные его мастерством, они впитали свет деревьев и лучились ярче звезд.

Мелкора они томили нестерпимым вожделением: он с того и начал, что возжаждал Света, но для одного себя, и до времени затаился во тьме, ведь похитить деревья было нельзя. Но вот открылся путь к прежде недостижимому – погасить Свет и оставить его себе. И путь этот открыл Феанор, ибо Сильмариллы созданы были не во славу Света: мастер возлюбил дело рук своих, рукотворное сокровище, паче нерукотворного. Да и волшебство всегда связано с заклятием, а заклятие – с проклятием. Такие и тому подобные азбучно-мифологические прописи, так сказать заповедные мифологемы, образуют подоплеку сюжетной игры «Сильмариллиона», задуманного как нечто вроде «Суммы мифологии». Пока и поскольку это так, «Сильмариллион» немногим более чем лакомое блюдо для своего брата специалиста, способного угледеть намеки и отсылки, оценить сопряжения и соответствия, то есть прочесть его при свете «Калевалы» и «Старшей Эдды». И все же... и все же есть здесь и свой нравственный заряд, и самостоятельное сюжетное напряжение, да и игровое начало не сводится к академическим забавам.

Не нужно, правда, забывать, что мы говорим о «Книге утраченных сказаний» в ее окончательном виде, то есть о некоем синтезе попыток написать ее. А теперь вернемся к лиходейскому умыслу Мелкора.

Первым делом он нашел себе сообщницу – исчадие мрака и пустоты, именуемое Унголиант и принявшее облик громадной паучьей самки. Во время праздника прокрались они к светоносным деревьям, и Мелкор пронзил их черным копьем, а Унголиант высосала животворное сиянье. Сильмариллы были ревниво укрыты от чужих глаз во дворце Феанора; тем легче было Мелкору их похитить.

В наступившей вселенской тьме он перенесся на север Средиземья, воздвиг там неприступную и неоглядную крепость Тонгородрим и в глубине ее воссел на черный трон; чело его венчала железная корона с тремя Сильмариллами.

С тех пор он уже не Мелкор, а Моргот («черный супостат» по-эльфийски – так назвал его разъяренный Феанор); эта перемена имени знаменует его превращение из подобия Локи, злокозненного божества древнескандинавского пантеона, в сущего Люцифера, Владыку Мрака. Феанор же с сыновьями и родичами дали страшную, кощунственную клятву вернуть Сильмариллы любой ценой – «и лучше бы им этой клятвы не давать, но нарушить ее было нельзя».

Отсюда начинается уже не мифологическая, а легендарная предыстория Средиземья, на которую, как заметит читатель, нередко оглядываются герои «Властелина Колец»; и среди ее героев все больше людей. Архангелы-божества отступают за горизонт, а бессмертные (их, правда, можно убить, и они могут зачахнуть) и благороднейшие эльфы, поглощенные нескончаемыми войнами с Морготом, сплошь и рядом оказываются деспотами, убийцами и вероломными злодеями. Худую службу служит им их бессмертье, невозможность оглянуться на прожитую жизнь. Их жизнь может только оборваться. Они в плену своей судьбы, а их союзники люди, не покоровшиеся злу и не связанные с ним порукой волшебства, судьбе неподвластны. Нет нужды пересказывать эти легенды: по мере надобности это делает сам Толкин, но уже совсем в другом качестве, не в качестве автора «Сильмариллиона».

Мрачные, зловещие и несколько однообразные саги повествуют о том, как тяготеющее над Сильмариллами двойное проклятье стубило всех причастных к нему, да и не только их. Одно за другим сокрушают Моргот и Саурон царства эльфийского края Белерианда. И лишь сыну смертного витязя и эльфийской царевны Эарендилу удастся при путеводном свете отнятого у Моргота человеческой рукой Сильмарилла доплыть до Валинора и вымолить спасение Средиземья от всевластия мрака. Тонгородрим пал, и Моргот был навеки ввергнут во тьму кромешную, но Саурон избежал его участи.

Так закончилась Первая эпоха Средиземья, или, как выражаются эльфы, Древняя Пора. «Сильмариллиону» тоже конец, эпилог приписан к нему гораздо позже, в 20-е годы, между ним и Древней Порой зияла первозданная пустота. История пока что была историей эльфов (вмещавшей миф о сотворении мира) и, как таковая, бесперспективна, вроде эльфийского бессмертия. Разве что начинать новый ее цикл – чему мифология определенно противится, мифологическая эпоха в принципе однократна – или шлифовать мифы, умножать и переписывать легенды. Этим Толкин и занимается – скорее по инерции, довольно вяло. Куда больше занимает его работа над всеобъемлющим толковым словарем английского языка (это детище было зачато в Оксфорде в 1878 году и к началу 20-х годов нашего века еще не родилось), издание англосаксонских текстов, пропаганда среди коллег древнеанглийской и древнеисландской литератур; наконец, и едва ли не в первую очередь, – преподавание: в 1925 году, тридцати семи лет от роду, он стал профессором Оксфордского университета, такое редко случалось.

К тому же Джон Рональд Руэл был редкостно заботливым семьянином, а к 1930 году у него было уже трое сыновей и дочь. Детям он уделял очень много времени и оказался неистощимым сказочником и неутомимым затейником, отчасти как бы пародируя свою бурную клубно-университетскую деятельность. И в домашней атмосфере один из побегов его вообра-

жения превратился в деревце, а оно, пересаженное на тучную почву «Сильмариллиона», породило волшебный лес, из которого Толкин вышел на простор... Средиземья.

Сам он всячески распространял и поощрял версию о том, как однажды среди ночи ему подвернулся в экзаменационном сочинении чистый лист и он будто бы возьми да напиши на нем ни с того ни с сего: «В земле была нора, а в норе жил да был хоббит». «Имена существительные, – замечал он, – всегда обрастают в моем сознании рассказами. И я подумал, что не мешало бы выяснить, какой такой хоббит. Но это было только начало».

А и в самом деле, что еще за хоббит? Дотоле никаких хоббитов в Средиземье не обитало и не предвиделось. Да и этот хоббит, как можно заметить, покамест обитал не в Средиземье, а в норке. Откуда же он там взялся?

Из сказки. Но не из сказки волшеббно-богатырской – там таких не водится. Гномы – пожалуйста, эльфы – сколько угодно (правда, совсем не такие эльфы, как в «Сильмариллионе», – таких почитай что и нету). Тролли, драконы, оборотни, они же серые волки, злые чудища-страшилища (да хоть бы и те же орки), колдуны и ведьмы, русалки и кощеи – это все есть. А хоббитов нет и быть не может. Есть, правда, вспомогательные животные, в том числе серый заяц. Так, может, хоббиты (они ведь до известной степени зайцы) проходят по такому разряду? Или они вообще явились из животного, скажем так, эпоса, воплощая некую аллегория и потому недоочеловечились?

Тут-то мы и наткнулись на еще один вопрос: а кто такие, собственно, хоббиты? Более или менее человечки? Да нет, зачем же человечкам жить в норках. И – что важнее – ростом они для человечков очень не удались. Когда Джонатану Свифту понадобились человечки, он их сделал ровно в двенадцать раз меньше Гулливера – и получились лилипуты, человеческие существа в своем праве. А если человека уменьшить вдвое, получатся недомерки, карлики, коротыши – словом, какие-то убогонькие, богом обиженные. Нет, хоббиты не человечки, и сами они такому определению очень противятся.

Да, они пришли из сказки – из той импровизированной домашней сказки, где из игрушечного ящика берется плюшевый заяц и вселяется в игрушечный (совсем как настоящий) домик. В домике он пьет чай из кукольной посуды на игрушечном столике, а потом – с девочки, может, и этого бы хватило, но сказки рассказывались мальчикам – говорится: «И отправился зайка путешествовать». Остается ли он в своем странствии зайкой? А смотря какое странствие, смотря какая сказка. Ни басен, ни сатир, ни апологов, ни физиологических саг детям обычно не рассказывают; если же начинаются «страшные опасности и ужасные приключения», которых жаждал типичный ребенок Буратино, то заяц-герой, выступая в несвойственных зайцу как таковому ролях и совершая нехарактерные для длинноухого (или шерстолапого) поступки, по мере надобности преобразуется. Заяц-то он, может, и заяц, но какой-то такой заяц... Ну как у Булгакова Мастер говорит Бегемоту: «Мне кажется, вы не очень-то кот». Даже и ходит он все больше на задних лапах, хотя в человека и не превращается, в отличие от буратино (т. е. марионетки) Пиноккио, который у Коллоди только к этому и стремится.

Если читатель знаком с опубликованной в 1937 году (и переведенной на русский язык в 1976-м) книгой Толкина «Хоббит», то он, вероятно, уже уловил аналогию с ее героем, хоббитом по имени Бильбо, не по-сказочному – а если иметь в виду домашнюю импровизированную сказку, то как раз по-сказочному – наделенным фамилией. В начале этой книги он еще почти совсем игрушечный; и когда он описывается «с заячьей стороны» (сколько ни отнекивайся Толкин, а «хоббит» все-таки сращение двух слов: homo [лат.], «человек», + (ra)bbit [англ.], «кролик»), то за этим явно виден папа-рассказчик, вертящий в руках плюшевого зверька. Жил себе и жил наш Бильбо, господин Торбинс, в своей уютной норке – а там все было как надо, и вот видишь, домик, только окна у них там не такие, круглые у них окна, и столик, и камин, и сервиз... Жил себе и жил, чай распивал. Но однажды утром проходил мимо (под руку под-

вертывается, скажем, Дед-Мороз)... один волшебник с длинной бородой. И пошло-поехало. Гномы нагрянули! Дым коромыслом! И отправился Бильбо в путешествие.

Куда его было отправлять в путешествие? Да, разумеется, в ту страну (папа увлекся и принялся вместе с сыновьями рисовать карты, похожие на давным-давно нарисованные) – по такой стране, которая называется... Средиземье. Да как бы она ни называлась, но чего только там нет! (Выше мы уже объясняли, чего только нет в сказочных краях. Кроме хоббитов, все есть. А теперь будут и хоббиты.) Толкин примеряется к сказке, насквозь пронизанной обращенной к детям интонацией, и персонажи мира «Сильмариллиона» одомашниваются: эльфы уже не эпические витязи с проклятьем на челе, а шустрые резвунчики; тролли – болваны людоеды, которых сам бог велит обвести вокруг пальца; даже орки-гоблины и те не злодеи, а скорее злыдни. А уж Гэндальф – сущий Санта Клаус! Что ж, правильно, так и надо, детская сказка диктует свои законы, и далеко не сразу обнаруживается, что одно другому на самом-то деле не противоречит, что это просто разные ракурсы изображения. Но все же обнаруживается; и почти неожиданно для читателя вольное странствие Бильбо Торбинса превращается чуть ли не в боевой маршрут. И что-то за этим стоит – или движется. И Гэндальф вовсе не Дед-Мороз, и вообще...

И вообще, игрушечные декорации врастают в землю (они только казались игрушечными), приключения становятся событиями, и гул их разносится далеко за пределами сказки – какое-то колечко подвернулось где-то там господину Бильбо Торбинсу: ох, не к добру это колечко! – и меняется масштаб, а с ним и роли персонажей. Бывший заяц Бильбо к концу «Хоббита» вовсе не таков, каким отправился в путешествие, но это бы еще ладно, он-то, грабитель-хоббит, сокращенно – грахоббит, не особенно изменился – изменился игрушечный мир, бесповоротно ставший Средиземьем. Вот, значит, где странствовал Бильбо, но тогда... но тогда надо, чтобы явилось Средиземье! И надо не выдумывать, а выяснять – с этим Толкин давно согласен. Но как же его вытянуть, это Средиземье? За что схватиться? Уж не за то ли колечко, которое Бильбо случайно... Да, вот именно, за него! Ведь не зря грахоббит довольно-таки нахально и неожиданно для себя его присвоил.

Волшебный мир, по которому странствовал господин Торбинс, вовсе не такой уж волшебный. Это наш мир, но неопознанный, а опознание дается опытом, и опытом нелегким, то есть многого требующим и от героя, и от автора-рассказчика, организатора и осуществителя сюжета открытия мира. Да и от читателя: Толкин – автор требовательный, и читатель праздный и небрежный ему не нужен. Открыватель мира и своей к нему причастности не может быть ни праздным, ни небрежным, ни невнимательным. Истый читатель Толкина (а таких нашлись многие миллионы), раз открывши Средиземье, никуда оттуда не денется, а со временем и до «Сильмариллиона» доберется. Между тем в «Сильмариллионе» описывается вовсе не тот мир, по которому путешествует Бильбо. Между нами и Бильбо дистанции нет, он из нашей детской, а вот между Бильбо и героями мрачных легенд – расстояние огромное.

И в книге «Хоббит» он его понемногу преодолевает, сам того не ведая, как до поры до времени и Толкин не ведал, что творил (во всякой книге история героя в какой-то мере история автора). Да, трудновато приходится Бильбо: на каждом шагу он вынужден доказывать – и притом все время сам, без посторонней помощи, – что он не столько хоббит, сколько грахоббит. Но это его дело, и он с ним неплохо справляется, осваиваясь в Средиземье. А вот чтобы к делу мог приступить читатель – для этого пришлось потрудиться профессору Толкину, пустив в ход всю свою изобретательность и эрудицию, все свои профессиональные навыки. Словом, времена Бильбо должны были стать Третьей эпохой, и за колечко его надо было вытащить всю историю Средиземья. А для этого следовало как минимум ее придумать.

Это открытие так поразило самого Толкина, что он даже бросил писать (или, если верить его детям, записывать) «Хоббита», когда выяснилось, что грахоббит Бильбо ни под каким видом в драконоборцы не годится. А через дракона не перепрыгнешь. Ну, бросил и бросил,

это было в порядке вещей, удивительно, скорее, что он удосужился написанное перепечатать в одном экземпляре. Видимо, по свойственной ему аккуратности; и еще затем, чтобы иной раз дать почитать друзьям и знакомым. Дети подросли, и их теперь ничуть не волновало, найдется ли для бывшего плюшевого зайки выход из безвыходного положения.

Заведомо, казалось бы, суждено было этой машинописи присоединиться к «Сильмариллиону» лишь внешним образом – «в портфеле», где, как писал Козьма Прутков, «много замечательного, но, к сожалению, неоконченного (d'inacheve)». Однако, по счастью, профессора Толкина (который, надо сказать, был легок на подъем, но трудно раскачивался) подвигли к выполнению трудновыполнимой задачи обстоятельства, не в последнюю очередь материальные. Всемогущая случайность сделала так, что ученица профессора восторженно рассказала о его забавах подруге – редактору издательства «Аллен энд Ануин», та заинтересовалась и, без особого труда проникнув к профессору, испросила машинопись на прочтение (можно себе представить, сколь мало Толкин ценил свое сочинение, если выдал его единственный (!) экземпляр по первой просьбе). Сьюзен Дагнэл – хочется назвать ее имя, потому что ей мы практически обязаны всем, что было дальше, – прочла машинописный текст и на свой страх и риск написала Толкину, что издательство от рукописи в восторге, просит только, если можно, закончить сюжет. Толкин такую возможность изыскал. Однако и в законченном виде сюжет вызвал глубокое недоумение директора издательства Стэнли Ануина. Он отдал рукопись на рецензию сыну, и тот с высоты своих десяти лет снисходительно, но очень доброжелательно рассудил, что пяти-, шести-, семи-, восьми— и девятилетним малышам эта будущая книжка просто-таки необходима. Не оторвутся.

И действительно, «Хоббит» имел потрясающий успех. Читали книгу отнюдь не только пяти-девятилетние малыши – от нее не могли оторваться и отроки, и взрослые читатели. Но именно дети отроческого возраста безошибочно почуяли, что им рассказано не только и не просто о похождениях зайки, расслышали в «Хоббите» дальше эхо еще не написанной эпопеи. И с детской неотвязностью требовали у потрясенного успехом книги издателя ее продолжения.

Мистер Ануин обратился на этот счет к автору «Хоббита», и тот, не к чести его будь сказано, попытался всучить ему «Сильмариллион». Издатель умоляюще-вежливо отписал Толкину, что присланная груда рукописей – это в общем-то не книга, а скорее источник продолжения «Хоббита». Тут он был не совсем прав, но, возражая ему, Толкин, как это часто бывает в честном споре, натолкнулся на соображения в пользу оппонента. Действительно, ведь недаром в конце «Хоббита» мелькнула спина Некроманта – уж не старый ли это знакомец Саурон Великий, правая рука Моргота? Кто ж, как не он?

И Толкин принялся выискивать в тексте «Хоббита» то самое, что в нем подметили дети, – то, что в нем *само писалось* (вспомним, ведь так начинался и «Сильмариллион»). Взять хоть колечко: что-то уж очень стал меняться Бильбо с тех пор, как его заполучил. Оно по сюжету так и надо, чтоб менялся, но сюжет – это не насилие над материалом повествования, а выявление его скрытых возможностей.

Нет, видимо, не простое это колечко: вот и Гэндальфа оно почему-то встревожило. А Гэндальф – вовсе не устроитель «страшных опасностей и ужасных приключений», каким он отрекомендовался Бильбо (адресуясь к детям-читателям) в начале «Хоббита». Такому было бы не под силу выгнать Некроманта из крепости Дул-Гулдур в глубине Лихолесья – ему впору разве что троллей дурачить; какие-то захудалые гоблины его чуть не искрошили вместе с гномами, потом простые волки едва не заели, а он только и мог, что в них шишками кидаться. Ну, положим, все это с точки зрения Бильбо...

Примерно так рассуждает Толкин в письмах к издателю; вряд ли что-нибудь из этого было понятно мистеру Ануину, зато, когда его автор все еще почти вслепую написал первую, довольно безоблачную главу новой «хоббитской» книги и прислал ее на отзыв, она была тут

же предъявлена сыну-рецензенту, теперь уже одиннадцатилетнему, и одобрена безоговорочно. «Пишите, не останавливайтесь», – посоветовал мистер Ануин профессору Толкину.

Толкин этому совету последовал – и попал в свою обычную переделку: у него понаписалось такое, что не лезло ни в какие сюжетные ворота. Даже перед спасительным кольцом, подлинным хозяином которого уже стал Некромант, рассказ топтался, как верблюд перед игольным ушком. Решение было найдено посредством умножения: кольцо оказалось одним из многих, но Главным из них. И мистеру Ануину пришло сообщение, что будущая книга называется «Властелин Колец». На этом сообщении она и застряла, потому что сюжетное задание предстало перед автором во весь рост: тут нужны были не месяцы, а годы и годы кропотливой предварительной работы. Может, историю Средиземья от «Сильмариллиона» до походов Бильбо и не надо тащить в сюжет, но «выяснить» ее (любимое словцо Толкина) требовалось досконально.

Между тем подсказывать ее начала сама действительность: в те самые дни, когда ненаписанная книга получила заглавие, Чемберлен подписал Мюнхенское соглашение с Гитлером. А дальше развернулись такие события, и с такой быстротой... Сколько угодно может Толкин раздраженно настаивать на том, что его книга не есть иносказание Второй мировой войны, – и конечно же, нет, подобное аллегорическое истолкование (опробованное критикой) эпопею примитивизирует, обедняет и опошляет. Но когда он в полемическом запале утверждает, будто она и совсем не связана с семью военными годами, – это уж извините. Никак в это не верится – хотя бы потому, что его сын Майкл был зенитчиком, а Кристофер – военным летчиком (старший – Джон – принял священнический сан и призыву не подлежал). Да и струнулась-то книга с очередной мертвой точки в начале 1944 года – вряд ли случайно. Как шла над ней работа, можно проследить по очень частым письмам Кристоферу в армию. Вскоре конверты стали разбухать, вместо сообщений о книге пошел ее текст.

Однако и в 1945-м эпопея была еще очень далека от завершения, и все потому же – надо было уяснять и продумывать многотысячелетнюю предысторию Средиземья. Читатель своевременно ознакомится с ней в приложениях; пока что ограничимся ее самым сжатым очерком.

После низвержения Моргота людям – то есть лучшим из них, тем, кто выстоял до конца в борьбе с неимоверным Злом, казалось всепобеждающим, – был дарован в награду огромный цветущий остров вдали от истерзанного войнами материка Средиземья. Там воздвиглось в несравненном могуществе и великолепии царство Нуменор, и первым его государем был сын Эарендила полуэльф Элрос. Три тысячи лет просуществовал Нуменор, и блеск его затмил даже память о былых эльфийских царствах.

А те эльфы, которые не пожелали переселяться в блаженный край Валинор, и люди, оставшиеся в Средиземье, вскоре, то есть через пятьсот трудных лет, снова оказались лицом к лицу с возродившимся Злом – Сауроном, новоявленным властелином черного царства Мордор. Он собрал рассеянных приверженцев Моргота и возвеличился, но все же покорить людей, эльфов и гномов, вместе взятых, было ему не под силу, и он решил подчинить их себе коварством и чародейством. Он соблазнил потомков Феанора, эльфов-искусников, выковать для сильных мира сего волшебные кольца, которые помогут им во всех их свершениях. Велики были познания Саурона, и он делился ими с эльфийскими кузнецами, а у них перенимал мастерство. И участвовал в изготовлении колец для людей и гномов; правда, три кольца для своих царей эльфы смастерили без него. Это, однако, не препятствовало его замыслу, а замыслом было неодолимое владычество над всеми и вся. И в 1600 году Второй эпохи, когда эльфы любовались своей работой, Саурон закончил свою, и с вершины Роковой горы Ородруина раскатилось его громовое заклятье:

Три Кольца – для царственных эльфов в небесных шатрах,

Семь – для властительных гномов, гранильщиков в каменном лоне,
Девять – для Девятерых, облеченных в могильный прах,
Одно наденет Владыка на черном троне
В стране по имени Мордор, где распростерся мрак.
Одно Кольцо покорит их, одно соберет их,
Одно их притянет и в черную цепь скует их
В стране по имени Мордор, где распростерся мрак.

Обманутые мастера расслышали его, поняли – и спрятали три эльфийских кольца: надевать их теперь было нельзя, чтоб не стать рабами Саурона. А тот раздал кольца людям и гномам. С гномами у него не получилось: они, как мы помним, были сработаны крепко, с большим запасом сопротивления. Кольца развращали их, и они становились непомерно алчными, но Саурону от этого никакой прибыли не было. Они нагромождали сокровища и оказывались добычей золотолюбивых драконов, которые пожирали их вместе с кольцами. Так были утрачены четыре кольца из семи; остальные Саурон ухитрился отобрать.

Зато получилось с людьми: девять смертных владык стали рабами колец, бессмертными мертвецами – и самыми верными приспешниками Саурона, который, подобно Морготу, принялся сокрушать царства и княжества Средиземья.

Но сравниться в мощи с Нуменором не мог никто; оттуда приплыл большой флот, и Саурон Великий был взят узником и увезен в заморское царство. Тамошнего государя он опять-таки соблазнил призраком земного бессмертья: ради него надлежало лишь покорить блаженные края – это ли не во власти величайшего из царей земных? В 3319 году туда отправилась могучая армада – и сгинула в морской пучине, поглотившей заодно и царство Нуменор. (Толкин, разумеется, имеет в виду легенду об Атлантиде.)

Спасти удалось немногим, тем, кто не алкал чужого удела бессмертья, и в их числе был благородный Элендил, основатель княжеств Арнор и Гондор, будущий победитель Саурона – ценою собственной жизни. Сын его Исилдур завладел Кольцом Всевластья и если бы не погиб, то стал бы преемником Черного Властелина. К счастью для себя, он погиб, а Кольцо кануло в реку Андуйн.

И началась Третья эпоха, в которую главными противниками неизбежного (ибо сохранилось Кольцо, и Девятеро Кольценосцев свирепствовали в Средиземье, готовя встречу своему Владыке) нового наступления Зла стали тайные посланцы Валинора маги и их Светлый Совет. Но тут уж мы, того и гляди, вступим на страницы эпопеи.

Она была закончена осенью 1949 года, дорабатывалась и блуждала по издательствам еще пять лет. «Аллен энд Ануин» опубликовало первую часть в августе 1954-го, вторую – в октябре, третью (с приложениями) – лишь через год. Кстати, считать эпопею трехтомной не следует: ее разделили на трие для удобства публикации, и даже названия томов придумал не сам Толкин, а его бывший малолетний рецензент, ныне отцовский компаньон Райнер Ануин.

Началось победное шествие книги. Перепечатывалась и перепечатывается она в Англии и в США почти каждый год, а то и чаще. Первым ее переводом был голландский (1956), впоследствии шведский, польский, датский, немецкий, итальянский, французский, японский, финский, норвежский, португальский, венгерский, исландский и т. д. Но это уже не предыстория, а мы ограничимся ею. Подсказывать или предписывать читателю должное понимание еще не прочитанной книги незачем; достаточно, что мы его к ней подвели, а уж он сам разберется, как это блестяще показала публикация «немного сокращенного» перевода первой части издательством «Детская литература» в 1982 году.

На прощанье хочется, однако, обратить внимание на факт столь очевидный, что он обычно ускользает от внимания. Первая фраза пролога: «Рассказ у нас пойдет в особенности

о хоббитах». Между тем называется-то эпопея «Властелин Колец». Что это значит и как это понимать?

Вернее всего, пожалуй, так: это книга о природе власти, которая хочет быть властью над человеком, власти безнравственной и порабащающей, основанной на лжи и насилии. Духовная капитуляция перед такой властью и всякая ей сопричастность растлевают и губят человека. Общие нравственные законы существования человечества непреложны. Человеческое достоинство – главное достояние человека, и нужно отстаивать его до конца любой ценой, в любых обстоятельствах.

И конечно же, книга «в особенности о хоббитах» – о том, как мистер Пиквик, он же Фродо Торбинс, и его верный слуга Сэм Уэлер, он же Сэммиум Скромби, оказались главными и роковыми противниками Саурона Великого, самозванного властелина мира сего.

Как всякий автор предисловия, обращенного к читателю, я лишь себя надеждой, что читатель обращен ко мне лицом. Стало быть, пока что спиной к книге. Посмотрите, что у вас за спиной.

В. Муравьев

*Три Кольца – премудрым эльфам – для добра их
гордого,
Семь Колец – пещерным гномам – для труда их
горного,
Девять – людям Средиземья – для служенья
черного
И бесстрашия в сраженьях смертоносно твердого,
А Одно – всесильное – Властелину Мордора,
Чтоб разъединить их всех, чтоб лишить их воли
И объединить навек в их земной юдоли
Под владычеством всесильным Властелина
Мордора.*

Пролог

1. О хоббитах

Рассказ у нас пойдет в особенности о хоббитах, и любознательный читатель многое узнает об их нравах и кое-что из их истории. Самых любознательных отсылаем к повести под названием «Хоббит», где пересказаны начальные главы Алой Книги Западных Пределов, которые написал Бильбо Торбинс, впервые прославивший свой народец в большом мире. Главы эти носят общий подзаголовок «Туда и Обратно», потому что повествуют о странствии Бильбо на восток и возвращении домой. Как раз по милости Бильбо хоббиты и угодили в самую лавину грозных событий, о которых нам предстоит поведать.

Многие, однако, и вообще про хоббитов ничего не знают, а хотели бы знать – но не у всех же есть под рукой книга «Хоббит». Вот и прочтите, если угодно, начальные сведения о хоббитах, а заодно и краткий пересказ приключений Бильбо.

Хоббиты – неприметный, но очень древний народец; раньше их было куда больше, чем нынче: они любят тишину и покой, тучную пашню и цветущие луга, а сейчас в мире стало что-то очень шумно и довольно тесно. Умелые и сноровистые, хоббиты, однако, терпеть не могли – да не могут и поныне – устройств сложнее кузнечных мехов, водяной мельницы и прялки. Издревле сторонились они людей – на их языке Громадин, – а теперь даже и на глаза им не показываются. Слух у них завидный, глаз острый; они, правда, толстоваты и не любят спешки, но в случае чего проворства и ловкости им не занимать. Хоббиты привыкли исчезать мгновенно и бесшумно при виде незваной Громадины, да так наловчились, что людям это стало казаться волшебством. А хоббиты ни о каком волшебстве и понятия не имели: отроду мастера прятаться, они чуть что – скрывались из глаз, на удивление своим большим и неуклюжим соседям.

Они ведь маленькие, в полчеловека ростом, меньше даже гномов – пониже и не такие крепкие да кряжистые. Сейчас-то и трехфутовый хоббит – редкость, а раньше, говорят, все они были не очень уж малорослые. Согласно Алой Книге, Бандобрас Крол (Быкобор), сын Изенгрима Второго, был ростом четыре фута пять дюймов и сживал верхом на лошади. Во всей хоббитской истории с ним могут сравниться лишь два достопамятных мужа древности; об их-то похождениях и повествуется в нашей хронике.

Во дни мира и благоденствия хоббиты жили как жилось – а жилось весело. Одевались пестро, все больше в желтое и зеленое, башмаков не носили: твердые их ступни обрастали густой курчавой шерсткой, обычно темно-русой, как волосы на голове. Так что сапожное ремесло было у них не в почете, зато процветали другие ремесла, и длинные искусные пальцы хоббитов мастерили очень полезные, а главное – превосходные вещи. Лица их красотой не отличались, скорее добродушием – щекастые, ясноглазые, румяные, рот чуть не до ушей, всегда готовый смеяться, есть и пить. Смеялись до упаду, пили и ели всласть, шутки были незатейливые, еда по шесть раз на день (было бы что есть). Радужные хоббиты очень любили принимать гостей и получать подарки – и сами в долгу не оставались.

Очевидно, хоббиты – наши прямые сородичи, не в пример ближе эльфов, да и гномов. Исстари говорили они на человеческом наречии, по-своему перекроенном, и во многом походили на людей. Но что у нас с ними за родство – теперь уж не выяснить. Хоббиты – порождение незапамятных дней Предначальной Эпохи. Одни эльфы хранят еще письменные преданья тех канувших в прошлое древних времен, да и то лишь о себе – про людей там мало, а про хоббитов и вовсе не упоминается. Так, никем не замеченные, хоббиты жили себе и жили в Средиземье

долгие века. В мире ведь полным-полно всякой чудной твари, и кому было какое дело до этих малюток? Но при жизни Бильбо и наследника его Фродо они вдруг, сами того ничуть не желая, стали всем важны и всем известны, и о них заговорили на Советах Мудрецов и Властителей.

Третья эпоха Средиземья давно минула, и мир сейчас уж совсем не тот, но хоббиты живут там же, где жили тогда: на северо-западе Старого Света, к востоку от Моря. А откуда они взялись и где жили изначально – этого никто не знал уже и во времена Бильбо. Ученость была у них не в почете (разве что родословие), но в старинных семействах по-прежнему водился обычай не только читать свои хоббитские книги, но и разузнавать о прежних временах и дальних странах у эльфов, гномов и людей. Собственные их летописи начинались с заселения Хоббитании, и даже самые старые хоббитские были восходят к Дням Странствий, не ранее того. Однако же и по этим преданиям, и по некоторым словечкам и обычаям понятно, что хоббиты, подобно многим другим народам, пришли когда-то с востока.

Древнейшие были их хранят смутный отблеск тех дней, когда они обитали в равнинных верховьях Андуина, между окраинами Великой Пущи и Мглистыми горами. Но почему они вдруг пустились в трудное и опасное кочевье по горам и перебрались в Эриадор – теперь уж не понять. Упоминалось там у них, правда, что, мол, и людей кругом развелось многовато и что на Пущу надвинулась какая-то тень и омраченная Пуща даже и называться стала по-новому – Лихолесье.

Еще до кочевья через горы насчитывалось три породы хоббитов: лапитупы, струсы и беляки. Лапитупы были посмуглее и помельче, бород не имели, башмаков не носили; у них были цепкие руки и хваткие ноги, и жили они преимущественно в горах, на горных склонах. Струсы были крепенькие, коренастенькие, большерукие и большеногие; селились они на равнинах и в поречье. А беляки – светлокожие и русоволосые, выше и стройнее прочих; им по душе была зелень лесов.

Лапитупы в старину водили дружбу с гномами и долго прожили в предгорьях. На запад они стронулись рано и блуждали по Эриадору близ горы Заверть, еще когда их сородичи и не думали покидать свое Глухоманье. Они были самые нормальные, самые правильные хоббиты, и они дольше всех сохранили обычай предков – рыть норы и подземные ходы.

Струсы давным-давно жили по берегам Великой Реки Андуин и там попривыкли к людям. На запад они потянулись за лапитупами, однако же свернули к югу вдоль реки Бесноватой; многие из них расселились от переправы Тарбад до Сирых Равнин; потом они опять немного подались на север.

Беляки – порода северная и самая малочисленная. Они, не в пример прочим хоббитам, сблизилась с эльфами: сказки и песни им были милее, нежели ремесла, а охота любезнее земледелия. Они пересекли горы севернее Раздола и спустились по левому берегу реки Буйной. В Эриадоре они вскоре смешались с новооседлыми хоббитами иных пород и, будучи по натуре смелее и предприимчивее прочих, то и дело волею судеб оказывались вожаками и старейшинами струсов и лапитупов. Даже во времена Бильбо беляцкая порода очень еще чувствовалась в главнейших семействах, вроде Кролов и Правителей Забрэндии.

Между Мглистыми и Лунными горами хоббитам встретились и эльфы, и люди. В ту пору еще жили здесь дунаданцы, царственные потомки тех, кто приплыл по морю с Заокраинного Запада; но их становилось все меньше, и Северное Княжество постепенно обращалось в руины. Пришельцев-хоббитов не обижали, места хватало, и они быстро обжились на новых землях. Ко времени Бильбо от первых хоббитских селений большей частью и следа не осталось, однако

важнейшее из них все-таки сохранилось: хоббиты по-прежнему жили в Пригорье и окрестном лесу Четбор, милях в сорока к востоку от Хоббитании.

В те же далекие времена они, должно быть, освоили и письменность – на манер дунаданцев, которые когда-то давным-давно переняли ее у эльфов. Скоро они перезабыли прежние наречия и стали говорить на всеобщем языке, распространившемся повсюду – от Арнора до Гондора и на всем морском побережье, от Золотистого Взморья до Голубых гор. Впрочем, кое-какие свои древние слова хоббиты все же сохранили: названия месяцев, дней недели и, разумеется, очень многие имена собственные.

Тут легенды наконец сменяет история, а несчетные века – отсчет лет. Ибо в тысяча шестьсот первом году Третьей эпохи братья-беляки Марчо и Бланко покинули Пригорье и, получив на то дозволение от великого князя в Форносте ¹, пересекли бурную реку Барандуин во главе целого полчища хоббитов. Они прошли по Большому Каменному мосту, выстроенному в лучшие времена Северного Княжества, и распространились по заречным землям до Западного взгорья. Требовалось от них всего-навсего, чтобы они чинили Большой мост, содержали в порядке остальные мосты и дороги, препровождали княжеских гонцов и признавали князя своим верховным владыкой.

Отсюда и берет начало Летосчисление Хоббитании (Л.Х.), ибо год перехода через Брендидуим (так изменили хоббиты название реки) стал для Хоббитании Годом Первым, рубежом дальнейшего отсчета ². Западные хоббиты сразу же полюбили свой новообретенный край, за его пределами не появлялись и вскоре снова исчезли из истории людей и эльфов. Они хоть и считались княжескими подданными, но делами их вершили свои вожаки, а в чужие дела они носа не совали. Когда Форност ополчился на последнюю битву с ангмарским царем-колдуном, они будто бы послали на помощь князю отряд лучников, но людские хроники этого не подтверждают. В этой войне Северное Княжество сгнуло; с той поры хоббиты стали считать себя полновластными хозяевами дарованной им земли и выбрали из числа вожаков своего Хоббитана, как бы наместника бывшего князя. Добрую тысячу лет войны обходили их стороной, и, пережив поветрие Черной Смерти в 37 г. (Л.Х.), они плодились и множились, пока их не постигла Долгая Зима, а за нею страшный голод. Многие тысячи погибли голодной смертью, но уже и Дни Нужды (1158–1160) ко времени нашего рассказа канули в далекое прошлое, и хоббиты снова привыкли к изобилию. Край их был богатый и щедрый, и хотя достался им заброшенным, но прежде земля возделывалась на славу, и хозяйский взор князя некогда радовали уголья и нивы, сады и виноградники.

С востока на запад, от Западного взгорья до Брендидуимского моста, земли их простирались на сорок лиг и на пятьдесят – от северных топей до южных болот. Все это стало называться Хоббитанией; в этом уютном закоулке хоббиты наладили жизнь по-своему, не обращая внимания на всякие безобразия за рубежами их земель, и привыкли считать, что покой и довольство – обыденная судьба обитателей Средиземья, а иначе и быть не должно. Они забыли или предали забвенью то немногое, что знали о ратных трудах Стражей – давних радетелей мира на северо-западе. Хоббиты состояли под их защитой и перестали думать об этом.

Чего в хоббитах не было, так это воинственности, и между собой они не враждовали никогда. В свое время им, конечно, пришлось, как водится в нашем мире, постоять за себя, но при Бильбо это уже было незапамятное прошлое. Отошла в область преданий и единственная битва в пределах Хоббитании: в Зеленополье в 1147 г. (Л.Х.), когда Бандобрас Крол наголову разгромил вторгнувшихся орков. Климат и тот смягчился: бывлые зимние нашествия волков с севера стали бабушкиными сказками. Так что если в Хоббитании и можно было найти

¹ Согласно летописям Гондора, это был Аргелеб Второй, двадцатый князь северной династии, которая завершилась через триста лет княжением Арведуи. – *Примеч. автора.*

² Таким образом, год Третьей эпохи в исчислении эльфов и людей узнается путем прибавления 1600 к хоббитской дате. – *Примеч. автора.*

какое-нибудь оружие, то разве что по стенам, над каминами или среди хлама, пылившегося в музее города Землеройска. Музей этот назывался Мусомный Амбар, ибо всякая вещь, которую девать было некуда, а выбросить жалко, называлась у хоббитов *мусомом*. Такого мусома в жилищах у них накапливалось изрядно, и многие подарки, переходившие из рук в руки, были того же свойства.

Однако сытная и покойная жизнь почему-то вовсе не изнежила этих малюток. Припугнуть, а тем более пришибить хоббита было совсем непросто; может статься, они потому так и любили блага земные, что умели спокойно обходиться без них, переносили беды, лишения, напасти и непогодь куда тверже, чем можно было подумать, глядя на их упитанные животики и круглые физиономии. Непривычные к драке, не признававшие охоты, они вовсе не терялись перед опасностью и не совсем отвыкли от оружия. Зоркий глаз и твердая рука делали их меткими лучниками – да и не только лучниками. Если уж хоббит нагибался за камнем, то всякий зверь знал, что надо удирать без оглядки.

По преданию, когда-то все хоббиты рыли себе норы; они и сейчас считают, что под землей уютнее всего, но со временем им пришлось привыкать и к иным жилищам. По правде сказать, во дни Бильбо по старинке жили только самые богатые и самые бедные хоббиты. Бедняки ютились в грубых землянках, сущих норах, без окон или с одним окошком; а те, кто позажиточнее, из уважения к древнему обычаю строили себе подземные хоромы. Не всякое место годилось для рытья широких и разветвленных ходов (именовавшихся *смиалами*); и в низинах хоббиты, размножившись, начали строить наземные дома. Даже в холмистых областях и старых поселках, таких как Норгорд или Кролы, да и в главном городке Хоббитании, в Землеройске на Светлом нагорье, выросли деревянные, кирпичные и каменные строения. Особенно они были сподручны мельникам, кузнецам, канатчикам, тележникам и вообще мастеровым; ведь даже еще живучи в норах, хоббиты с давних пор строили сараи и мастерские.

Говорят, будто обычай строить фермы и амбары завели в Болотищах у Брендидуима. Тамошние хоббиты, жители Восточного удела, были крупные и большеногие и в сырую погоду носили гномские башмаки. Но они, известное дело, происходили от струсов: недаром у них почти у всех обрастали волосом подбородки. Ни у лапитупов, ни у беляков никакой бороды не росло. Действительно, на Болотище и на Заячьи Холмы к востоку от Брендидуима хоббиты явились особняком, большей частью с юга: у них остались диковинные имена, и слова они роняли такие, каких в Хоббитании никогда не слыхивали.

Вполне вероятно, что строить хоббиты научились у дунаданцев, как научились многому другому. Но могли научиться и прямо у эльфов, у первых наставников людей. Ведь даже Вышние эльфы тогда еще не покинули Средиземье и жили в то время на западе, близ Серебристой Гавани, да и не только там, но совсем неподалеку от Хоббитании. С незапамятного века виднелись на Подбашенных горах за пограничными западными топиями три эльфийские башни. Далеко окрест сияли они в лунном свете. Самая высокая была дальше всех: она одиноко высилась на зеленом кургане. Хоббиты из Западного удела говорили, будто с вершины этой башни видно Море; но, насколько известно, на вершине башни ни один хоббит не бывал. Вообще редкие хоббиты видели Море, мало кто из них по Морю плывал и уж совсем никто об этом не рассказывал. Море морем, а даже речонки и лодочки были хоббитам очень подозрительны; и тем более тем из них, кто почему-либо умел плавать. Все реже и реже хоббиты заговаривали с эльфами и стали их побаиваться, а заодно и тех, кто с ними якшался. И Море сделалось для них страшным словом, напоминающим о смерти, и они отвратили взгляды от западных холмов.

У кого бы они строить ни научились, у эльфов или у людей, но строили хоббиты по-своему. Башен им не требовалось. А требовались длинные, низкие и уютные строения. Самые старинные из них походили на выползшие из-под земли смиалы, покрытые сеном, соломой или торфяными пластами; стены их немного пучились. Правда, так строили в Хоббитании только поначалу, а с тех пор все изменилось и усовершенствовалось, отчасти благодаря гномам, отча-

сти собственными стараниями. Главной особенностью хоббитских строений остались круглые окна и даже круглые двери.

Дома и норы в Хоббитании рассчитывались на большую ногу, и обитали там большие семьи. (Бильбо и Фродо Торбинсы – холостяки – составляли исключение, как и во многом другом, например в своих эльфийских пристрастиях.) Иногда, подобно Кролам из Преогромных Смиалов или Брендизайкам из Хоромин-у-Брендидуима, многие поколения родственников жили – не сказать чтобы мирно – в дедовских норах, то бишь наземных особняках. Кстати, хоббиты – народ чрезвычайно семейственный, и уж родством они считались крайне старательно. Они вырисовывали длинные, ветвистые родословные древа. С хоббитами важнее всего понять, кто кому родня и кто кому какая родня. Однако же в нашей книге было бы совершенно невозможно изобразить родословное древо, даже обозначив на нем только самых главных членов самых главных семейств – тут никакой книги не хватит. Генеалогические древа в конце Алой Книги Западных Пределов – сами по себе книга, и в нее никогда не заглядывал никто, кроме хоббитов. А хоббитами, если они верны себе, только это и требуется: им надо, чтобы в книгах было то, что они и так уже знают, и чтобы изложено это было просто и ясно, без всякой путаницы.

2. О трубочном зелье

Вот что надо бы еще упомянуть насчет хоббитов: исстари был у них диковинный обычай – они всасывали или вдыхали через глиняные или деревянные трубки дым тлеющих листьев травы, называемой ими «трубочное зелье», или «травка», по-видимому, разновидности *Nicotiana*. Великой тайной окутано происхождение этого странного обычая, или «искусства», как именуют его хоббиты. Все, что удалось по этому поводу обнаружить с древних времен, свел воедино Мериадок Брендизайк (позднее Правитель Забрэндии), и ввиду того, что он, а также и табак из Южного удела играют некоторую роль в нашей повести, придется процитировать его введение к «Травнику Хоббитании».

«Это, – пишет он, – единственное искусство, которое мы твердо и по совести можем считать нашим собственным изобретением. Неизвестно, когда хоббиты начали курить, во всех наших легендах и семейных историях это само собой разумеется, многие века народ Хоббитании курил различные травы, смрадные и благоуханные. Однако все летописи сходятся в том, что Тобольд Громобой из Длиннохвостья в Южном уделе первым вырастил настоящее трубочное зелье в своем огороде во дни Изенгрима Второго, год примерно 1070-й согласно Летоисчислению Хоббитании (Л.Х.). Лучшее наше зелье по-прежнему там и растет: в особенности же сорта, ныне известные под названием «Длиннохвостая травка», «Старый Тоби» и «Южная звезда».

Каким образом Старый Тоби разнюхал это растение – неизвестно: сам он на смертном одре ни в чем не признался. По части трав он был знаток, но отнюдь не путешественник. По слухам, в юности он часто бывал в Пригорье, но далее Пригорья, как это в точности выяснено, никуда не отлучался. Весьма вероятно, что именно в Пригорье он растение и отыскал: там, кстати говоря, оно и поныне произрастает на южных склонах. Хоббиты-пригоряне утверждают, будто им впервые пришлось в голову курить трубочное зелье. Они, разумеется, во всем стремятся опередить жителей Хоббитании, которых называют «колонистами»; но в данном случае, полагаю, они не совсем не правы. Искусство курения подлинного зелья, несомненно, берет свое начало в Пригорье: оттуда оно распространилось среди гномов и других мимоходцев – Следопытов, Магов и им подобных бродяг, которые и сейчас сходятся на этом древнейшем дорожном перекрестке. Таким образом, следует признать первоисточником и центром распространения вышеупомянутого искусства старинный пригорянский трактир «Гарцующий пони», который с незапамятных лет содержит семья Наркисс.

И тем не менее наблюдения, произведенные мною во время моих неоднократных путешествий на юг, убедили меня, что зелье, подлежащее курению, произрастает не только в нашей части света, но также и в низовьях Андуина, куда его, очевидно, завезли морским путем люди Западного Края. Ныне оно изобилует в землях Гондора и растет там не в пример пышнее, нежели на севере, где отнюдь не является дикорастущим, но требует тепла и ухода, подобно как в Длиннохвостье. Гондорцы называют его «сладкий табак» и ценят лишь за благоухание цветов. Оттуда по Неторному Пути его могли занести в наши места на протяжении долгих столетий между княжением Элендила и нынешними днями. Но гондорские дунаданцы и те признают, что хоббиты первыми надумали курить эту траву. Даже маги до этого не додумались. Правда, в минувшие дни знавал я одного мага, который был не чужд нашему искусству и преуспел в нем, как и во всем, за что брался».

3. О благоустройстве Хоббитании

Хоббитания делилась на четыре удела: Северный, Южный, Восточный и Западный, а уделы – на округа, именовавшиеся в честь самых древних и почтенных местных родов, хотя потомки этих родов обитали порой совсем в другой части Хоббитании. Почти все Кролы по-прежнему жили в Укролье; но с Торбинсами и Булкинсами, например, дело обстояло иначе. Помимо уделов, имелись еще Восточные и Западные Выселки: Восточные – это Заячьи Холмы, а Западные были прирезаны к Хоббитании в 1164 году (Л.Х.).

В ту давнюю пору, о которой мы ведем речь, в Хоббитании почти что и не было никакого «правительства». Каждый род сам, как умел, разбирался со своими делами – большей частью насчет того, как вырастить получше урожай и как повкуснее прокормиться. А в остальном хоббиты были более или менее покладистые, вовсе не жадные; привычно довольные своим, на чужое они не зарились – так что земли, фермы, мастерские и заведения хозяев не меняли, а мирно переходили по наследству.

Издревле помнилось, конечно, что был когда-то великий князь в Форносте или, как переиначили хоббиты, в Северне, где-то там, к северу от Хоббитании. Но князя-то уже не было чуть не тысячу лет, и даже развалины княжьего Северна заросли травой. Однако же хоббиты по-прежнему говорили про диких зверей и про нечисть вроде троллей, что им и князь не указ, какой с них спрос. От стародавнего князя они вели все свои законы и порядки и блюли их истово и по доброй воле, потому что законы – они и есть самые правильные Правила, и тебе древние, и справедливые.

Древнейшим родом испокон веков были у них Кролы: титул Хоббитана перешел к ним (от Побегайков) много сот лет назад, и с тех пор его неизменно носил старейшина Крол. Хоббитан главенствовал на всеобщих сходках, предводительствовал дружиной и ополчением, но и дружина и ополчение потребны были лишь в случае опасности, а случаев таких давным-давно не бывало, и титул Хоббитана стал всего лишь знаком почтения. Род Кролов, и то сказать, был в большом почете как весьма многочисленный и чрезвычайно богатый; в каждом поколении рождались Кролы особого склада и очень уж не робкого десятка. Подобные их свойства терпеть терпели (все ж таки богачи), но не одобряли. Однако старейшину рода по-заведенному называли по всей Хоббитании Наш Крол, а если нужно было, то и добавляли к его имени порядковый номер: скажем, Изенгрим Второй.

На деле же единственной властью был городской голова Землеройска (а заодно и всей Хоббитании), которого переизбирали раз в семь лет во время Вольной Ярмарки на Светлом нагорье, в те три или четыре летних дня, которые у хоббитов делили год надвое и назывались «прилипки». Голова обязан был главным образом возглавлять большие пиршества по случаю хоббитанских праздников, довольно-таки частых. Но вдобавок он исправлял обязанности Начальника Почтовых Дел и Старшины Ширрифов, так что его заботам препоручалась

Доставка посланий, а также Управа благочиния. Никаких других услуг в Хоббитании не имелось, и с посланиями забот было куда больше, чем с благочинием. Отнюдь не каждый хоббит знал грамоту, но уж если знал, то писал всем своим друзьям (и избранной родне) – всем, кого за дальностью проживания нельзя было навестить, гуляючи после обеда.

Ширрифами хоббиты называли свою стражу – вернее сказать, тех, кто им таковую заменял. Формы они, конечно, не носили (ничего подобного и в помине не было), только втыкали перо в шапку, и были скорее сторожами, чем стражниками – следили не за народом, а за зверьем. Всего их было двенадцать, по три в каждом уделе, и занимались они там Удельными делами. Кроме них, был еще непостоянный числом отряд, которому поручалось «обхаживать границы», чтоб никакие чужаки, будь то Громадины или мелюзга, не натворили в Хоббитании безобразий.

В те времена, когда начинается наша повесть, от пролаз, как назывались непрошенные гости, прямо-таки отбою не стало. Четыре удела Хоббитании обменивались известиями и слухами о невиданных зверях и непонятных чужаках, которые рыскали возле границ, частенько нарушая их: это был первый признак, что жизнь идет не совсем так, как надо, как было всегда, – ведь об ином, давно забытом, глухо напоминали только самые старинные сказания. Тогда еще никто не понимал, в чем дело, даже сам Бильбо. Шестьдесят лет минуло с тех пор, как он пустился в свое памятное путешествие; он был стар, даже по хоббитскому счету, хотя у них, в общем, было принято доживать до ста лет; но богатства, привезенные им, судя по всему, не истощились. Много или мало осталось у него сокровищ – этого он никому не открывал, даже любимому племяннику Фродо. И ни о каком Кольце тоже речи не было.

4. О том, как нашлось Кольцо

Как рассказано в книге «Хоббит», однажды к Бильбо явился великий маг Гэндальф Серый, а с ним тринадцать гномов: царь-изгнанник Торин Дубоцит и двенадцать его сотоварищей. Апрельским утром 1341 года от заселения Хоббитании Бильбо, сам себе на удивление, вдруг отправился далеко на восток возвращать гномам несметные сокровища, скопленные за много столетий в Подгорном Царстве. Им сопутствовал успех: от дракона, который стерег клад, удалось избавиться. Решила дело Битва Пяти Воинств, в которой погиб Торин и совершено было много ратных подвигов; однако долгая летопись Третьей эпохи упомянула бы об этом в одной, от силы в двух строках, если бы не одно будто бы случайное происшествие по дороге.

Во Мглистых горах, по пути к Глухоманью, на путников напали орки; Бильбо отстал от своих и потерялся в черном лабиринте копей. Пробираясь ползком и ощупью, он нашарил какое-то кольцо и не долго думая положил его себе в карман, просто как случайную находку.

В тщетных поисках выхода он забрел в самую глубь горы, к холодному озеру, посреди которого на каменном островке жил Горлум, мерзкое существо с белесыми мерцающими глазами. Он плавал на плоскодонке, загребая широкими плоскими ступнями, ловил слепую рыбу длинными когтистыми пальцами и пожирал ее сырым. Он ел всякую живность, даже орков, если удавалось поймать и задушить какого-нибудь без особой возни. У него было тайное сокровище, доставшееся ему давным-давно, когда он еще жил наверху, на белом свете: волшебное золотое кольцо. Если его надеть, становишься невидимкой. Только его он и любил, называл «прелестью» и разговаривал с ним, даже когда не брал с собою. Обычно не брал: он его хранил в укромном месте на островке и надевал, только если шел охотиться на орков.

Будь кольцо при нем, он бы, наверно, сразу кинулся на Бильбо, но кольца при нем не было, а хоббит держал в руке эльфийский кинжал, служивший ему мечом. И чтобы оттянуть время, Горлум предложил Бильбо сыграть в загадки: если тот какую-нибудь не отгадает, то Горлум убьет его и съест, а если не отгадает Горлум, то он выведет Бильбо наружу.

Бильбо согласился: смертельный риск был все же лучше безнадежных блужданий, и они загадали друг другу немало загадок. Наконец Бильбо выиграл, хотя выручила его не смекалка, а опять-таки случайность: он запнулся, подбирая загадку потруднее, зачем-то полез рукой в карман, нащупал подобранное и забытое кольцо и растерянно вскрикнул: «Что там у меня в кармане?» И Горлум не отгадал – с трех попыток.

Существуют разногласия насчет того, можно ли считать этот вопрос загадкой, отвечающей строгим правилам игры; но все согласны, что раз уж Горлум взялся отвечать, то обязан был соблюсти уговор. Этого от него и потребовал Бильбо, несколько опасаясь, что скользкая тварь как-нибудь его обманет, хотя такие уговоры издревле считаются священными у всех, кроме самых отпетых злодеев. Но за века одиночества и тьмы душа Горлума стала совсем черной, и предательство было ему нипочем. Он пронырнул темной водой на свой островок неподалеку от берега, оставив Бильбо в недоумении. Там, думал Горлум, лежит его кольцо. Он был голоден и зол; и ему ли, с его «прелестью», бояться какого-то оружия?

Но кольца на острове не было: потерялось, пропало. От истошного визга Горлума у Бильбо мурашки поползли по спине, хотя он сначала не понимал, в чем дело. Зато Горлум пусть поздно, но понял. «Что там у него в карманцах?» – злобно завопил он. С бешеным зеленым огнем в глазах он поспешил назад – убить хоббита, отобрать «прелесть». Бильбо спохватился в последний миг, опрометью бросился от воды – и снова его спасла случайность. Ударяя, он сунул руку в карман, и кольцо оказалось у него на пальце. Горлум промчался мимо: он торопился к выходу, чтоб устеречь «вора». Бильбо осторожно крался за ним; из ругани и жалобного бормотанья Горлума, обращенного к «прелести», хоббит наконец разобрался во всем, и сквозь мрак безнадежности забрезжил просвет надежды. С волшебным кольцом он мог спастись и от орков, и от Горлума.

Остановились они у незаметного лаза – потайного прохода к нижним воротам копей на восточном склоне. Здесь Горлум залег в засаде, принохиваясь и прислушиваясь, и Бильбо хотел было его заколоть – но верх взяла жалость. И хотя кольцо он себе оставил – без него надеяться было не на что, – однако же не поддался соблазну убить захваченную врасплох злосчастную тварь. В конце концов, собравшись с духом, он перескочил через Горлума и побежал вниз по проходу, а за ним неслись отчаянные и яростные вопли: «Вор, вор! Ворюга! Навсегда ненавистный Торбинс!»

Любопытно, что своим спутникам Бильбо сперва рассказал все это немного иначе: будто бы Горлум обещал ему «подарочек», если он победит в игре; но, отправившись на свой островок за проигранным сокровищем – волшебным кольцом, когда-то подаренным ему на день рождения, – обнаружил, что оно исчезло. Бильбо догадался, что это самое кольцо он и нашел; а раз он выиграл, то имеет на него полное право. Но выбраться-то ему все равно было надо, и поэтому, умолчав о кольце, он заставил Горлума показать ему дорогу взамен обещанного «подарочка». Так он и записал в своих воспоминаниях, и своей рукою не изменил в них ни слова, даже после Совета у Элронда. Должно быть, в таком виде рассказ его вошел и в подлинник Алой Книги, в некоторые списки и выдержки из нее. В других списках, однако, приводится подлинная история (наряду с выдуманной): она явно составлена по примечаниям Фродо или Сэммиума – оба знали, как было на самом деле, но, видимо, исправлять рукопись старого хоббита не захотели.

Гэндальф же сразу не поверил рассказу Бильбо и очень заинтересовался кольцом. Он допрашивал Бильбо расспросами и постепенно вытянул из него правду, хотя они при этом чуть не поссорились, но, видно, маг полагал, что дело того стоит. К тому же его смутило и насторо-

жило, что хоббит вдруг принялся выдумывать: это было на него совсем не похоже. Да и про «подарочек» сам бы он не выдумал. Позже Бильбо признавался, что это его надоумило подслушанное бормотанье Горлума: тот все время называл кольцо своим «подарочком на день рождения». И это тоже показалось Гэндальфу странным и подозрительным; но вся правда оставалась сокрытой от него еще многие годы. Что это была за правда, узнаете из нашей повести.

Нет нужды расписывать дальнейшие приключения Бильбо. Невидимкою проскользнул он мимо стражи орков у ворот и догнал спутников, а потом с помощью кольца не раз выручал своих друзей-гномов, но хранил его в тайне, сколько было возможно. Дома он тоже кольцом не хвастался, и знали о нем лишь Гэндальф да Фродо, а больше никто во всей Хоббитании – так по крайней мере думал Бильбо. И одному Фродо он показывал начатые главы рассказа о путешествии Туда и Обратно.

Свой меч, названный Терном, Бильбо повесил над камином; волшебную кольчугу – дар гномов из драконова сокровища – он отдал в землеройский Мусомный Амбар; правда, выдавший виды дорожный плащ с капюшоном висел в шкафу, и кольцо было всегда при нем – в кармане, на цепочке.

Он вернулся домой на пятьдесят втором году жизни, 22 июня 1342 года (Л.Х.), и в Хоббитании все спокойно шло обычным чередом, пока Бильбо Торбинс не собрался праздновать свое стоодиннадцатилетие (год 1401-й). Тут и начало нашей повести.

Книга 1

*А небеса цвели при нем
Ракетами, как дивный сад,
Где искры что цветы горят
И как дракон рокочет гром.*

Глава I

Долгожданное угощение

Когда Бильбо Торбинс, владелец Торбы-на-Круче, объявил, что хочет пышно отпраздновать свое наступающее стоодиннадцатилетие, весь Норгорд загудел и взволновался.

Бильбо слыл невероятным богачом и отчаянным сумасбродом вот уже шестьдесят лет – с тех пор как вдруг исчез, а потом внезапно возвратился с добычей, стократно преувеличенной рассказами. Только самые мудрые старики сомневались в том, что вся Круча изрыта подземными ходами, а ходы забиты сокровищами. Мало этого, к деньгам еще и здоровье, да какое! Сколько воды утекло, а господин Торбинс и в девяносто лет казался пятидесятилетним. Когда ему стукнуло девяносто девять, стали говорить, что он «хорошо сохранился», хотя вернее было бы сказать «ничуть не изменился». Многие качали головой: это уж было чересчур, даже и несправедливо, как везет некоторым – и старость их обходит, и деньгам переводу нет.

– Не к добру это, – говорили они. – Ох, не к добру, и быть беде!

Но беды покамест не было, а рука мистера Торбинса не скудела, так что ему более или менее прощали его богатство и чудачества. С родней он был в ладах (кроме, разумеется, Лякошель-Торбинсов), и многие хоббиты победнее да попроще любили его и уважали. Но сам он близко ни с кем не сходил, пока не подросли внучатые племянники.

Старшим из них и любимцем Бильбо был рано осиротевший Фродо Торбинс, сын его троюродного брата с отцовской стороны и двоюродной сестры – с материнской. В девяносто девять лет Бильбо сделал его своим наследником, и Лякошель-Торбинсы опять остались с носом. Бильбо и Фродо родились в один и тот же день, 22 сентября. «Перебирайся-ка, сынок, жить ко мне, – сказал однажды Бильбо, – а то с днем рождения у нас сушая морока». И Фродо переехал. Тогда он был еще в ранних летах – так хоббиты называют буйный и опрометчивый возраст между двадцатью двумя и тридцатью тремя годами.

С тех пор Торбинсы весело и радушно отпраздновали одиннадцать общих дней рождения; но на двенадцатый раз, судя по всему, готовилось что-то невиданное и неслыханное. Бильбо исполнилось сто одиннадцать – три единицы, – по-своему круглое и вполне почетное число (даже легендарный Старый Крол прожил только до ста тридцати), а Фродо тридцать три – две тройки, – тоже случай особый: на тридцать четвертом году жизни хоббит считался совершеннолетним. И замолели языки в Норгорде и Приречье: слухи о предстоящем событии разнеслись по всей Хоббитании. Везде заново перемывали кости Бильбо и пересказывали его приключения: хоббиты постарше вдруг оказались в кругу слушателей и чинно рылись в памяти.

Кого слушали разиня рот, так это старого Хэма Скромби, известного под прозвищем Жихарь. Слушали его в трактирчике «Укромный уголок» на дороге в Приречье; а говорил он веско, потому что лет сорок, не меньше, садовничал в Торбе-на-Круче, да еще до того пособлял там же старому Норну. Теперь он и сам состарился, стал тяжел на подъем, и работу за него почти всю справлял его младшенький, Сэм Скромби. Оба они были в лучших отноше-

ниях с Бильбо и Фродо. И жили опять же на Круче, в третьем доме Исторбинки, чуть пониже усадьбы.

– Уж как ни говори про господина Бильбо, а хоббит он первостатейный и вежливость очень даже соблюдает, – заявил Жихарь. И ничуть не прилгнул: Бильбо был с ним очень даже вежлив, называл его «почтенный Хэмбридж» и приглашал на ежегодный совет насчет овощей – уж про «корнеплодие», тем более про картофель, Жихарь соображал лучше всех в округе (что так, то так, соглашался он).

– Да ведь, кроме Бильбо, там в норе еще этот, как его, Фродо? – заметил старый Сдубень из Приречья. – Зовется-то он Торбинс, но Брендизайк, считай, наполовину, если не больше – такой идет разговор. Чего не пойму – так это зачем было Торбинсу из Норгорда брать себе жену, смех сказать, в Забрендии, где народ ох не нашенский!

– Да где ж ему быть нашенским, – вмешался папаша Двулап, сосед Жихаря, – ежели они живут по какую не надо сторону Брендидуима и вперлись в самый что ни на есть Вековечный Лес? Нашли местечко, нечего сказать!

– Дело говоришь, папаша! – согласился Жихарь. – Ну, вообще-то Брендизайки с Заячьих Холмов в самый что ни на есть Вековечный Лес не вперлись, но что народ они чудной, это ты верно сказал. Плавают там почему зря посередь реки – куда это годится? Ну, и само собой, беды-то недолго ждать, помяни мое слово. И все ж таки господин Фродо – такого хоббита поискать надо. Из себя вылитый господин Бильбо – но мало ли кто на кого похож? Ясное дело, похож: отец тоже Торбинс. А вообще-то какой был настоящий, правильный хоббит господин Дрого Торбинс: ну ничего про него не скажешь, кроме того, что утонул!

– Утонул? – удивились несколько слушателей. Они слыхивали, конечно, и об этом, и о многом другом; но хоббиты – большие любители семейных историй, и эту историю готовы были в который раз выслушать заново.

– Говорят, вроде бы так, – сказал Жихарь. – Тут в чем дело: господин Дрого, он женился на бедняжке барышне Примуле Брендизайк. Она приходилась господину Бильбо прямой двоюродной сестрой с материнской стороны (а мать ее была младшенькая у тогдашнего Нашего Крола); ну а сам господин Дрого, он был четвероюродный. Вот и получилось, что господин Фродо и тебе двоюродный, и тебе, пожалуйста, почти что прямой родственник, с той и с этой стороны, как говорится, куда ни кинь. Господин Дрого, он состоял в Хороминах при тесте, при тогдашнем, это, Правителе, ну, Горбадок Брендизайк, тоже ой-ой-ой любил поесть, а тот-то взял и поехал, видали дело, на *доцанике* поперек Брендидуима, стало быть, они с женой и потонули, а господин Фродо, бедняга, остался сиротой, вот оно как было-то.

– Слышал я, что они покушали и поехали погулять под луной в лунном свете, – сказал старый Сдубень, – а Дрого был покушавши, тяжелый, вот лодку и потопил.

– А я слышал, что она его спихнула, а он ее потянул за собой, – сказал Пескунс, здешний мельник.

– Ты, Пескунс, не про все ври, про что слышал, – посоветовал Жихарь, который мельника недолюбливал. – Ишь ты, пошел чесать языком: спихнула, потянул. Там лодки, доцаники-то, такие, что и не хочешь, а опрокинешься, и тянуть не надо. Словом, вот и остался Фродо сиротой, как у них говорится, на мели: один как перст, а кругом эти ихние, которые в Хороминах. Крольчатник, да и только. У старика Горбадока там всегда сотни две родственников живут, не меньше. Господин Бильбо думал бы думал, лучше бы не придумал, чем забрать оттуда парня, чтоб жил, как полагается.

Ну а Лякошель-Торбинсам все это дело, конечно, поперек жизни. Они-то собрались захватить Торбу, еще когда он ушел с гномами и говорили, будто сгинул. А он-то вернулся, их выгнал и давай себе жить-поживать, живет не старится, и здоровье никуда не девается. А тут еще, здрасьте пожалуйста, наследничек, и все бумаги в полном порядке, это будьте уверены. Нет,

не видать Лякошель-Торбинсам Торбы как своих ушей, лишь бы они только своих ушей не увидели.

– Денег там, я слышал, говорили, уймища запрятана, – сказал чужак, проезжий из Землеройска в Западный удел. – Круча ваша, говорят, сверху вся изрыта, и каждый подземный ход прямо заставлен сундуками с золотом, и серебром, и драгоценными штуками.

– Это ты, поди, слышал больше, чем говорили, – отозвался Жихарь. – Какие там еще драгоценные штуки? Господин Бильбо, он денег не жалеет, и нехватки в них вроде бы нет; только ходов-то никто не рыл. Помню, лет шестьдесят тому вернулся назад господин Бильбо, я тогда еще был сопляк сопляком. Только-только стал подручным у старика Норна (он покойнику папаше был двоюродный брат), помогал ему гонять любопытную шушеру, и как раз усадьбу распродавали. А господин Бильбо тут и нагрянул: ведет пони, груженного здоровеными мешками и парой сундуков. Все это, конечно, были сокровища из чужих земель, где кругом, известно, золотые горы. Только ходы-то зачем рыть? И так все поместится. Разве что у моего Сэма спросить: он там все-все знает. Торчит и торчит в Торбе, за уши не оттянешь. Подавай ему дни былые; господин Бильбо знай рассказывает, а мой дурак слушает. Господин Бильбо его и грамоте научил – без худого умысла, конечно, ну, авось и худа из этого не выйдет.

«Эльфы и драконы! – это я-то ему. – Ты лучше со мной на пару смекни про картошку и капусту. И не суй нос в чужие дела, а то без носа останешься» – так и сказал. И повторить могу, если кто не расслышал, – прибавил он, взглянув на чужака и на мельника.

Но слушатели оставались при своем мнении. Слишком уж привыкла молодежь к басням о сокровищах Бильбо.

– Сколько он там сначала ни привез, так потом пригреб, – возразил мельник, чувствуя за собой поддержку. – Дома-то не сидит, болтается где ни на есть. Смотри-ка, сколько у него чужедальних гостей: по ночам гномы приезжают, да этот еще шлендра-фокусник Гэндальф, тоже мне. Не, Жихарь, ты что хочешь говори, а темное это место, Торба, и народ там муторный.

– А *ты* бы, наоборот, помалкивал, Пескунс, если про что не смыслишь, – опять посоветовал Жихарь мельнику, который ему не нравился даже больше обычного. – Пусть бы все были такие муторные. Я вот знаю кое-кого, кто и кружку пива приятелю не поставит, хоть ты ему вызолоти нору. А в Торбе – там дело правильно понимают. Сэм наш говорит, что на Угощение пригласят *всех до единого* и всем, заметь, будут подарки, да не когда-нибудь, а в этом месяце.

Стоял ясный, погожий сентябрь. Через день-два распространился слух (пущенный, вероятно, все тем же всезнающим Сэмом), что на праздник будет огненная потеха – а огненной потехи в Хоббитании не бывало уже лет сто, с тех пор как умер Старый Крол. Назначенный день приближался, и однажды вечером по Норгорду прогрехотал чудной фургон с диковинными ящиками – и остановился у Торбы-на-Круче. Хоббиты высовывались из дверей и вглядывались в темень. Лошадьми правили длиннородные гномы в надвинутых капюшонах и пели непонятные песни. Одни потом уехали, а другие остались в Торбе. Под конец второй недели сентября со стороны Брендидуимского моста середь бела дня показалась повозка, а в повозке старик. На нем была высокая островерхая синяя шляпа, серый плащ почти до пят и серебряный шарф. Его длинная белая борода выглядела ухоженной и величавой, а лохматые брови клоками торчали из-под шляпы. Хоббитята бежали за ним по всему поселку, до самой Кручи и на Кручу. Повозка была гружена ракетами, это они сразу уразумели. У дверей Бильбо старик стал сгружать большие связки ракет, разных и невероятных, с красными метками «Г» и с теми же по-эльфийски:

Это, конечно, была метка Гэндальфа, а старик на повозке был сам маг Гэндальф, известный в Хоббитании искусник по части устройства разноцветных огней и пускания веселых дымов. Куда опасней и труднее были его настоящие дела, но хоббиты об этом ничего не знали, для них он был чудесной приправой к Угощению. Потому и бежали за ним хоббитята.

– Гэндальф едет, гром гремит! – кричали они, а старик улыбался. Его знали в лицо, хотя навещал он Хоббитанию не часто и мельком, а гремучих фейерверков его не помнили теперь даже самые древние старики: давненько он их тут не устраивал.

Когда старик с помощью Бильбо и гномов разгрузил повозку, Бильбо раздал маленьким зевакам несколько монет – но не перепало им, к великому их огорчению, ни хлопушки, ни шутихи.

– Бегите домой, – сказал Гэндальф. – Хватит на всех – в свое время! – И скрылся вслед за Бильбо, а дверь заперли.

Хоббитята еще немножко подождали и разбрелись. «Ну когда же, в самом-то деле, праздник?» – думали они.

А Гэндальф и Бильбо сидели у открытого окна, глядя на запад, на цветущий сад. День клонился к вечеру, свет был чистый и яркий. Темно-алые львиные зевы, золотистые подсолнухи и огненные настурции подступали к круглым окошкам.

– Хороший у тебя сад! – сказал Гэндальф.

– Да, – согласился Бильбо. – Прекрасный сад и чудесное место – Хоббитания, только вот устал я, пора на отдых.

– Значит, как сказал, так и сделаешь?

– Конечно. Я от своего слова никогда не отступаюсь.

– Ну, тогда и разговаривать больше не о чем. Решил так решил – сделай все по-задуманному, тебе же будет лучше, а может, и не только тебе.

– Хорошо бы. Но уж в четверг-то я посмеюсь, есть у меня в запасе одна шуточка.

– Как бы над тобой самим не посмеялись, – покачал головою Гэндальф.

– Там посмотрим, – сказал Бильбо.

На Кручу въезжала повозка за повозкой. Кое-кто ворчал, что вот, мол, «одни чужаки руки греют, а местные мастера без дела сидят», но вскоре из Торбы посыпались заказы на разные яства, пития и роскошества – на все, чем торговали в Норгорде и вообще в Хоббитании. Народ заволновался: до праздника считанные дни, а где же почтальон с приглашениями?

Приглашения не замедлили, так что даже почтальонов не хватило, пришлось набирать доброхотов. К Бильбо несли сотни вежливых и витиеватых ответов. «Спасибо, – гласили они на разные лады, – спасибо, непременно придем».

Ворота Торбы украсила табличка: **ВХОДИТЬ ТОЛЬКО ПО ДЕЛУ НАСЧЕТ УГОЩЕНИЯ**. Но, даже измыслив дело насчет Угощения, войти было почти невозможно. Занятой по горло Бильбо сочинял приглашения, подкалывал ответы, упаковывал подарки и устраивал кой-

какие свои дела, с Угощением никак не связанные. После прибытия Гэндальфа он на глаза никому не показывался.

Однажды утром хоббиты увидели, что на просторном лугу, к югу от главного входа в Торбу, разбивают шатры и ставят павильоны. Со стороны дороги прорубили проход через заросли и соорудили большие белые ворота. Три семейства Исторбинки, чьи усадьбы граничили с лугом, ахнули от восторга и упивались всеобщей завистью. А старый Жихарь Скромби перестал даже притворяться, будто работает в саду.

Шатры выростали не по дням, а по часам. Самый большой из них был так велик, что в нем поместилось громадное дерево, стоявшее во главе стола. На ветки дерева повешали фонариков. А интереснее всего хоббитам была огромная кухня под открытым небом, на лугу. Угощение готовили во всех трактирах и харчевнях на много лиг вокруг, а здесь, возле Торбы, вдобавок орудовали гномы и прочие новоприбывшие чужеземцы. Хоббиты взволновались еще сильнее.

Между тем небо затянуло. Погода испортилась в среду, накануне Угощения. Встревожились все до единого. Но вот настал четверг, двадцать второе сентября. Засияло солнце, тучи разошлись, флаги заплескались, и пошла потеха.

Бильбо Торбинс обещал всего-то навсего Угощение, а на самом деле устроил великое празднество. Ближайших соседей пригласили от первого до последнего. А если кого и забыли пригласить, то они все равно пришли, так что это было не важно. Многие были призваны из дальних уделов Хоббитании, а некоторые даже из-за границы. Бильбо встречал званых (и незваных) гостей у Белых ворот. Он раздавал подарки всем и каждому; а кто хотел получить еще один, выбирался черным ходом и снова подходил к воротам. Хоббиты всегда дарят другим подарки на свой день рождения – подарки обычно недорогие, и не всем, как в этот раз; но обычай хороший. В Норгорде и Приречье что ни день, то чье-нибудь рождение, а значит, в этих краях всякий хоббит может рассчитывать хотя бы на один подарок в неделю. Им не надоедает.

А тут и подарки были просто удивительные. Хоббиты помоложе так поразились, что чуть не позабыли угощаться. Им достались дивные игрушки: некоторым – чудесные, а некоторым – так даже волшебные. Иные были заказаны загодя, год назад, и привезли их из Черноречья и Подгорного Царства: гномы постарались.

Когда всех встретили, приветили и провели в ворота, начались песни, пляски, музыка, игры – а еды и питья хоть отбавляй. Угощение было тройное: полдник, чай и обед (или, пожалуй, ужин). К полднику и чаю народ сходил в шатры; а все остальное время пили и ели, что кому и где хочется, с одиннадцати до половины седьмого, пока не начался фейерверк.

Фейерверком заправлял Гэндальф: он не только привез ракеты, он их сам смастерил, чтобы разукрасить небо огненными картинами. Он же наготовил множество хлопушек, шутих, бенгальских огней, золотой россыпи, факельных искрометов, гномьих сверкающих свечей, эльфийских молний и гоблинского громобоя. Получались они у него превосходно, и с годами все лучше.

Огненные птицы реяли в небе, оглашая выси звонким пением. На темных стволах дыма вспыхивала ярко-зеленая весенняя листва, и с сияющих ветвей на головы хоббитам сыпались огненные цветы, сыпались и гасли перед самым их носом, оставляя в воздухе нежный аромат. Рои блистающих мотыльков вспархивали на деревья, взвивались в небо цветные огни – и оборачивались орлами, парусниками, лебедиными стаями. Багровые тучи низвергали на землю блистающий ливень. Потом грянул боевой клич, пучок серебряных копий взметнулся к небу и со змеиным шипом обрушился в реку. Коронный номер в честь Бильбо Гэндальф приберег под конец: он, видно, задумал насмерть удивить хоббитов и своего добился. Все огни потухли; в небо поднялся исполинский дымный столп. Он склубился в дальнюю гору, вершина ее разгорелась и полыхнула ало-зеленым пламенем. Из пламени вылетел красно-золотой дракон, до ужаса настоящий, только поменьше: глаза его горели яростью, пасть изрыгала огонь; с беш-

ным ревом описал он три свистящих круга, снижаясь на толпу. Все пригнулись: многие попадали ничком. Дракон пронесся над головами хоббитов, перекувырнулся в воздухе и с оглушительным грохотом взорвался над Приречьем.

– Пожалуйте к столу! – послышался голос Бильбо.

Общий ужас и смятение как рукой сняло; хоббиты повскакивали на ноги. Всех ожидало дивное пиршество; особые столы для родни были накрыты в большом шатре с деревом. Там собрались сто сорок четыре приглашенных (это число у хоббитов называется «гурт», но народ на гурты считать не принято) – семьи, с которыми Бильбо и Фродо состояли хоть в каком-нибудь родстве, и несколько избранных друзей дома, вроде Гэндальфа.

И многовато было среди них совсем еще юных хоббитов, явившихся с родительского позволения: родители обычно позволяли им допоздна засиживаться за чужим столом – а то поди их накорми, не говоря уж – прокорми.

Во множестве были там Торбинсы и Булкинсы, Кролы и Брендизайки, не обойдены Ройлы (родня бабушки Бильбо), Ейлы и Пойлы (дедова родня), представлены Глубокопы, Бобберы, Толстобрюхлы, Барсуксы, Дороднинги, Дудстоны и Шерстопалы. Иные угодили в родственники Бильбо нежданно-негаданно: кое-кто из них и в Норгорде-то никогда не бывал. Присутствовал и Оддо Лякошель-Торбинс с женою Любелией. Они терпеть не могли Бильбо и презирали Фродо, но приглашение было писано золотыми чернилами на мраморной бумаге, и они не устояли. К тому же кузен их Бильбо с давних пор славился своей кухней.

Сто сорок четыре избранныка рассчитывали угоститься на славу; они только побаивались послеобеденной речи хозяина (а без нее нельзя). Того и жди, понесет он какую-нибудь околесицу под названием «стихи» или, хлебнув стакан-другой, пустится в рассказы о своем дурацком и непонятном путешествии. Угощались до отвала: ели сытно, много, вкусно и долго. Чего не съели, забрали с собой. Потом несколько недель еды в окрестностях почти никто не покупал, но торговцы были не в убытке: все равно Бильбо начисто опустошил их погреба, запасы и склады – за деньги, конечно.

Наконец челюсти задвигались медленнее, и настало время для Речи. Гости, как говорится у хоббитов, «подкушали» и были настроены благодушно. В бокалах – любимое питье, на тарелках – любимое лакомство... Так пусть себе говорит что хочет, послушаем и похлопаем.

– Любезные мои сородичи, – начал Бильбо, поднявшись.

– Тише! Тише! Тише! – закричали гости; хоровой призыв к тишине звучал все громче и никак не мог стихнуть.

Бильбо вылез из-за стола, подошел к увешанному фонариками дереву и взгромоздился на стул. Разноцветные блики пробежали по его праздничному лицу; золотые пуговицы сверкали на шелковом жилете. Он был виден всем в полный рост: одну руку не вынимал из кармана, а другой помахивал над головой.

– Любезные мои Торбинсы и Булкинсы, – начал он опять, – разлюбезные Кролы и Брендизайки, Ройлы, Ейлы и Пойлы, Глубокопы и Дудстоны, а также Бобберы, Толстобрюхлы, Дороднинги, Барсуксы и Шерстопалы!

– И Шерстопалы! – заорал пожилой хоббит из угла. Он, конечно, был Шерстопал, и недаром: лапы у него были шерстистые, здоровенные и возлежали на столе.

– И Шерстопалы, – согласился Бильбо. – Милые мои Лякошель-Торбинсы, я рад и вас приветствовать в Торбе-на-Круче. Нынче мне исполнилось сто одиннадцать лет: три, можно сказать, единицы!

– Урра! Урра! Урра! Многая лета! – закричали гости и радостно забарабанили по столам. То самое, что нужно: коротко и ясно.

– Надеюсь, что всем вам так же весело, как и мне.

Оглушительные хлопки. Крики: «Еще бы!», «А как же!», «Конечно!». Трубы и горны, дудки и флейты и прочие духовые инструменты; звон и гул.

Молодые хоббиты распечатали сотни музыкальных хлопушек со странным клеймом ЧРНРЧ: им было непонятно, зачем такое клеймо, но хлопушки прекрасные. А в хлопушках – маленькие инструменты, звонкие и чудно сделанные. В углу шатра юные Кролы и Брендизайки, решив, что дядя Бильбо кончил говорить (вроде все уже сказал), устроили оркестр и начали танцевать. Юный Многоград Крол и молоденькая Мелирот Брендизайк взобрались на стол и стали с колокольцами в руках отплясывать «Брызгу-дрызгу» – очень милый, но несколько буйный танец.

Однако Бильбо потребовал внимания. Он выхватил горн у какого-то хоббитенка и трижды в него протрубил. Шум улегся.

– Я вас надолго не задержу! – прокричал Бильбо.

Отовсюду захлопали.

– Я созвал вас нынче с особой целью. – Сказано это было так, что все насторожились. – Вернее, не с одной, а с тремя особыми целями! – Наступила почти что тишина, и некоторые Кролы даже приготовились слушать. – Во-первых, чтобы сказать вам, что я счастлив всех вас видеть и что с такими прекрасными и превосходными хоббитами, как вы, прожить сто одиннадцать лет легче легкого!

Радостный гомон одобрения.

– Добрую половину из вас я знаю вдвое хуже, чем следует, а худую половину люблю вдвое меньше, чем надо бы.

Сказано было сильно, но не очень понятно. Плеснули редкие хлопки, и все призадумались: так ли уж это лестно слышать?

– Во-вторых, чтобы вы порадовались моему дню рождения.

Прежний одобрительный гул.

– Нет, не моему: НАШЕМУ. Ибо в день этот, как вы знаете, родился не только я, но и мой племянник, мой наследник Фродо. Нынче он достиг совершеннолетия и вступает во владение имуществом.

Кое-кто из старших снисходительно похлопал. «Фродо! Фродо! Старина Фродо!» – выкрикивала молодежь. Лякошель-Торбинсы насупились и стали гадать, как это Фродо «вступает во владение».

– Вдвоем нам исполняется сто сорок четыре года: ровно столько, сколько вас тут собралось, – один, извините за выражение, гурт.

Гости безмолвствовали. Это еще что за новости? Многие, а особенно Лякошель-Торбинсы, оскорбились, сообразив, что их пригласили сюда только для ровного счета. «Скажет тоже: один гурт. Фу, как грубо».

– К тому же сегодня годовщина моего прибытия верхом на бочке в Эсгарот при Долгом озере. Хотя тогда я про свой день рождения не сразу и вспомнил. Мне было всего-то пятьдесят один год, а что такое в молодости год-другой! Правда, пиршество учинили изрядное; только я, помнится, был сильно простужен и едва выговаривал: «Пребдого бдагодаред». Теперь я пользуюсь случаем выговорить это как следует: премного благодарен вам всем за то, что вы удосужились прибыть на мое скромное празднество!

Упорное молчание. Все боялись, что сейчас он разразится песней или какими-нибудь стихами, и всем заранее было тоскливо. Что бы ему на этом кончить? А они бы выпили за его здоровье. Но Бильбо не стал ни петь, ни читать стихи. Он медленно перевел дыхание.

– В-третьих и в-последних, – сказал он, – я хочу сделать одно ОБЪЯВЛЕНИЕ. – Это слово он вдруг произнес так громко, что все, кому это было еще под силу, распрямылись. – С прискорбием объявляю вам, что хотя, как я сказал, прожить сто одиннадцать лет среди вас легче легкого, однако же пора и честь знать. Я отбываю. Только вы меня и видели. ПРОЩАЙТЕ!

Он ступил со стула и исчез. Вспыхнул ослепительный огонь, и все гости зажмурились. Открыв глаза, они увидели, что Бильбо нигде нет. Сто сорок четыре ошарашенных хоббита так

и замерли. Старый Оддо Шерстолап снял ноги со стола и затопотал. Потом настала мертвая тишина: гости приходили в себя. И вдруг Торбинсы, Булкинсы, Кролы, Брендизайки, Ройлы, Ейлы, Пойлы, Глубокопы, Бобберы, Толстобрюхлы, Барсуксы, Дороднинги, Дудстоны, Шерстопалы и Шерстолапы заговорили все разом.

Они соглашались друг с другом, что это безобразно и неучтиво и что надо это поскорее заесть и запить. «Я и всегда говорил, что он тронутый», – слышалось отовсюду. Даже проказливые Кролы, за малым исключением, не одобрили Бильбо. Тогда, правда, почти никто еще не понимал, что же произошло: бранили вздорную выходку.

Только старый и мудрый Дурри Брендизайк хитро прищурился. Ни преклонные годы, ни преизобильные блюда не помutilи его рассудка, и он сказал своей невестке Замиральде:

– Нет, милочка, это все не просто так. Торбинс-то, оболтус, небось опять сбежал. Нейдется старому балбесу. Ну и что? Еда-то на столе осталась.

И он крикнул Фродо принести еще вина.

А Фродо был единственный, кто не вымолвил ни слова. Он молча сидел возле опустевшего стула Бильбо, не обращая внимания на выкрики и вопросы. Он, конечно, оценил проделку, хотя знал о ней заранее, и едва удержался от смеха при дружном возмущении гостей. Но ему было как-то горько: он вдруг понял, что не на шутку любит старого хоббита. Гости ели и пили, обсуждали и осуждали дурачества Бильбо Торбинса, прежние и нынешние, – разгневались и ушли одни Лякошель-Торбинсы. Наконец Фродо устал распоряжаться; он велел подать еще вина, встал, молча осушил бокал за здоровье Бильбо и тишком выбрался из шатра.

Бильбо Торбинс говорил речь, трогая золотое Кольцо в кармане: то самое, которое он столько лет тайне берег как зеницу ока. Шагнув со стула, он надел Кольцо – и с тех пор в Хоббитании его не видел ни один хоббит.

С улыбкой послушав, как галдят ошеломленные гости в шатре и всю веселятся не удостоенные особого приглашения хоббиты, он ушел в дом, снял праздничный наряд, сложил шелковый жилет, аккуратно завернул его в бумагу и припрятал в ящик. Потом быстро натянул какие-то лохмотья и застегнул старый кожаный пояс. На поясе висел короткий меч в потертых черных ножнах. Бильбо вздохнул и вытащил из пронафталиненного шкафа древний плащ с капюшоном. Плащ хранился, как драгоценность, хотя был весь в пятнах и совсем выцветший – а некогда, вероятно, темно-зеленый. Одежда была ему великовата. Он зашел в свой кабинет и достал из потайного ящика обернутый в тряпье загадочный сверток, кожаную папку с рукописью и какой-то толстый конверт. Рукопись и сверток он втиснул в здоровенный заплечный мешок, который стоял посреди комнаты, почти доверху набитый. В конверт он сунул золотое Кольцо на цепочке, запечатал его, адресовал Фродо и положил на каминную доску. Но потом вдруг схватил и запихнул в карман. Тут дверь распахнулась, и быстрым шагом вошел Гэндальф.

– Привет! – сказал Бильбо. – А я как раз думал, почему это тебя не видно?

– Рад, что *тебя* теперь видно, – отвечал маг, усаживаясь в кресло. – Я хочу перекинуться с тобою словом-другим. Так что – по-твоему, все в порядке?

– А как же, – подтвердил Бильбо. – Вспышка только лишняя – даже я удивился, а прочие и подавно. Твоя, конечно, работа?

– Моя, конечно. Недаром ты многие годы скрывал Кольцо, и пусть уж гости твои гадают как умеют, исчез ты или пошутил.

– А шутку мне испортил, – сказал Бильбо.

– Да не шутку, а дурацкую затею... только вот говорить-то теперь поздно. Растревожил родню, и девять или девяносто девять дней о тебе будет болтать вся Хоббитания.

– Пусть болтает. Мне нужен отдых, долгий отдых, я же тебе говорил. Бессрочный отдых: едва ли я сюда когда-нибудь вернусь. Да и незачем, все устроено... Постарел я, Гэндальф. Так-то вроде не очень, а кости ноют. Нечего сказать: «Хорошо сохранился!» – Он фыркнул. – Ты понимаешь, я тонкий-претонкий, как масло на хлебе у скупердяя. Скверно это. Надо как-то переиначивать жизнь.

Гэндальф не сводил с него пристального, озабоченного взгляда.

– Да, в самом деле скверно, – задумчиво сказал он. – Ты, пожалуй, все правильно придумал.

– Это уж чего там, дело решенное. Я хочу снова горы повидать, понимаешь, Гэндальф, – горы, хочу найти место, где можно и вправду отдохнуть. В тишине и покое, без всяких настырных родственников, без гостей, чтобы в звонок не звонили. И книгу мою ведь нужно дописать. Я придумал для нее чудесный конец: «...и счастливо жил до скончания дней».

Гэндальф рассмеялся.

– Конец неплохой. Только читать-то ее некому, как ни кончай.

– Кому надо, прочтут. Фродо вон уже читал, хоть и без конца. Ты, кстати, приглядишь за Фродо?

– В оба глаза, хоть мне и не до того.

– Он бы, конечно, пошел за мной по первому зову. Даже и просился, незадолго до Угощения. Но пока что у него это все на словах. Мне-то перед смертью надо снова глушь да горы повидать, а он сердцем здесь, в Хоббитании: ему бы лужайки, перелески, ручейки. Уютно, спокойно. Я ему, разумеется, все оставил, кроме разных безделок, – надеюсь, он будет счастлив, когда пообвыкнется. Пора ему самому хозяином стать.

– Все оставил? – спросил Гэндальф. – И Кольцо тоже? У тебя ведь так было решено, помнишь?

– К-конечно, все... а Кольцо... – Бильбо вдруг запнулся.

– Где оно?

– В конверте, если хочешь знать, – разозлился Бильбо. – Там, на камине. Нет, не там... У меня в кармане! – Он замялся. – Странное дело! – пробормотал он. – Хотя чего тут странного? Хочу – оставляю, не хочу – не оставляю.

Гэндальф поглядел на Бильбо, и глаза его чуть блеснули.

– По-моему, Бильбо, надо его оставить, – сказал он. – А ты что – не хочешь?

– Сам не знаю. Теперь вот мне как-то не хочется с ним расставаться. Да и зачем? А ты-то чего ко мне пристал? – спросил он ломким, чуть ли не визгливым голосом, раздраженно и подозрительно. – Все-то тебе мое Кольцо не дает покоя: мало ли что я добыл, твое какое дело?

– Да, именно что покоя не дает, – подтвердил Гэндальф. – Долго я у тебя допытывался правды, очень долго. Волшебные Кольца – они, знаешь ли, волшебные, со всякими подвохами и неожиданностями. А твое Кольцо мне было особенно любопытно, скрывать не стану. Если уж ты собрался путешествовать, то мне его никак нельзя упускать из виду. А владел ты им, кстати, не чересчур ли долго? Поверь мне, Бильбо, больше оно тебе не понадобится.

Бильбо покраснел и метнул гневный взгляд на Гэндальфа. Добродушное лицо его вдруг ожесточилось.

– Почему ты знаешь? – выкрикнул он. – Какое тебе дело? Мое – оно мое и есть. Мое, понятно? Я его нашел: оно само пришло ко мне в руки.

– Конечно, конечно, – сказал Гэндальф. – Только зачем так волноваться?

– С тобой разволнуешься, – отозвался Бильбо. – Говорят тебе: оно мое. Моя... моя прелесть! Да, вот именно – моя прелесть!

Гэндальф смотрел спокойно и пристально, только в глазах его огоньком зажглось тревожное изумление.

– Было уже, – заметил он. – Называли его так. Правда, не ты.

– Тогда не я, а теперь я. Ну и что? Подумаешь, Горлум называл! Было оно его, а теперь мое. Мое, и навсегда!

Гэндальф поднялся, и голос его стал суровым.

– Поостерегись, Бильбо, – сказал он. – Оставь Кольцо! А сам ступай куда хочешь – и освободишься.

– Разрешил, спасибо. Я сам себе хозяин! – упрямо выкрикнул Бильбо.

– Легче, легче, любезный хоббит! – проговорил Гэндальф. – Всю твою жизнь мы были друзьями, припомни-ка. Ну-ну! Делай, как обещано: выкладывай Кольцо!

– Ты, значит, сам его захотел? Так нет же! – крикнул Бильбо. – Не получишь! Я тебе мою прелесть не отдам, понял? – Он схватился за рукоять маленького меча.

Глаза Гэндальфа сверкнули.

– Я ведь тоже могу рассердиться, – предупредил он. – Осторожнее – а то увидишь Гэндальфа Серого в гневе!

Он сделал шаг к хоббиту, вырос, и тень его заполнила комнату.

Бильбо попятился; он часто дышал и не мог вынуть руку из кармана. Так они стояли друг против друга, и воздух тихо звенел. Гэндальф взглядом пригвоздил хоббита к стене; кулаки Бильбо разжались, и он задрожал.

– Что это ты, Гэндальф, в самом деле, – проговорил он. – Словно и не ты вовсе. А в чем дело-то? Оно же ведь мое? Я ведь его нашел, и Горлум убил бы меня, если б не оно. Я не вор, я его не украл, мало ли что он кричал мне вслед.

– Я тебя вором и не называл, – отозвался Гэндальф. – Да и я не грабитель – не отнимаю у тебя твою «прелесть», а помогаю тебе. Лучше бы ты мне доверял, как прежде. – Он отвернулся, тень его съезжилась, и Гэндальф снова сделался старым и усталым, сутулым и озабоченным.

Бильбо провел по глазам ладонью.

– Прости, пожалуйста, – сказал он. – Что-то на меня накатило... А теперь вот, кажется, прошло. Мне давно не по себе: взгляд, что ли, чей-то меня ищет? И все-то мне хотелось, знаешь, надеть его, чтоб исчезнуть, и все-то я его трогал да вытаскивал. Пробовал в ящик запирасть – но не было мне покоя, когда Кольцо не в кармане. И вот теперь сам не знаю, что с ним делать...

– Зато я знаю, что с ним делать, – объявил Гэндальф. – Пока что знаю. Иди и оставь Кольцо здесь. Откажись от него. Отдай его Фродо, а там уж – моя забота.

Бильбо замер в нерешительности. Потом вздохнул.

– Ладно, – выговорил он. – Отдам. – Потом пожал плечами и виновато улыбнулся. – По правде сказать, зачем и празднество было устроено: чтоб раздарить побольше подарков, а заодно уж... Казалось, так будет легче. Зря казалось, но теперь нужно доводить дело до конца.

– Иначе и затевать не стоило, – подтвердил Гэндальф.

– Ну что ж, – сказал Бильбо. – Пусть оно достанется Фродо в придачу к остальному. – Он глубоко вздохнул. – Пора мне, пойду, а то как бы кому на глаза не попасться. Со всеми я распрощался... – Он подхватил мешок и шагнул к двери.

– Кольцо-то осталось у тебя в кармане, – напомнил маг.

– Осталось, да! – горько выкрикнул Бильбо. – А с ним и завещание, и прочие бумаги. Возьми их, сам распорядись. Так будет надежнее.

– Нет, мне Кольцо не отдавай, – сказал Гэндальф. – Положи его на камин. Фродо сейчас явится. Я подожду.

Бильбо вынул конверт из кармана и хотел было положить его возле часов, но рука его дрогнула, и конверт упал на пол. Гэндальф мигом нагнулся за ним, поднял и положил на место. Хоббита снова передернуло от гнева.

Но вдруг лицо его просветлело и озарилось улыбкой.

– Ну, вот и все, – облегченно сказал он. – Пора трогаться!

Они вышли в прихожую. Бильбо взял свою любимую трость и призывно свистнул. Из разных дверей появились три гнома.

– Все готово? – спросил Бильбо. – Упаковано, надписано?

– Готово! – был ответ.

– Так пошли же! – И он шагнул к двери. Ночь была ясная, в черном небе сияли звезды. Бильбо глянул ввысь и вздохнул полной грудью.

– Неужели? Неужели снова в путь, куда глаза глядят, и с гномами? Ох, сколько лет мечтал я об этом! Прощай! – сказал он своему дому, склонив голову перед его дверями. – Прощай, Гэндальф!

– Не прощай, Бильбо, а до свидания! Поосторожней только! Ты хоббит бывалый, а пожалуйста что и мудрый...

– Поосторожней! Еще чего! Нет уж, обо мне теперь не беспокойся. Я счастлив, как давно не был, – сам небось понимаешь, что это значит. Время мое пришло, и путь мой передо мною.

Вполголоса, точно боясь потревожить темноту и тишь, он пропел себе под нос:

*В поход, беспечный пешеход,
Уйду, избыв печаль, —
Спешит дорога от ворот
В заманчивую даль,
Свивая тысячи путей
В один, бурливый, как река,
Хотя, куда мне плыть по ней,
Не знаю я пока!*

Постоял, помолчал и, не вымолвив больше ни слова, повернулся спиной к огням и пошел – за ним три гнома – сначала в сад, а оттуда вниз покатой тропой. Раздвинув живую изгородь, он скрылся в густой высокой траве, словно ее шевельнул ветерок.

Гэндальф постоял и поглядел ему вслед, в темноту.

– До свидания, Бильбо, дорогой мой хоббит! – тихо сказал он и вернулся в дом.

Фродо не замедлил явиться и увидел, что Гэндальф сидит в полутьме, о чем-то глубоко задумавшись.

– Ушел? – спросил Фродо.

– Да, ушел, – отвечал Гэндальф, – сумел уйти.

– А хорошо бы... то есть я все-таки надеялся целый вечер, что это просто шутка, – сказал Фродо. – Хотя в душе знал, что он и правда уйдет. Он всегда шутил всерьез. Вот ведь – опоздал его проводить.

– Да нет, он так, наверно, и хотел уйти – без долгих проводов, – сказал Гэндальф. – Не огорчайся. Теперь с ним все в порядке. Он тебе оставил сверток – вон там.

Фродо взял конверт с камина, поглядел на него, но раскрывать не стал.

– Там должно быть завещание и прочие бумаги в этом роде, – сказал маг. – Ты теперь хозяин Торбы. Да, и еще там золотое Кольцо.

– Как, и Кольцо? – воскликнул Фродо. – Он и его мне оставил? С чего бы это? Впрочем, пригодится.

– Может, пригодится, а может, и нет, – сказал Гэндальф. – Пока что я бы на твоём месте Кольца не трогал. Береги его и не болтай о нём. А я пойду спать.

Теперь Фродо поневоле остался за хозяина, и ему, увы, надо было провожать и выпроваживать гостей. Слухи о диковинном деле уже облетели весь луг, но Фродо отвечал на любые вопросы одно и то же: «*Наутро все само собой разъяснится*». К полуночи за особо почтенными гостями подъехали повозки. Одна за другой наполнялись они сытыми-пресытыми, но исполненными ненасытного любопытства хоббитами и катили в темноту. Пришли трезвые садовники и вывезли на тачках тех, кому не служили ноги.

Медленно тянулась ночь. Солнце встало гораздо раньше, чем хоббиты, но утро наконец взяло свое. Явились приглашенные уборщики – и принялись снимать шатры, уносить столы и стулья, ложки и ножи, бутылки и тарелки, фонари и кадки с цветами, выметать объедки и конфетные фантики, собирать забытые сумки, перчатки, носовые платки и нетронутые яства (представьте, попадались и такие). Затем подоспели неприглашенные Торбинсы и Булкинсы, Барсуksы и Кролы и еще многие вчерашние гости, из тех, кто жил или остановился неподалеку. К полудню пришли в себя даже те, кто сильно перекушал накануне, и возле Торбы собралась изрядная толпа незваных, но не то чтобы неожиданных гостей.

Фродо вышел на крыльцо улыбаясь, но с усталым и озабоченным видом. Он приветствовал всех собравшихся, однако сообщил немногим более прежнего. Теперь он просто-напросто твердил направо и налево:

– Господин Бильбо Торбинс отбыл в неизвестном направлении; насколько я знаю, он не вернется.

Кое-кому из гостей он предложил зайти: им были оставлены «гостинцы» от Бильбо.

В прихожей громоздилась куча пакетов, свертков, мелкой мебели – и все с бумажными бирками. Бирки были вот какие:

«АДЕЛАРДУ КРОЛУ, в его ПОЛНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ, от Бильбо» – зонтик. За многие годы Аделард присвоил десятки зонтиков без всяких бирок.

«ДОРЕ ТОРБИНС в память о ДОЛГОЙ переписке, с любовью от Бильбо» – огромная корзина для бумажной трухи. Дора, сестра покойника Дрого и старейшая родственница Бильбо и Фродо, доживала девяносто девятый год: пятьдесят из них она изводила бумагу на добрые советы любезным адресатам.

«МИЛЛУ ГЛУБОКОПУ, а вдруг понадобится, от Б.Т.» – золотое перо и бутылка чернил. Милл никогда не отвечал на письма.

«АНЖЕЛИЧКУ от дяди Бильбо» – круглое веселое зеркальце. Юная Анжелика Торбинс явно считала свое миловидное личико достойным всеобщего восхищения.

«Для пополнения БИБЛИОТЕКИ ГУГО ТОЛСТОБРЮХЛА, от пополнителя» – книжная полка (пустая). Гуго очень любил читать чужие книги и в мыслях не имел их возвращать.

«ЛЮБЕЛИИ ЛЯКОШЕЛЬ-ТОРБИНС, в ПОДАРОК» – набор серебряных ложек. Бильбо подозревал, что это она растащила почти все его ложки, пока он странствовал Туда и Обратно. Любеллия о его подозрениях прекрасно знала. И когда она явилась – попозже, чем некоторые, – она сразу же поняла гнусный намек, но и дареными ложками не побрезговала.

Это лишь несколько надписей, а гостинцев там было видимо-невидимо. За многие годы долгой жизни Бильбо его обиталище довольно-таки захламотилось. Вообще в хоббитских норах хлам скоплялся как по волшебству, отчасти поэтому и возник обычай раздаривать как можно больше на свои дни рождения. Вовсе не всегда эти подарки были прямо-таки *новые*, а не передаренные: один-два образчика старого *мусома* непонятого назначения обошли всю округу. Но Бильбо-то обычно дарил новые подарки и не передаривал дареное. Словом, старинная нора теперь малость порасчистилась.

Да, все гостинцы были с бирками, надписанными собственной рукой Бильбо, и кое-что было подарено с умыслом, а кое-что в шутку. Но, конечно, большей частью дарилось то, что пригодится и понадобится. Малоимущие хоббиты, особенно с Исторбинки, были очень даже довольны. Старому Жихарю Скромби достались два мешка картошки, новая лопата, шерстя-

ной жилет и бутылъ ревматического снадобья. А старый Дурри Брендизайк, в благодарность за многократное гостеприимство, получил дюжину бутылок «Старого Виньяра», крепленого красного вина из Южного удела; вина вполне выдержанного, тем более что заложил его еще отец Бильбо. Дурри тут же простил Бильбо, что было прощать, и после первой же бутылки провозгласил его мужиком что надо.

Тоже и Фродо жаловаться не приходилось. Главные-то сокровища: книги, картины и всяческая несравненная мебель – оставлены были ему. И при всем при этом никакого следа денег или драгоценностей: ни денежки, ни бусинки никому не досталось.

Новый день потонул в хлопотах. С быстротой пожара распространился слух, будто все имущество Бильбо пойдет в распродажу или, того пуще, на дармовщинку – приходи и бери. Охочие хоббиты валили толпами, а спрашивать их приходилось по одному. Телеги и тачки загромоздили двор от крыльца до ворот.

В разгар суматохи явились Лякошель-Торбинсы. Фродо как раз пошел передохнуть и оставил за себя своего приятеля, Мерри Брендизайка. Когда Оддо громогласно потребовал «этого племянничка Бильбо», Мерри поклонился и развел руками.

– Ему нездоровится, – сказал он.

– Проще говоря, племянничек прячется, – уточнила Любелия. – Ну а мы пришли его повидать – и непременно повидаем. Поди-ка доложи ему об этом!

Мерри отправился докладывать, и Лякошели долго проторчали в прихожей. Наконец их впустили в кабинет. Фродо сидел за столом, заваленным кипой бумаг. Вид у него был нездоровый – и, уж во всяком случае, не слишком приветливый; он поднялся из-за стола, держа руку в кармане, но разговаривал вполне учтиво.

А Лякошели вели себя весьма напористо. Сначала они стали предлагать за разные вещи бросовые цены. Фродо отвечал, что подарки подарками, а вообще-то здесь ничего не продается; они поджали губы и сказали, что это им крайне подозрительно.

– Мне одно ясно, – добавил Оддо, – что уж кто-кто, а ты-то себе неплохо руки нагрел. Требую немедленно показать завещание!

Если б не «племянник», усадьба досталась бы Оддо. Он прочел завещание, перечел его – и фыркнул. Увы, все в нем было ясно и правильно, и положенные восемь свидетелей аккуратно расписались красными чернилами.

– Опять мы остались в дураках! – сказал Оддо жене. – Шестьдесят лет прождали – и опять! Что он тебе, серебряные ложки преподнес? Вот подлец!

Он злобно глянул на Фродо и пошел прочь. Любелия, правда, задержалась. Вскоре Фродо опасно выглянул из кабинета и увидел, что она тщательно обшаривает все уголки и выстукивает стены и полы. Он твердой рукой выпроводил ее, попутно избавив от нескольких небольших, но ценных приобретений, случайно завалившихся ей в зонтик. Она, видно, готовилась изречь на прощание что-то убийственное – и, обернувшись на крыльце, прошипела:

– Ты еще об этом пожалеешь, молокосос! Ты-то чего остался? Тебе здесь не место: какой из тебя Торбинс? Ты... ты самый настоящий Брендизайк!

– Слышал, Мерри? Вот как меня оскорбляют, – сказал Фродо, запирая за нею дверь.

– Ничего себе оскорбляют, – отозвался Мерри Брендизайк. – Тебе комплимент сделали, а ты говоришь – оскорбляют. Ну какой из тебя Брендизайк?

Они прошлись по дому и выгнали трех юнцов-хоббитов (двух Булкинсов и одного Боббера), которые копались в погребах. С резвым Гризли Шерстолапом у Фродо вышла настоящая потасовка: тот выступал гулкое эхо под полом в большой кладовой и копал не покладая рук.

Росказни о сокровищах Бильбо будили алчное любопытство и праздные надежды: известно ведь, что темным, а то и злодейским путем добытое золото принадлежит любому хвату, лишь бы ему не помешали вовремя ухватить.

Одолев Гризли и выпихнув его за дверь, Фродо рухнул на стул в прихожей.

– Закрывай лавочку, Мерри, – сказал он. – Запри дверь и не пускай больше никого, пусть хоть с тараном придут.

Он уселся за поздний чай, и едва уселся, как в дверь тихо постучали. «Опять Любелія, – подумал он. – Нет уж, пусть подождет до завтра – авось придумает что-нибудь пообиднее». Он прихлебнул из чашки, не обращая внимания на новый, куда более громкий стук. Вдруг в окне показалась голова мага.

– Если ты меня сейчас же непустишь, Фродо, я тебе не то что дверь высажу, я всю твою лачугу загоню в тартарары! – крикнул он.

– Это ты, Гэндальф? Прости, пожалуйста! – спохватился Фродо, кидаясь к дверям. – Заходи, заходи! Я думал, что Любелія.

– Тогда ладно, прощаю. Не волнуйся, я ее сейчас видел в Приречье – такую кислую, что у меня до сих пор оскомила.

– А я уж лучше и жаловаться не буду. Честно говоря, я чуть не надел Кольцо Бильбо: так и хотелось исчезнуть.

– Не надел, и молодец! – сказал Гэндальф. – Поосторожнее с Кольцом, Фродо. Я из-за него и вернулся: сказать тебе пару слов.

– А в чем дело?

– Что ты про него знаешь?

– То, что Бильбо рассказывал, всю историю – как он его нашел и как оно ему пригодилось.

– И какую же историю он тебе рассказывал? – поинтересовался маг.

– Нет, не ту, которую гномам и которая записана в его книге, – ответил Фродо. – Он рассказал мне все по правде – почти сразу, как я сюда переехал. Раз ты у него дознался, то чтоб и я знал. «Пусть у нас все будет начистоту, Фродо, – сказал он, – только ты уж помалкивай. Теперь-то оно все равно мое».

– Еще того интереснее, – заметил Гэндальф. – Ну, и как тебе это нравится?

– Ты насчет выдумки про «подарочек»? Да, бестолковая и нелепая выдумка. А главное, очень уж не похоже на Бильбо: я, помню, здорово удивлялся.

– Я тоже. Но владельцы волшебных сокровищ рано или поздно становятся на себя непохожими. Вот и ты будь поосмотрительнее. Это Кольцо не для того сделано, чтоб ты исчезал, когда тебе удобно, у него могут быть и другие свойства.

– Что-то непонятно, – сказал Фродо.

– Да и мне не совсем понятно, – признался маг. – Кольцо это заинтересовало меня по-настоящему только вчера вечером. Ты не волнуйся, я разберусь. И послушай моего совета, спрячь его куда-нибудь подальше. А главное, не давай никакого повода к толкам и пересудам. Повторяю тебе: береги его и не болтай о нем.

– Вон какие загадки! А что в нем опасного?

– Я еще не уверен и говорить не буду. Но в следующий раз, наверно, кое-что услышишь. Пока прощай, я тотчас уйду. – Он поднялся.

– Как тотчас? – вскрикнул Фродо. – А я-то думал, ты хоть неделю у нас поживешь, и так надеялся на твою помощь...

– Я и собирался, да вот не пришлось. Меня, вероятно, долго не будет, но в конце-то концов я непременно явлюсь тебя проведать. Будь готов принять меня в любое время: я приду тайком. На глаза хоббитам я больше показываться не хочу, я уж вижу, что меня в Хоббитании невзлюбили. Говорят, от меня только морока да безобразия. Кто, как не я, сбил с толку Бильбо

– а может, даже и сжил его со свету. Мы с тобой, оказывается, в сговоре и сейчас делим его богатства.

– Говорят! – воскликнул Фродо. – Говорят, конечно, – Оддо с Любелией. Фу, какая мерзость! Я бы с радостью отдал и Торбу, и все на свете, лишь бы вернуть Бильбо или уйти вместе с ним. Я очень люблю родные места, но, честное слово, кажется, зря за ним не увязался. Когда-то я его снова увижу – да и увижу ли?

– Я тоже не знаю когда, – сказал Гэндальф. – И еще многого не знаю. Будь осторожней! И жди меня в самое неподходящее время. А пока прощай!

Фродо проводил его до крыльца. Гэндальф помахал рукой и пошел широким шагом; Фродо показалось, что старого мага пригибает к земле какая-то тяжелая ноша. Вечерело, и его серый плащ вмиг растворился в сумерках.

Они расстались надолго.

Глава II

Тень прошлого

Ни за девять, ни за девяносто девять дней разговоры не умолкли. Второе исчезновение Бильбо Торбинса обсуждали не только в Норгорде, но везде и повсюду: обсуждали год с лишним, а вспоминали и того дольше. Хоббитатам рассказывали эту историю по вечерам у камелька, и постепенно Сумасшедший Торбинс, исчезавший с треском и блеском, а появлявшийся с грудой сокровищ, стал любимым сказочным хоббитом и остался в сказках, когда всякая память о подлинных событиях померкла.

Но поначалу в округе говорили, что Бильбо и всегда-то был не в себе, а теперь и вовсе свихнулся, дело его пропащее. Наверняка свалился в какой-нибудь пруд или в реку – тут ему и был печальный, но заслуженный конец. А виноват во всем – кто же, как не Гэндальф!

«Оставил бы этот дурацкий маг хоть Фродо в покое – из него, глядишь, и вышел бы толковый хоббит», – говорил кто поумнее, качая головой. И, судя по всему, маг таки оставил Фродо в покое, но хоббитской толковости в нем не прибывало. Фродо был тоже какой-то странный, вроде Бильбо. Траура он соблюдать не стал и на следующий год задал праздник по случаю стодвадцатилетия Бильбо: полновесная, говорил он, дата. Но что это был за праздник, всего двадцать приглашенных! Правда, ели до отвала и пили до упаду, как говорится у хоббитов.

Словом, кое-кто очень удивлялся, но Фродо взял обычай праздновать день рождения Бильбо, соблюдал его год за годом, и все привыкли. Он сказал, что Бильбо, по его разумению, жив-живехонек. А когда его спрашивали, где же он, Фродо пожимал плечами.

Жил он особняком, как и Бильбо, только друзей у него было много, особенно среди молодежи. А вполне своими чувствовали себя в Торбе Перегрин Крол (для друзей просто Пин) и Мерри Брендизайк (полное имя его было Мериадок, но об этом очень редко вспоминали). Фродо гулял с ними по горам и долам, но чаще бродил один, и простой народ дивился, чего ему не спится по ночам. Мерри и Пин подозревали, что он спознал с эльфами, по примеру дяди Бильбо.

Время шло, и все стали замечать, что Фродо тоже не худо «сохраняется»: у него по-прежнему был вид крепкого и ловкого хоббита едва за тридцать. «Кому везет, тому и счастье», – говорили о нем; но, когда ему подкатило к пятидесяти, народ насторожился.

Сам Фродо, оправившись от первого огорчения, обнаружил, что быть господином Торбинсом, хозяином Торбы-на-Круче, очень даже приятно. Десяток лет он просто радовался жизни и в будущее не заглядывал – хотя иногда все-таки жалел, что не ушел с Бильбо. И порою, особенно по осени, ему грезились дикие, неизведанные края, виделись горы, в которых он никогда не бывал, и моря, о которых только слышал. Он начал сам себе повторять: «А когда-нибудь возьму и уйду за Реку». И тут же внутренний голос говорил ему: «Когда-нибудь *потом*».

Между тем приближалось его пятидесятилетие – а пятьдесят лет казались Фродо весьма знаменательной (и даже зловещей) датой. В этом самом возрасте Бильбо сделался отчаянным хоббитом. Фродо забеспокоился, любимые тропы ему надоели. Он разглядывал местные карты, где Хоббитания была окружена белыми пятнами. Он все чаще и все дольше гулял один, а Мерри и другие друзья с тревогою следили за ним. А кто следил, тот видел, как он заводит долгие беседы с чужаками, которых в Хоббитании стало видимо-невидимо.

Ходили слухи о каких-то диковинных делах за границей; Гэндальф не появлялся уже много лет и даже вестей о себе не слал, так что Фродо подбирал всякую малую весточку. Через Хоббитанию поспешали большие отряды эльфов – раньше-то хоббиты знали про них только понаслышке, а теперь эльфы шли и шли по вечерам лесною окраиной, проходили и не возвращались. Они покидали Средиземье: у них была своя судьба. Шли, однако, и гномы – тоже во множестве. Древний путь с востока на запад вел через Хоббитанию в Серебристую Гавань; гномы же издавна хаживали этим трактом в копи, на Голубые горы. От них-то хоббиты и узнавали, что делается в чужих краях; правда, хозяева были нелюбопытны, а прохожие неразговорчивы. Но теперь Фродо все чаще попадались другие, дальние гномы. Они спешили на запад и, озираясь, полупшепотом, говорили про Врага и про страну Мордор.

Это слово было известно только по очень древним сказаньям: оно затемняло их зловещей тенью. Оказывается, едва только Светлый Совет очистил от злодейства Лихолесье, как оно закрепилось в древней своей твердыне, в Мордоре. Черный Замок был заново отстроен, и от него расползлся по Средиземью холодный мрак и обессиливающий ужас. Всюду гремели войны. В горах множились орки. И тролли стали не те, что прежде, – не тупоумные и косопалые, а хитрые и по-новому вооруженные. Заходила речь и о чудищах пострашнее – но тут уж говорили обиняками.

Простой народ, конечно, знал об этом маловато. Однако даже самые тугоухие домоседы и те кое-что прослышали, а кому случилось побывать на границе, те и повидали.

Однажды весенним вечером у камина в «Зеленом драконе» Сэм Скромби, садовник Фродо, вел беседу с Тодом Пескунсом, мельниковым сыном. Вокруг собрались завсегдатаи кабачка.

– Чудные нынче ходят слухи, – заметил Сэм.

– А ты уши развесь, – посоветовал Тод, – еще и не то услышишь. Поди вон к моей бабке – она тебе нараскажет!

– Что ж, – сказал Сэм, – и бабкины сказки иной раз не мешает послушать. Она ведь их не сама придумала. Взять хоть тех же драконов.

– Возьми их себе, – сказал Тод, – мне не надо. Я про них карапузом голоштаным наслушался, а как штаны надел, так и думать забыл. У нас в Приречье только один дракон, да и тот зеленый. Верно я говорю? – обратился он к слушателям, и те дружно захохотали.

– Это ты меня уел, – засмеялся с прочими и Сэм. – А вот как насчет древесных великанов? Говорят, за северными болотами недавно видели одного – выше всякого дерева!

– Кто это говорит?

– Ну, хоть бы и мой братан Хэл. Он работает у господина Боббера и все время бывает в Северном уделе. Он и видел.

– Этот увидит, только нам не покажет. А уж чего он там видит – ему, конечно, виднее, раз другим-то ничего не видать.

– Да нет, настоящий великан – за один шаг три сажени отмахивает, а сам вроде громадного вяза, идет-шагает!

– Вязы не шагают, а растут, где выросли.

– Да шагал же, говорят тебе; а вязы там не растут.

– Ну а коли не растут, так откуда же он там взялся? – отрезал Тод.

Кругом одобрительно засмеялись: Тогда не объедешь.

– Язык у тебя здорово подвешен, – сказал Сэм, – только ведь не один наш Хэллиус всякого-разного навидался. По всей Хоббитании говорят, что такого еще не было: идут и идут с востока невиданные чужаки, целыми толпами. И слышал я, что эльфы струнулись на запад, к гаваням за Белой Крепостью. – Сэм как-то неопределенно махнул рукой: ни он и никто из хоббитов не знал, какое и где это там Море за их западной окраиной, за древними руинами. Были только старые предания про Серебристую Гавань, откуда отплывают и не возвращаются

эльфийские корабли. – Плывут они и плывут, уплывают на запад, а нас оставляют, – проговорил Сэм чуть ли не нараспев, печально и торжественно покачивая головою.

Тод фыркнул:

– Старые байки на новый лад. Да мне-то или тебе какое до них дело? И пусть себе плывут! Хотя куда им плыть: ты ведь этого не видал, да и вообще никто в Хоббитании. Может, и не плывут, кто их разберет.

– Ну, не знаю, – задумчиво сказал Сэм. Он однажды вроде бы видел эльфа в лесу и все надеялся, что когда-нибудь еще увидит и порасспросит. Из легенд, слышанных в детстве, ему больше всего запомнились обрывочные рассказы про эльфов. – Даже и в наших краях есть такие, кто понимает Дивный Народ и умеет с ним разговаривать, – сказал он. – Тоже и мой хозяин, господин Торбинс. Он рассказывал мне, как они уплывают, и вообще у него что ни слово, то эльфы. А уж старый Бильбо, тот, помню, про них все на свете знал.

– Оба сдвинутые, – сказал Тод. – Старик Бильбо, тот совсем, а теперь вот и Фродо тоже сдвинулся. От него, что ль, ты слухов набираешься? Гляди, сам не свихнись. Ладно, ребята, кто куда, а я домой. Бывайте здоровы! – Он выхлебнул кружку и шумно распрощался.

Сэм еще посидел, но больше ни с кем не заговаривал. Ему было о чем поразмыслить. И работы наутро в саду непочатый край, лишь бы ведро. Выходы все гуще. Работа, конечно, работой... А Сэм думал совсем о другом. Потом вздохнул, поднялся и вышел.

Апрельское небо расчищалось после проливного дождя. Солнце село, и прохладный вечер, отступая, тихо тускнел. Ранние звезды зажигались над головой Сэма, а он брел вверх по склону, задумчиво и чуть слышно насвистывая.

Между тем объявился Гэндальф, всегда неожиданный гость. После Угощения его не было три года. Потом он мимоходом наведалься, внимательно поглядел на Фродо, сказал ему пару пустяков – и даже ночевать не остался. А то вдруг зачастил: являлся, как смеркнется, но к рассвету словно бы его и не было. Где и зачем пропадает, не объяснял, а интересовался только здоровьем Фродо да всякой чепухой.

И вдруг даже этим перестал интересоваться. Девять с лишним лет Фродо его не видел и ничего о нем не слышал: должно быть, решил он, Гэндальфу просто больше нет дела до хоббитов. Но однажды вечером, когда наплывали сумерки, раздался знакомый стук в окно кабинета.

Фродо от всей души обрадовался старинному приятелю. Они стояли и разглядывали друг друга.

– Ну, все в порядке? – спросил Гэндальф. – А ты молодцом, Фродо!

– Да и ты, – сказал Фродо, а про себя подумал, что маг постарел и сгорбился. Хоббит пристал к нему с расспросами, и они засиделись далеко за полночь.

Позавтракали они поздно, и маг уселся с Фродо перед раскрытым окном. В камине полыхал огонь, хотя и солнце пригревало, и с юга тянул теплый ветерок. Отовсюду веяло свежестью, весенняя зелень разливалась в полях, и яркой листвою курчавились деревья.

Гэндальф припоминал, какая была весна почти восемьдесят лет назад, когда Бильбо умчался за приключениями без носового платка. С тех пор волосы Гэндальфа еще побелели,

борода и брови отросли, лицо новыми морщинами изрезали заботы, но глаза блестели по-прежнему, и кольца дыма он пускал с обычным вкусом и сноровкой.

Но курил он молча, и Фродо тоже сидел тихо, сидел и думал. Яркий утренний свет омрачало предчувствие недобрых вестей Гэндальфа. Наконец он сам решился прервать молчание.

– Ты было начал мне что-то говорить про мое Кольцо, Гэндальф, – напомнил он. – Начал, да не кончил, отложил на утро. Может, сейчас продолжишь? Ты говоришь, Кольцо опасное, а мне, знаешь ли, непонятно. Что значит – опасное?

– А вот слушай, – отвечал маг. – Могущество у него такое, что сломит любого смертного. Сломит и овладеет им... Давным-давно в Остранне были откованы эльфийские кольца: колдовские, как вы их называете, кольца – они и правда были не простые и разные, одни более, другие менее могущественные. Менее могущественные были всего лишь пробой мастерства, тогда еще несовершенного, – но даже эти кольца, по-моему, опасны для смертных. А уж Великие Кольца, Кольца Всевластья, – они губельны. Надо тебе сказать, Фродо, что смертные, которым доверено владеть Магическими Кольцами, не умирают, но и не живут по-настоящему: они просто тянут лямку жизни – без веселья, без радости, да еще и с превеликим трудом. И если смертный часто надевает Кольцо, чтоб стать невидимкой, то он тает – или, как говорят Мудрые, *развоплощается*, – а потом становится невидимкой навечно, зримый только глазу Властелина Колец. Да, раньше или позже – позже, если он сильный и добрый, – но ему суждено превратиться в Прислужника Темных Сил, над которыми царит Черный Властелин.

– Ужас какой! – сказал Фродо.

И они надолго замолчали. Только садовые ножницы Сэма Скромби щелкали за окном.

– И давно ты это знаешь? – спросил наконец Фродо. – А Бильбо знал?

– Бильбо знал ровно столько, сколько тебе сказал, – отвечал Гэндальф. – Иначе он не оставил бы тебе такое опасное наследство, даже и на меня бы не понадеялся. Он думал, что Кольцо очень красивое и всегда может пригодиться; а если с ним самим что-то не так, то Кольцо тут ни при чем. Он говорил, что Кольцо у него из головы нейдет и все время его тревожит; но дело-то, думал он, не в Кольце. Хоть и понял: за ним надо приглядывать, оно бывает меньше и больше, тяжелее и легче, а может вдруг соскользнуть с пальца и пропасть.

– Да, это он мне написал, – сказал Фродо, – и оно у меня всегда на цепочке.

– Весьма разумно, – заметил Гэндальф. – А свою долгую жизнь Бильбо с Кольцом не связывал. Он думал, что у него просто судьба долгожителя, и очень этим гордился. А жил в тревоге и безотчетном страхе. «Я стал тонкий и какой-то прозрачный», – пожаловался он мне однажды. Еще немного – и Кольцо взяло бы свое.

– Да ты мне скажи, ты это давно знаешь? – снова спросил Фродо.

– Что *это*? – сказал Гэндальф. – Я, Фродо, знаю много такого, что никому не ведомо. Но если ты спрашиваешь про *это* Кольцо, то я, можно сказать, и до сих пор не все знаю. Осталась последняя проба. Но догадка моя, без сомнения, верна... А когда меня впервые осенило? – Гэндальф задумался. – Погоди-ка... да, в тот самый год, когда Совет Светлых Сил очистил Лихолесье – как раз перед Битвой Пяти Воинств. Правильно, когда Бильбо нашел Кольцо. Мне вдруг стало тревожно, но я не знал почему. Меня удивляло, как же это Горлум завладел одним из Магических Колец – а что одним из Магических, это было ясно. В разговоре с Бильбо он странно проврался – про «подарочек»; потом, когда Бильбо поведал мне правду, я понял – тут, впрочем, и понимать было нечего, – что оба они хотели доказать свое неоспоримое право на Кольцо: Горлум, дескать, получил его «в подарочек на день рождения», а Бильбо выиграл «в честной игре». Ложь ко лжи, да еще такая похожая, – конечно, я забеспокоился.

Видно, Кольцо заставляет врать и подсказывает вранье. Тут я впервые понял, что дело совсем не шуточное, и сказал Бильбо, чтоб он был поосторожнее с Кольцом, но он не послушался и даже рассердился на меня. Что было делать? Не отбирать же у него Кольцо – да и с какой стати? Я следил и выжидал. Пожалуй, надо было посоветоваться с Саруманом Белым, но что-то меня удерживало.

– Это кто? – спросил Фродо. – В жизни о нем не слышал.

– Откуда же тебе, – улыбнулся Гэндальф. – Ему до хоббитов дела нет – или не было. Он великий мудрец – первый среди магов, глава Совета. Много сокровенного открыто ему, но он возгордился своим знанием и вознесся над всеми. С давних пор углубился он в тайны Колец, проницая сумрак забвенья; и, когда речь о них зашла на Совете, слова его развеяли мою тревогу. Я отринул подозренья, но не расстался с ними. И по-прежнему следил и выжидал.

Бильбо не старел, а годы шли. Шли и шли, словно бы не задевая его. И подозрение вновь овладело мною. Но я сказал себе: «Он наследовал долгую жизнь с материнской стороны. Не такие уж древние его годы. Подождем!» Я ждал и бездействовал до прощального вечера Бильбо. Тогда он заговорил и повел себя так, что во мне ожили все тревоги, убаюканные Саруманом. Я понял, что тут зияет мрачная тайна. И потратил долгие годы, разгадывая ее.

– Но ведь ничего страшного не случилось? – испуганно спросил Фродо. – Со временем-то он придет в себя? Успокоится?

– Ему сразу стало легче, как только он избавился от Кольца, – отвечал Гэндальф. – Однако над Кольцами властвует лишь одна сила, и есть лишь Один, кому все известно про Кольца и про то, чем они грозят своим владельцам, даже временным. Правда, про хоббитов, кажется, никто ничего толком не знает. Изучал их пока один я – и сколько изучал, столько изумлялся. То они мягче масла, то вдруг жестче старых древесных корней. По-моему, некоторые из них даже могут долго противиться Кольцам – хотя вряд ли этому поверили бы в Совете Мудрых. Так что, пожалуй, за Бильбо ты не волнуйся.

Он, конечно, владел Кольцом много лет и много раз надевал его. Оно впечаталось в его жизнь, и отпечаток изгладится не скоро – лучше бы оно больше не попадалось ему на глаза. Не попадетсЯ – и он, быть может, проживет без него еще очень долго, ибо это легче, чем расстаться с ним. А расстался он с ним по собственной воле, вот что самое главное. Нет, за Бильбо я спокоен – с тех пор как он ушел, оставил Кольцо. Теперь твой черед и твой ответ.

А ты меня очень тревожишь – ты и все вы, милые, глуповатые, бестолковые хоббиты. Большая будет потеря для мира, если мрак поглотит Хоббитанию, если все ваши потешные олухи – Бобберы, Дудстоны, Булкинсы, Толстобрюхлы и прочие, не говоря уж о чудесных чудачках Торбинсах, станут жалкими трусами и темными подлецами.

Фродо поежился.

– С чего это мы станем трусами да подлецами? – спросил он. – И кому нужны такие подданные?

– Всеобщему Врагу, – мрачно ответил Гэндальф. – Хотя, по правде-то говоря, доньше хоббиты ему и на ум не приходили – доньше, заметь! Скажи за это спасибо судьбе. Но отныне Хоббитания в опасности. Вы ему не нужны – у него хватает рабов, но теперь он вас не забудет. А мерзкие рабы-хоббиты ему приятнее, чем хоббиты веселые и свободные. К тому же он озлоблен на вас, и месть его будет страшна.

– Месть? – удивился Фродо. – А за что же мстить? Ну хоть убей, не понимаю, при чем тут Бильбо, я и наше Кольцо.

– Как это при чем? – нахмурился Гэндальф. – Ты, видно, чего-то не уразумел; впрочем, сейчас поймешь. Я и сам прошлый раз еще не был уверен, но теперь-то все разъяснилось. Дай-ка мне Кольцо.

Фродо вынул Кольцо из брючного кармана и, сняв его с цепочки, прикрепленной к поясу, нехотя подал магу. Кольцо оттягивало руку, словно оно – или сам Фродо, или оба вместе – почему-то не хотело, чтобы его коснулся Гэндальф.

Маг осторожно принял его. Кольцо было из чистого червонного золота.

– Какие-нибудь знаки на нем есть? – спросил Гэндальф.

– Никаких, – ответил Фродо. – На нем нет ни царапины, его словно никто никогда не носил.

– Так смотри!

И к удивлению, если не к ужасу Фродо, маг вдруг швырнул Кольцо в огонь. Фродо вскрикнул и схватил щипцы, но Гэндальф удержал его.

– Подожди! – повелительно сказал он, метнув на Фродо суровый взгляд из-под седых бровей.

Кольцо не плавилось. Вскоре Гэндальф поднялся, опустил шторы и задернул занавески. Тихая комната помрачнела, и только щелканье ножниц Сэма доносилось из сада. Маг пристально смотрел в огонь, потом нагнулся, ухватил Кольцо щипцами и ловко вынул его из угольев. Фродо перевел дыхание.

– Оно холодное, – объявил Гэндальф. – Возьми!

Ладонь Фродо дрогнула под неожиданной тяжестью.

– Возьми пальцами! – приказал Гэндальф. – И посмотри!

Фродо взял и увидел тонкую, тончайшую резьбу изнутри и снаружи Кольца. Оно было словно испещрено легким огнем, ярким, но каким-то туманным, проступившим из глубины.

– Мне непонятны эти огненные буквы, – сказал Фродо дрожащим голосом.

– Тебе непонятны, – откликнулся Гэндальф, – зато мне понятны. Старинные руны эльфов, а язык мордорский. Я не хочу, чтобы он звучал здесь. На всеобщий язык надпись можно перевести так:

*А одно – Всесильное – Властелину Мордора,
Чтоб разъединить их всех, чтоб лишить их воли
И объединить навек в их земной юдоли...*

Это строки из памятного одним эльфам стихотворного заклинания:

*Три Кольца – премудрым эльфам – для добра их гордого,
Семь Колец – пещерным гномам – для труда их горного,
Девять – людям Средиземья – для служенья черного
И бесстрашия в сраженьях смертоносно твердого,
А Одно – всесильное – Властелину Мордора,
Чтоб разъединить их всех, чтоб лишить их воли*

*И объединить навек в их земной юдоли
Под владычеством всеильным Властелина Мордора.*

Гэндальф глубоко вздохнул и медленно проговорил:

– Твое Кольцо – Кольцо Всевластья, которому покорны остальные девятнадцать. Кольцо, утраченное много лет назад в ущерб власти Врага. Оно ему нужно больше всего на свете – и он не должен его получить!

Фродо сидел молча и неподвижно, сжавшись от страха, словно его окутала холодом и тьмою черная туча с востока.

– Так это – Вражье Кольцо? – пролепетал он. – Да как же, да зачем же оно ко мне попало?

– А! – сказал Гэндальф. – Это очень долгая история. Началась она в те Черные Лета, память о которых – достояние Мудрых, и то не всех. Если рассказывать сначала, мы с тобою до осени тут просидим... Вчера я говорил тебе о Сауроне, Властелине Колец. Твоих ушей достигли верные слухи: он вспрынул, покинул Лихолесье и перебрался в Мордорский Замок – свою древнюю крепость. Слово «Мордор» тебе знакомо: оно то и дело чернеет даже в хоббитских летописях, источая страх и мрак. Да, снова и снова – разгром, затишье, но потом Тьма меняет обличье и опять разрастается.

– Хоть бы при мне-то этого не было, – сказал Фродо.

– А при мне уже много раз было, – отозвался Гэндальф, – все-то всегда говорили: хоть бы не при мне. Выбирать судьбу нам не дано; однако на этот раз нам дано время, и главное – не упустить его. А время у нас, Фродо, едва ли не на исходе. Враг с каждым днем все сильней. Ему еще нужен срок, но срок недолгий. Надо опередить его замыслы и воспользоваться невероятным случаем – быть может, себе на погибель.

Враг очень силен, но, чтобы сломить всякий отпор, сокрушить последние оплоты и затопить Средиземье Тьмою, ему недостает одного – Кольца Всевластья.

Три прекраснейших Кольца эльфы от него укрыли: рука его их не коснулась и не осквернила. Семь Колец было у гномов; три он добыл, остальные истребили драконы. Девять он роздал людям, величавым и гордым, чтобы поработить их. Давным-давно превратились они в кольценосцев-призраков, в Прислужников Мрака, его самых страшных вассалов. Давным-давно... да, очень давно не видывали на земле Девятерых. Но кто знает? Мрак опять разрастается; возможно, появятся и они, исчадия мрака... А впрочем, не будем говорить о них сейчас, в милой Хоббитании, ярким утром.

Да, нынче так: Девять Колец у его подручных; и те из Семи, которые уцелели, хранятся в Мордоре. Три покамест укрыты, но что ему до них! Ему нужно Кольцо Всевластья: он выковылял его, это *его* Кольцо, в него вложена часть его древней силы – и немало ее ушло, чтобы спаять Кольца в черную цепь. Если *это* Кольцо найдется, власть Саурона возрастет стократ, и даже Три эльфийских будут ему подвластны: все сделанное с их помощью падет, и сила его станет необоримой.

Мы стоим в преддверии страшной поры. Саурон думал, что Кольца Всевластья больше нет, что эльфы его уничтожили, как и следовало сделать. А теперь он знает, что оно цело, что оно нашлось. И сам ищет его, идет, преклонив свою мысль сюда, на поиски. Такова его великая надежда – и великий страх.

– Да почему, почему же его не расплавили? – вскрикнул Фродо. – И как это Враг лишился его, если он такой могучий, а оно ему так дорого? – Он сжимал Кольцо в руке, словно к нему уже тянулись черные пальцы.

– Оно было отнято у него в давние годы, – сказал Гэндальф. – Велика была сила эльфов, и люди тогда еще были заодно с ними. Да, люди Западного Края поддержали их. Не худо бы нам припомнить эту главу древней истории: тогда было и горе, и мрак надвигался, но против них воздвиглась великая доблесть, и тогдашние подвиги не пропали даром. Однажды я, быть

может, расскажу тебе эту повесть, или ты услышишь ее от кого-нибудь, кто знает ее лучше меня.

А нынче тебе всего лишь надо узнать, как закатилась эта штука в Торбу, что в Норгорде, Хоббитания, и тут тоже есть чего порассказать, так что истории мы коснемся вскользь. Эльфийский царь Гил-Гэлад и Великий князь Западного Края Элендил низвергли Саурона, но и сами пали в последней роковой сече; и сын Элендила Исилдур отсек Саурону палец вместе с Кольцом и взял Кольцо себе. И сгинул Саурон, и духу его в Средиземье не стало, и минули несчетные века, прежде чем тень его вновь стустилась в Лихолесье.

А Кольцо пропало. Оно кануло в воды Великой Реки Андуина. Ибо Исилдур возвращался с войны по восточному берегу реки, и возле Ирисной Низины его подстерегли орки с Мглистых гор и перебили почти всю его дружину. Он хотел невидимкой спастись вплавь, но Кольцо соскользнуло с его пальца, орки увидели его и поразили стрелами.

Гэндальф помолчал.

– И там, в темных заводях у Ирисной Низины, – продолжал он, – Кольцо исчезло из легенд и былей; то, что узнал ты сейчас от меня, неведомо почти никому, и даже Совет Мудрых пребывает в неведении о дальнейшей судьбе Кольца. Ну вот, а теперь пойдет совсем другой рассказ.

Через несколько тысячелетий, и все же опять-таки давным-давно, в Глухоманье, на берегу Великой Реки Андуина жил искусный и тихий народец, похожий на брендидуимских хоббитов. Они плели тростниковые челны и плавали по Реке, ибо любили ее. Была среди них почтенная семья, большая и зажиточная; а главенствовала в ней суровая и приверженная древним обычаям бабушка. Самый ловкий и пытливый из этой семьи звался Смеагорлом. Все ему надо было знать: он нырял в омуты, подкапывался под зеленые холмы, добирался до корней деревьев, но не подымал глаз к вершинам гор, древесным кронам и цветам, раскрытым в небеса, – взгляд его был прикован к земле.

Был у него приятель по имени Деагорл, такой же остроглазый, но не такой сильный, хитрый и шустрый. Однажды они отправились на лодке вниз к Ирисной Низине и заплыли в заросли лиловых ирисов да пышных камышей. Смеагорл выпрыгнул на берег и пошел рыскать по лугу, а Деагорл удил, оставшись в лодке. Вдруг клюнула большая рыба и рывком стащила его за собою под воду. Заметив на дне что-то блестящее, он выпустил леску, набрал в грудь побольше воздуха, нырнул и черпнул горстью.

Вынырнул он с водорослями в волосах и пригоршней ила в руке, отдышался и поплыл к берегу. С берега окунул руку в воду, обмыл грязь, и – смотри пожалуйста! – на ладони у него осталось прекрасное золотое кольцо: оно дивно сверкало на солнце, и Деагорл радостно любовался им. Сзади неслышно подошел Смеагорл.

– Отдай-ка его нам, миленький Деагорл, – сказал Смеагорл, заглядывая через плечо приятеля.

– Это почему же? – удивился Деагорл.

– А потому, что у нас, миленький, сегодня день рождения, и мы хотим его в подарок, – отвечал Смеагорл.

– Ишь ты какой, – сказал Деагорл. – Был тебе уже от меня сегодня подарок, небось не пожалуешься. А это я для себя нашел.

– Да как же, миленький, да что ты, да неужели же? – проворковал Смеагорл, вцепился Деагорлу в горло и задушил его – Кольцо было такое чудное и яркое.

Он взял Кольцо и надел его на палец.

Никто не узнал, что случилось с Деагорлом: он принял смерть далеко от дома, и тело его было хитро запрятано. А Смеагорл вернулся один, пробравшись домой невидимкой, ибо, когда владелец Великого Кольца надевает его, он становится незримым для смертных. Ему очень понравилось исчезать: мало ли что можно было эдак натворить, и он много чего натворил. Он стал подслушивать, подглядывать и пакостничать. Кольцо наделило его мелким всевластьем: тем самым, какое было ему по мерке. Родня чуралась его (когда он был видим), близкие отшатнулись. Его пинали, а он кусался. Он привык и наловчился воровать, он ходил, и бормотал себе под нос, и все время злобно урчал: горлум, горлум, горлум... За это его и прозвали Горлум; всем он был гадок, и все его гнали, а бабушка и вовсе запретила ему возвращаться в нору.

Так и бродил он в одиночестве, хныкал, урчал, ворчал и сам себе жаловался, какие все злые. Плача и сетуя, добрал он до горного холодного потока и пошел вверх по течению. Невидимыми пальцами ловил он речную рыбу и ел ее живьем. Однажды было очень жарко, он склонился над омутом, ему жгло затылок, а вода нестерпимо блестела. Ему это было странно: он совсем позабыл, что на свете есть солнце. А когда вспомнил, поднял кулак и погрозил солнцу.

Потом он глаза опустил и увидел Мглистые горы, из которых пробивался источник. И вдруг подумал: «Ах, как прохладно и темно под этими скалами! Солнце не будет на нас там глазеть. Горы тоже пускают корни, у них есть свои тайны, и тайны эти будем знать только мы».

Ночной порою он поднялся в горы, нашел пещеру, из которой сочился темный поток, и червем заполз в каменную глубь, надолго исчезнув с лица земли. И Кольцо вместе с Горлумом поглотила первозданная тьма, так что даже тот, кто его выковал, хоть и стал могуч пуще прежнего, но был о нем в неведении.

– Подожди, ты сказал – Горлум? – вскричал Фродо. – Как Горлум? Это что, та самая тварь, на которую наткнулся Бильбо? Как все это мерзко!

– По мне, это не мерзко, а горько, – возразил маг, – ведь такое могло бы случиться и кое с кем из хоббитов.

– Ни за что не поверю, что Горлум сродни хоббитам, – отрезал Фродо. – Быть этого не может!

– Однако это чистая правда, – заметил Гэндальф. – О чем другом, а о происхождении хоббитов я знаю побольше, чем вы сами. Даже из рассказа Бильбо родство вполне очевидно. О многом они с Горлумом одинаково думали и многое одинаково помнили. А понимали друг друга чуть ли не с полуслова, куда лучше, чем хоббит поймет, скажем, гнома, орка или даже эльфа. Загадки-то у них были, помнишь, прямо-таки общие.

– Это верно, – согласился Фродо. – Хотя не одни хоббиты загадывают загадки, и все они, в общем, похожи. Зато хоббиты никогда не жульничают, а Горлум только и норовил. Он ведь затеял игру, чтоб улучшить миг и застать Бильбо врасплох. Очень для него выходила приятная игра: выиграет – будет кого съесть, а проиграет – беда невелика.

– Боюсь, что так оно и было, – сказал Гэндальф. – Но было и кое-что другое, чего ты покамест не уразумел. Даже Горлум – существо не совсем пропащее. Он оказался крепче иного человека – он же сродни хоббитам. В душе у него остался заветный уголок, в который проникал свет, как солнце сквозь щелку: свет из прошлого. А может, ему было приятно снова услышать добрый голос, напоминавший о ветре и деревьях, о залитой солнцем траве и о многом, многом забытом.

Но конечно же, в конце концов черная неодолимая злоба опять взъерилась в нем, а целителя поблизости не было. – Гэндальф вздохнул. – Увы! Для него надежды мало. Но все же есть – даже для него, хоть он и владел Кольцом очень долго, так долго, что и сам не упомнит,

с каких пор. Правда, надевал он его редко – зачем бы в крошечной-то тьме? Поэтому и не «истаял». Он тощий, как щепка, жилистый и выносливый. Но душа его изъедена Кольцом, и пытка утраты почти невыносима.

А все «глубокие тайны гор» обернулись бездонной ночью; открывать было нечего, жить незачем – только исподтишка добывай пищу, припоминай старые обиды да придумывай новые. Жалкая у него была жизнь. Он ненавидел тьму, а свет – еще больше; он ненавидел все, а больше всего – Кольцо.

– Как это? – удивился Фродо. – Кольцо же его «прелесть», он только о нем и думал? А если он его ненавидел, то почему не выбросил?

– Ты уже много услышал, Фродо, пора бы тебе и понять, – сказал Гэндальф. – Он ненавидел и любил Кольцо, как любил и ненавидел себя. А избавиться от него не мог. На то у него не было воли.

Кольцо Всевластья, Фродо, само себе сторож. Это оно может предательски соскользнуть с пальца, а владелец никогда его не выкинет. Разве что подумает, едва ли не шутя, отдать его кому-нибудь на хранение, да и то поначалу, пока оно еще не вцепилось во владельца. Насколько мне известно, один только Бильбо решился его отдать – и отдал. Да и то не без моей помощи. Но даже Бильбо не оставил бы Кольцо на произвол судьбы, не бросил бы его. Нет, Фродо, решал дело не Горлум, а само Кольцо. И решило.

– Решило сменить Горлума на Бильбо, что ли? – спросил Фродо. – Уж вернее было бы подкатиться к какому-нибудь орку.

– Ну, это опять-таки дело непростое, – сказал Гэндальф. – И не тебе над этим смеяться. Ты вот удивляешься, что Бильбо оказался тут как тут и нечаянно нашарил его в потемках...

...Но зло не правит миром безраздельно, Фродо. Кольцо хотело вернуться к своему Властелину – недаром его выловил бедняга Деагорл, а потом был умерщвлен. И не зря им завладел Горлум. Горлума оно понемногу источило – но дальше-то что? Он мелкий и жалкий; и, пока оно было при нем, он оставался в своем озерце. И вот когда подлинный его Властелин набрал силу и потянулся за ним своей черной думой, оно бросило Горлума. Однако подобрал его не орк, не тролль, не человек, а Бильбо из Хоббитании!

Думаю, что это случилось наперекор воле Врага. Видно, так уж было суждено, чтобы Кольцо нашел не кто-нибудь, а именно Бильбо. Стало быть, и тебе суждено было его унаследовать. Мне в этом видится проблеск надежды.

– А мне не видится, – возразил Фродо. – Хотя, правда, я тебя не очень-то понимаю. Скажи лучше, как ты все это разузнал – про Кольцо и про Горлума? Или ты ничего толком не знаешь, а просто придумываешь?

Гэндальф поглядел на Фродо, и глаза его блеснули.

– Кое-что я знал, а кое-что разузнал, – сказал он. – Но тебе, знаешь ли, я не собираюсь докладывать обо всех моих поисках. Хватит того, что твое Кольцо оказалось Кольцом Всевластья – судя по одной только огненной надписи...

– А это ты когда открыл? – перебил его Фродо.

– На твоих глазах, в твоей гостиной, – жестко отвечал маг. – Но я заранее знал, что мне это откроется. Я много путешествовал и долго искал – а это последняя проба. Последнее доказательство, и теперь все ясно. Нелегко было разобраться, при чем тут Горлум и как он затесался в древнюю кровавую историю. Может, мне и надо было начинать догадки с Горлума, но теперь я догадок не строю. Я просто знаю, как было. Я его видел.

– Ты видел Горлума? – изумленно воскликнул Фродо.

– Да, видел. Без него не разберешься, это понятней понятного. Но и до него не очень-то доберешься.

– Что ж с ним случилось потом, после Бильбо? Это ты знаешь?

– Довольно смутно. То, что я рассказал тебе, рассказано со слов Горлума, хотя он-то, конечно, не так рассказывал. Горлум – превеликий лгун, и каждое слово его приходится обчищать. К примеру, Кольцо у него так и оставалось «подарочком на рождение» – будто бы от бабушки: у нее, мол, много было всяких безделушек. Дурацкая выдумка. Конечно, бабушка Смеагорла была женщина властная и хозяйственная, но чтобы в ее хозяйстве водились Кольца Власти – это вряд ли, и уж тем более вряд ли она стала бы их дарить внукам на дни рождения. Однако вранье враньем, а все-таки правда – пусть и наизнанку.

Горлум никак не мог забыть, что он убил Деагорла, и всеми силами защищался от собственной памяти: грыз в темноте черные кости, повторяя своей «прелести» одну и ту же, одну и ту же ложь, пока сам в нее почти не уверовал. Ведь правда же, тогда был его день рождения и Деагорл должен был подарить ему Кольцо. Оно затем и подвернулось – ему в подарок. Это самый настоящий подарок на день рождения – и так далее в том же роде.

Я терпел его бессвязную болтовню сколько мог, но любой ценой надо было попытаться до правды, и пришлось мне обойтись с ним круто. Я пригрозил ему огнем, и он наконец рассказал все, как было, – понемногу, огрызаясь, истекая слезами и слюнями. Его, видите ли, обидели, унизили и вдобавок ограбили. Я у него выпытал и про загадки, и про бегство Бильбо, но вот дальше – тут он словно онемел и только выхныкивал иногда мрачные намеки. Видно, какой-то ужас сковывал его язык, и я ничего не мог поделать. Он плаксиво бубнил, что своего никому не уступит и кое-кто узнает еще, как его пинать, обманывать и грабить. Теперь у Горлума есть хорошие, такие чудесненькие друзья – и они очень даже покажут кому надо, где орки зимуют. Они ему помогут, а Торбинс-ворюга еще поплатится. Он еще поплатится и наплачется, твердил Горлум на разные лады. Бильбо он ненавидит люто и клянет страшно. Но хуже другое: он знает, кто такой Бильбо и откуда явился.

– Да кто же ему сказал? – взволновался Фродо.

– Ну, если на то пошло, так Бильбо сам ему сдуру представился, а уж потом нетрудно было выяснить, откуда он явился, – если, конечно, выползти наружу. И Горлум выполз, ох, выполз. По Кольцу он тосковал нестерпимо – тоска эта превозмогла страх перед орками и даже его солнцебоязнь. Протосковал он год, а то и два. Видишь ли, Кольцо хоть и тянуло его к себе, но уже не истачивало, как прежде, и он понемногу начал оживать. Старость давила его, ужасно давила, но вечная опаска пропала; к тому же он был смертельно голоден.

Любой свет – что лунный, что солнечный – был ему нестерпим и ненавистен, это уж, наверно, так с ним и будет до конца дней; но хитрости и ловкости ему не занимать. Он сообразил, что укрыться можно и от солнечного, и от лунного света, можно быстро и бесшумно пробираться темной ночью, когда мрак пронизывают только его белесые глаза, и ловить всяких маленьких беспечных зверюшек. Его освежило ветром, он отъелся, а поэтому стал сильнее и смелее. До Лихолесья было недалеко; дотуда он, в свой час, и добрался.

– И там ты его нашел? – спросил Фродо.

– Я его там видел, – отвечал Гэндальф, – но попал он туда не сразу, сначала он шел по следу Бильбо. А потом... толком-то я, пожалуй, так и не знаю, что было потом: он нес какую-то околесицу, захлебывался руганью и угрозами. «Что у него было в карманцах? – бормотал он. – Нет, не догадался я, что там у него моя прелесть. Гад, гад, гаденыш. Нечестный вопрос, нечестный. Он смошенничал, он, а не я, он правила нарушил. Надо было сразу его удавить, правда, моя прелесть? Ничего, моя прелесть, ничего, еще удавим».

И так без конца. Ты вот уже морщишься, а я это терпел изо дня в день, с утра до вечера. Ну, не совсем зря: по каким-то его обмолвкам я все же понял, что он дошлепал до Эсгарота, подсматривал и подслушивал на улицах города. Большие новости гулко отдаются в пустынных краях: все только и говорили, что про Бильбо, сплетая воедино были и небылицы. Да на обратном пути, после победы в Битве Пяти Воинств, и мы не таились. Горлум на ухо востер – он живо услышал и понял, что ему было надо.

– Почему же он тогда не выследил Бильбо до конца? – спросил Фродо. – Или он побывал у нас в Хоббитании?

– Да вот, – сказал Гэндальф, – в том-то и дело, что не побывал. Пошел-то он к вам. Дошел до Великой Реки и вдруг свернул. Дальней дороги он бы вряд ли испугался, не такой. Нет, что-то сбило его с пути. И мои друзья, которые изловили его для меня, того же мнения.

Свежий его след подняли лесные эльфы. Он вел через Лихолесье и обратно; правда, поймать самого Горлума им не удалось. А лес был полон жуткой памяти о нем, перепугались все зверюшки и птицы. Слышно было, что явилось новое чудище: призрак-кровопийца, от которого детенышам нет спасенья ни на деревьях, ни в норах.

От западной окраины Лихолесья след повернул назад, потом, петляя, повел на юг, вывел из лесу и затерялся. Тут-то я и сделал большую ошибку. Да, Фродо, ошибку, и не первую; боюсь только, что самую опасную. Я оставил его в покое – пусть идет, куда хочет. У меня была куча срочных дел, и я по-прежнему верил в мудрость Сарумана.

С тех пор прошло больше полувека, и я заплатил за свой просчет черными, трудными днями. Когда я понял, что мне позарез нужен Горлум – а это было после ухода Бильбо, – след его давным-давно потерялся. Вряд ли я отыскал бы Горлума, но меня выручил преданный друг по имени Арагорн, лучший следопыт и охотник нынешних времен. Вместе с ним мы прочесали все Глухоманье, без особой надежды и понапрасну. И когда, отчаявшись, я решил бросить поиски, Горлум вдруг нашелся. Мой друг едва ли не чудом вернулся из смертельно опасного путешествия и приволок его с собой.

Где Горлум пропадал, так и осталось тайною. Он обливался слезами, называл нас скверными и жестокими, а в горле у него клокотало: «Горррлум, горррлум» – недаром его так прозвали. Даже под угрозой огня он только хныкал, ежился, заламывал свои длинные руки и лизал пальцы, словно обожженные, будто они напоминали ему о какой-то давней жестокой пытке. Он ничего не сказал, но боюсь, что сомнений нет: он медленно, потихоньку, шаг за шагом прокрался на юг – и попал в Мордор.

Комнату затопила тяжелая тишина, и Фродо услышал, как колотится его сердце. Снаружи все тоже будто замерло – даже ножницы Сэма перестали щелкать.

– Да, в Мордор, – повторил Гэндальф. – Оно и понятно, там приют всякой злобе и зависти: туда стягивает лиходеев Черный Властелин. А ведь Кольцо Врага исковеркало душу Горлума, и он внял неотступному зову. К тому же все шептались о том, что Мордор снова окутан мраком и что там клубится душная, беспощадная ненависть. Там, только там, были его настоящие друзья: они-то и помогут ему отомстить, думал Горлум.

Несчастный дурак! Да, он пробрался в Мордор и узнал много – чересчур даже много. Он долго бродил у границ этой страшной страны – тут и попался, и был притянут к общеобязательному допросу чужаков. Арагорн изловил Горлума после того, как он пробыл там очень, очень долго и возвращался назад. То ли его послали, то ли он сам надумал какую-нибудь пакость. Впрочем, это не важно: главный вред от него уже позади.

Да, но вред невосполнимый! Ибо Враг выпытал у него, что Кольцо Всевластья нашлось. Известно, где Горлumu досталось Кольцо. Известно, что это Великое Кольцо, оно дарует нескончаемую жизнь. Понятно, что это не одно из Трех эльфийских: эльфы их сохранили, и в них нет мерзости, они чисты. Понятно, что это не одно из Семи гномьих или Девяти мертвецких: тут все известно. Враг понял, что Кольцо – то самое. И вдобавок услышал про хоббитов и Хоббитанию.

Может статься, он ее сейчас и отыскивает – если уже не нашел. И знай, Фродо, что ваше родовое имя тоже выплыло заодно с прочим.

– Но ведь это ужасно! – вскричал Фродо. – Ужасней ужасного – даже твои жуткие намеки и неясные остережения так меня не пугали. Гэндальф, о, Гэндальф, надежный мой друг, что же мне делать? Теперь вот мне по-настоящему страшно. Скажи, Гэндальф, что мне делать? Какая все-таки жалость, что Бильбо не заколол этого мерзавца, когда был такой удобный случай!

– Жалость, говоришь? Да ведь именно жалость удержала его руку. Жалость и милосердие: без крайней нужды убивать нельзя. И за это, друг мой Фродо, была ему немалая награда. Недаром он не стал приспешником зла, недаром спасся; а все потому, что начал с жалости!

– Прости, не о том речь, – сказал Фродо. – Страх обуял меня, но Горлума все равно жалеть глупо.

– Не видел ты его, – сказал Гэндальф.

– Не видел и не хочу, – отрезал Фродо. – А тебя просто не понимаю. Неужели же ты, эльфы и кто там еще, – неужели вы пощадили Горлума после всех его черных дел? Да он хуже всякого орка и такой же враг. Он заслужил смерть.

– Заслужить-то заслужил, спору нет. И он, и многие другие, имя им – легион. А посчитай-ка таких, кому надо бы жить, но они мертвы. Их ты можешь воскресить – чтобы уж всем было по заслугам? А нет – так не торопись никого осуждать на смерть. Ибо даже мудрейшим не дано провидеть все. Мало, очень мало надежды на исправление Горлума, но кто поручится, что ее вовсе нет? Судьба его едина с судьбою Кольца, и чует мое сердце, что он еще – к добру ли, к худу ли – зачем-то понадобится. В час развязки жалость Бильбо может оказаться залогом спасения многих – твоего, кстати, тоже. Да, мы его пощадили: он старый и жалкий, таких не казнят. Он остался в заточении у лесных эльфов – надеюсь, они обходятся с ним по-доброму.

– Все равно, – сказал Фродо, – пусть даже и не надо было убивать Горлума, но зачем Бильбо оставил себе Кольцо? А главное, зачем оно мне-то досталось? Ведь я уж тут совсем ни при чем! Как же ты у меня его не отобрал, почему не заставил выкинуть или истребить?

– Выкинуть? Истребить? – сердито откликнулся маг. – Ты что, пропускал мои слова мимо ушей? Думай все-таки, прежде чем говорить. Выкинуть его можно только по безрассудству. Магические Кольца не пропадают бесследно: со временем они возвращаются в мир, и мало ли кто их найдет, сам подумай. Ведь Кольцо может попасть в руки Врага, да и непременно попадет: он тянет его к себе могучим, тяжким усилием.

Да, милый Фродо, ты в большой опасности, оттого-то мне и беспокойно. Но ставки нынче такие, что опаснее всего – не рисковать, даже и тобою; однако помни, что, когда я отлучался, ты был под неусыпным надзором и охраной. Я знаю, ты ни разу не надевал Кольцо, и, стало быть, оно тебя не поработило. Пока что – нет... А девять лет назад, при нашем последнем свидании, я еще ничего толком не знал.

– Хорошо, нельзя выкинуть, так можно истребить: ты же сам сказал, что это давным-давно надо было сделать! – в отчаянии воскликнул Фродо. – Предупредил бы меня, написал бы, что нужно, – и я бы от него отделался.

– Отделался бы? А как? Ты пробовал?

– Нет, не пробовал. Но его же, наверно, как-то можно сплющить или расплавить?

– А ты попробуй! – сказал Гэндальф. – Возьми да попробуй!

Фродо опять достал Кольцо из кармана и поглядел на него. Оно было чистое и гладкое, без всяких надписей. Ярко лучилось золото, и Фродо подумал: какой у него густой и чудный отлив, как оно дивно скруглено. Изумительное и поистине драгоценное Кольцо. Он вынул

его, чтобы швырнуть в огонь, но вдруг понял, что сделать этого не может, что себя не пере-ломишь. Он нерешительно взвешивал Кольцо на ладони, вспоминая зловещую повесть Гэндальфа; наконец собрал все силы – и обнаружил, что поспешно запихивает Кольцо в карман.

Гэндальф невесело рассмеялся.

– Вот видишь? Уже и ты, Фродо, не можешь с ним расстаться, бережешь его от вреда. Не мог я «заставить» тебя – разве грубой силой, а этого ты бы не выдержал. И никакой силой Кольцо не истребить. Бей его сколько хочешь шестипудовым кузнечным молотом – на нем и следа не останется. Да что там ты – я и то ничего с ним сделать не смогу.

В огне твоего камина и обычное-то золото не расплавится. А Кольцо, ты видел, в этом огне только посвежело, даже не нагрелось. И во всей твоей Хоббитании нет такого кузнеца, который мог бы хоть чуть-чуть его сплющить. Ему нипочем даже горнила и молоты гномов. Было поверье, что Магические Кольца плавятся в драконовом огне, но теперешние драконы – жалкие твари, кому из них под силу расплавить Великое Кольцо, которое выковал сам Саурон!

Есть только один способ: добраться до Ородруина, Роковой горы, и бросить Кольцо в ее пылающие недра... если ты по-настоящему захочешь, чтобы оно расплавилось и стало навсегда недоступно Врагу.

– Да нет, я, конечно, очень хочу, чтобы оно... чтобы стало недоступно! – заторопился Фродо. – Только пусть это не я, пусть кто-нибудь другой, разве такие подвиги мне по силам? Зачем оно вообще мне досталось, при чем тут я? И почему именно я?

– Вопрос на вопросе, – сказал Гэндальф, – а какие тебе нужны ответы? Что ты не за доблесть избран? Нет, не за доблесть. Ни силы в тебе нет, ни мудрости. Однако же избран ты, а значит, придется тебе стать сильным, мудрым и доблестным.

– Да как же я! Ты, Гэндальф, ты и сильный и мудрый. Возьми у меня Кольцо, оно – тебе.

– Нет! – вскрикнул Гэндальф, отпрянув. – Будь у меня такое страшное могущество, я стал бы всевластным рабом Кольца. – Глаза его сверкнули, лицо озарилось изнутри темным огнем. – Нет, не мне! Ужасен Черный Властелин – а ведь я могу стать еще ужаснее. Кольцо знает путь к моему сердцу, знает, что меня мучает жалость ко всем слабым и беззащитным, а с его помощью – о, как бы надежно я их защитил, чтобы превратить потом в своих рабов. Не навязывай мне его! Я не сумею стать просто хранителем, слишком оно мне нужно. Предомной – мрак и смерть.

Он подошел к окну, поднял шторы и отдернул занавеси. В комнату снова хлынуло солнце. Мимо окошка, посвистывая, прошел Сэм.

– Как видишь, – сказал маг, обернувшись к Фродо, – решать придется тебе. Но я тебя не оставляю. – И он положил руку на плечо Фродо. – Я помогу тебе снести это бремя, пока это бремя твое. Только не надо медлить. Враг не мешкает.

Настало молчание. Гэндальф снова сел в кресло и попыхивал трубкой: должно быть, задумался. И глаза прикрыл, но из-под век зорко следил за Фродо. А Фродо неотрывно глядел на темно-алые уголья в камине, только их и видел, и чудилось ему, что он заглядывает в огненный колодец. Он думал о багровых расселинах древней и страшной Горы.

– Так! – сказал наконец Гэндальф. – Ну, и о чем же ты размышляешь? Что решил?

– Ничего, – глухо откликнулся Фродо. Но огненная тьма вдруг выпустила его. Он снова сидел в светлой комнате, изумляясь яркому окну и солнечному саду. – А впрочем, решил. Я не все понимаю, что ты говоришь, но покамест придется мне, наверно, оставить Кольцо у себя и сберечь его, а там будь что будет.

– С тобой много чего может быть, – сказал Гэндальф, – но начинаешь ты очень неплохо. Не скоро Кольцо тебя склонит ко злу.

– Это тебе виднее, – сказал Фродо. – Только хорошо бы ты все-таки нашел какого-нибудь хранителя понадежней. А пока что, если ты прав, то я в большой опасности, и друзья мои тоже. Вряд ли мне, стало быть, удастся сберечь Кольцо и уберечь друзей, если я останусь дома.

Придется мне бросить Торбу, покинуть Хоббитанию и вообще уйти куда глаза глядят. – Он вздохнул. – Лишь бы в Хоббитании все осталось как было – правда, я иной раз клял хоббитов за глупость последними словами, призывая на них землетрясение и драконов, но нет уж, лучше не надо. Пока у меня за спиной Хоббитания, мне как-то легче: я знаю, что есть отступление, хотя отступить и некуда.

Я, конечно, и раньше думал, не уйти ли мне, только представлял себе какой-то пикник, приключения, как у Бильбо или даже интереснее – разные ведь бывают, и все хорошо кончаются. А тут – из страха в страх, и смерть по пятам. Да и путешествовать мне, видно, придется одному, раз мне выпала такая доля – спасти Хоббитанию. Только я же маленький, для всех там чужой и – как бы это сказать? – не из них. А Враг такой сильный и страшный.

Он не признался Гэндальфу, что, пока говорил, в сердце его вспыхнуло желание пойти вслед за Бильбо – пойти и, быть может, даже встретиться с ним. Желание было такое сильное, что страх отступил: он, пожалуй, так бы и кинулся бежать, вроде Бильбо – без шапки и наобум.

– Ты ли это, Фродо? – воскликнул Гэндальф. – Верно сказал я когда-то: изумительные существа хоббиты. Кажется, и месяца хватит, чтоб их изучить, а они через сто лет тебя несказанно удивят. Вот уж чего не ожидал – даже и от тебя! Бильбо-то не ошибся с наследником, хотя не понимал, как это важно. Да, похоже, что ты как нельзя более прав. По нынешним временам Кольцу не место в Хоббитании: тебе – да и не только тебе – придется уйти и на время забыть, что ты Торбинс. Опасное это имя за пределами Хоббитании. Дай-ка я придумаю тебе другое. Назовись ты, пожалуй, Накручинсом.

А пойдешь ты все-таки не один. Кому там из своих приятелей ты вполне доверяешь, кто из них способен выстоять в смертельных испытаниях?.. Впрочем, таких, наверно, и нет; а все же подумай о спутнике, он тебе очень понадобится! И болтай поменьше, даже с близкими друзьями! У Врага повсюду шпионы, он все слышит.

Маг вдруг осекся и прислушался. В комнате и в саду стояла звонкая тишина. Гэндальф прокрался к окну, вспрыгнул на подоконник, протянул длинную руку – и в окне, жалобно пискнув, появилась курчавая голова Сэма Скромби, вытянутая за ухо.

– Так, так, клянусь бородой! – сказал Гэндальф. – Сэм Скромби, он самый! Под окном, значит?

– Да что вы, сударь, что вы, господин Гэндальф! – горячо возразил Сэм. – Под каким окном! Я тут просто полыл и подстригал траву: видите? – Он показал в свое оправданье садовые ножницы.

– Вижу, – мрачно отозвался Гэндальф. – А вот щелкать твои ножницы давно что-то перестали. Подслушивал?

– Подсушивал, сударь? Да нет, зачем же, все и так подсохло.

– Ты дурака-то не валяй! Что ты слышал и зачем подслушивал? – Глаза Гэндальфа сверкнули, и брови ощетинились.

– Господин Фродо, хоть вы-то! – в ужасе выкрикнул Сэм. – Вы-то хоть не позволяйте ему, а то он меня во что-нибудь – раз – и превратит. Доказывай потом моему старику, что это я. Я же ничего худого не хотел, честное слово, сударь!

– Ни во что он тебя не превратит, – сказал, еле сдерживая смех, изумленный и озадаченный Фродо. – Он знает, как и я, что ты подслушивал без худого умысла. Ты бояться-то не бойся, а спрошено – отвечай!

– Да что ж, сударь, – втянув голову в плечи, признался Сэм. – Я порядком слышал, хотя понял-то не все: и про Врага, и про Кольца, и про господина Бильбо – ну, там, драконы, Огненная гора – и, конечно, про эльфов. Вовсе даже не собирался подслушивать – а слышал: сами знаете, как нечаянно бывает. Меня ведь хлебом не корми, а дай послушать про эльфов, мало ли что там Тод говорит. Хоть бы одним глазком их повидать. Вы вот, сударь, пойдете – ну и мне бы эльфов показали, а?

Гэндальф вдруг рассмеялся.

– Ну-ка, давай сюда! – крикнул он и, втащив через подоконник ошарашенного Сэма, поставил его, с ножницами и лопатой в руках, на пол. – Говоришь, эльфов тебе показать? – спросил он, всматриваясь в Сэма и невольно улыбаясь. – Ты, стало быть, расслышал, что хозяин твой уходит?

– Расслышал, а как же. Тут-то я и поперхнулся, а это уж небось вы расслышали. Да я нечаянно – ведь такое огорчение!

– Ничего не поделаешь, Сэм, – грустно сказал Фродо. Он вдруг понял, что прощание с Хоббитанией будет очень трудное и что прощается он не только с Торбой. – Надо мне идти. А ты, – и он сурово посмотрел на Сэма, – если ты и правда за меня тревожишься, то уж держи язык за зубами, ладно? Проболтаешься хоть о чем-нибудь, что ненароком подслушал, и Гэндальф, чего доброго, превратит тебя в пятнистую жабу, а с ужами, знаешь ли, шутки плохи.

Сэм задрожал и бухнулся на колени.

– Встань, Сэм! – велел Гэндальф. – Я придумал кое-что пострашнее: ни о чем ты не проболтаешься и впредь будешь знать, как подслушивать. Ты пойдешь с Фродо!

– Я? С хозяином? – воскликнул Сэм, подскочив, как собака, которую позвали гулять. – И увижу эльфов и еще много всякого? Урра! – крикнул он и вдруг расплакался.

Глава III

Дорога втроем

– Выйти надо втихомолку и как можно скорее, – постоянно напоминал Гэндальф.

С первого разговора прошло уже две или три недели, а Фродо в путь пока не собрался.

– Знаю, знаю, – говорил Фродо. – Только это ведь непросто – скорее, да еще втихомолку. Уйду я, как Бильбо, – и раскатится молва по всей Хоббитании.

– Нет уж, ты, как Бильбо, не уходи! – сказал Гэндальф. – Этого еще нам не хватало! Скорее – да, но не вдруг. Подумай, конечно, как покинуть Хоббитанию без лишнего шума, а все же не мешкай: как бы не замешкаться.

– Может, осенью, после нашего общего дня рождения? – предложил Фродо. – К тому времени я как раз все устрою.

По правде говоря, когда дошло до дела, у него начисто пропала всякая охота к путешествиям. Торба вдруг стала донельзя уютной, и он всю радувался последнему своему лету в Хоббитании. «А осенью, – думал он, – у нас поскучнее, и сердце по-всегдашнему запросится в чужие края». Про себя он уже твердо решил дожидаться пятидесятилетия и столетия Бильбо. Будет годовщина – тут-то и в путь, по примеру Бильбо. Без этого примера он бы и шагу не сделал, в жизни бы с духом не собрался. О цели странствия он старался не думать и с Гэндальфом не откровенничал. Может, маг и сам обо всем догадывался, но, по своему обычаю, помалкивал...

– Да-да, все устрою и отправлюсь, – повторил Фродо.

Гэндальф поглядел на него и усмехнулся.

– Ладно, – сказал он, – пусть так, лишь бы не позже. Что-то мне очень тревожно. Только ты смотри, никому ни слова о том, куда путь держишь! И чтобы Сэм твой тоже молчал, как убитый, а то он у меня и правда запрыгает жабой.

– Куда я путь держу, – сказал Фродо, – этого я и сам не знаю, так что тут мудрено проболтаться.

– Без глупостей! – напустился Гэндальф. – Я не к тому говорю, чтоб ты пропал неизвестно куда. Но Хоббитанию ты покидаешь – и надо, чтобы об этом никто не знал. Куда-нибудь ты да пойдешь, на север, на юг, на запад или даже на восток – это вот и надо сохранить в тайне.

– Мне так грустно оставлять Торбу и со всеми прощаться, что я даже не подумал, куда отправлюсь, – сказал Фродо. – А куда, в самом-то деле? Почему я знаю, где можно спрятаться? Бильбо – тот ушел за сокровищем, ушел и вернулся, а мне, значит, нужно вернуть сокровище, а самому сгинуть – так, что ли?

– Так, да не так, – отозвался Гэндальф. – Тут и я тебе не указчик. Может, ты дойдешь до Ородруина, а может, это вовсе не твое дело – как знать? Я знаю другое: пока что ты к такому пути не готов.

– Еще бы! – воскликнул Фродо. – Ну а мой-то путь – куда?

– По краю, – ответил маг. – По самому краешку, твердо и осторожно. Иди-ка ты, пожалуйста, в Раздол. Это не слишком опасный путь, хотя на дорогах нынче беспокойно, а осенью будет даже и страшновато.

– В Раздол? – переспросил Фродо. – Хорошо, пойду на восток, к Раздолу. Сэм тоже со мной пойдет, повидает эльфов, то-то ему радость!

Он обронил это как бы между прочим; но ему не шутя захотелось побывать в той блаженной долине, где Дивный Народ все еще жил мирно и счастливо.

Как-то летним вечером в «Укромном уголке» и «Зеленом драконе» обсуждали невероятное – что там великаны и прочая нечисть на границах! Оказывается, Фродо продает, если уже не продал, Торбу – и кому? Лякошель-Торбинсам!

– Ну, за хорошие деньги, – говорили одни.

– За свою цену, – возражали другие, – будьте покойны, Любелія гроша лишнего не даст. (Оддо уже успел умереть, дожив до ста двух лет и не дождавшись свершения своих чаяний.)

О цене очень спорили; но больше о том, с чего бы это Фродо вздумал продавать такое прекрасное именье. Некоторые намекали – на это намекал и сам господин Торбинс, – что денежки счет любят, а у него они на исходе: еле хватит рассчитаться в Норгорде и переехать к родственникам в Зайгорд.

– Лишь бы подальше от Лякошелей, – добавлял кое-кто. Но все так привыкли к рассказам о несметных богатствах Бильбо, что отвыкать было невмочь, и многие винили Гэндальфа. Того хоть и было не видеть, не слышать, но жил-то он, известно, у Фродо – прятался небось в Торбе. Положим, было не слишком понятно, зачем магу нужно, чтоб Фродо переехал в Зайгорд, но, видать, зачем-то понадобилось.

– Да, осенью переезжаю, – подтверждал Фродо. – Мерри Брендизайк подыскивает там для меня чистенькую норку, а может, и уютный домик.

Мерри в самом деле подыскал и купил премиленький домик в Кроличьей Балке, чуть подальше Зайгорда. Всем, кроме Сэма, Фродо говорил, что туда он и задумал перебраться. Путь на восток подсказал ему эту мысль: Заячьи Холмы – по дороге, Фродо жил там в детстве, так почему бы ему туда не вернуться.

Гэндальф пробыл в Хоббитании больше двух месяцев. Потом, однажды вечером к концу июня, как раз когда планы Фродо устоялись, он вдруг объявил, что наутро уходит.

– Надеюсь, ненадолго, – сказал он. – У меня кое-какие дела на юге. Я у вас и так засиделся. Сказано это было невзначай, но Фродо показалось, что маг сильно озабочен.

– Что-нибудь случилось? – спросил он.

– Да пока ничего, но до меня дошли тревожные и не слишком понятные вести – надо разобраться. Я тут же вернусь или, на худой конец, подам весточку. А вы поступайте, как решено, только берегитесь, а пуще всего берегите Кольцо. И непреложный тебе совет: *не надевай его!* Когда вернусь, точно еще не знаю, – сказал он, прощаясь на рассвете. – Но уж к вашему отходу поспею непременно. Пожалуй, придется мне на всякий случай проводить вас по Тракту.

Сначала Фродо опасливо прикидывал, какие такие вести мог получить Гэндальф, но потом успокоился: уж очень хорошая была погода. Лето пышное, осень плодоносная – даже Хоббитания давно такого не видывала. Ветки ломались от яблок, соты истекали медом, и пшеница вздымала тугие колосья.

Лишь когда вплотную подошла осень, Фродо встревожился не на шутку. Середина сентября, а Гэндальф как в воду канул. На носу день рождения и переезд, а от него ни слуху ни духу. Между тем начались хлопоты. Приезжали и помогали упаковываться друзья Фродо: Фредегар Боббер, Фолко Булкинс и, уж конечно, Перегрин Крол с Мерри Брендизайком. Их общими стараниями в Торбе все было вверх дном.

20 сентября от жилища Фродо к Брендидуимскому мосту отъехали два фургона, груженные нераспроданной утварью. Следующий день прошел в ожидании Гэндальфа. Утро пятиде-

сятилетия Фродо выдалось ясное и яркое, такое же, как в памятный день Угощения. Гэндальфа не было. Под вечер Фродо накрыл на пятерых праздничный стол, пытаясь разогнать свое уныние. Вот и с друзьями тоже скоро надо будет расставаться. Молодые хоббиты – Мерри Брендизайк, Фредегар Боббер, Фолко Булкинс, Перегрин Крол – веселились шумно и беспечно, прогорланили уйму песен, припомнили всякую быль и небыль, выпили за здоровье Бильбо, потом за обоих новорожденных вместе, как было заведено на днях рождения Фродо. Потом вышли подышать свежим воздухом, поглядели на звезды – и отправились спать. А Гэндальф так и не явился.

На другое утро они быстро, в десять рук, нагрузили последнюю повозку. С нею отправились Мерри и Толстик (так у них звался Фредегар Боббер).

– Кому-то надо печку для вас, лодырей, растопить в новом доме, – сказал Мерри. – Ладно, авось послезавтра свидимся – ежели вы не заснете в дороге мертвым сном.

Фолко позавтракал и ушел, остался один Пин. Фродо был сам не свой: он все еще ждал Гэндальфа и решил задержаться до сумерек. А там, если уж он очень понадобится магу, пусть сам идет в Кроличью Балку, глядишь, еще и первый доберется. Фродо решил пойти к Зайгордной переправе окольным путем, чтоб напоследок хоть поглядеть на Хоббитанию.

– Заодно и жир сгоню, – сказал он себе, глядя в пыльное зеркало на стене в полупустой прихожей. Он давно уже сидел сиднем и несколько расплылся.

Чуть за полдень явились Лякошель-Торбинсы: Любелия со своим белобрсым отпрыском Лотто.

– Насилу дождалась! – сказала она, переступив порог. Это было невежливо и неверно: до двенадцати ночи хозяином Торбы оставался Фродо. Но что взять с Любелии – ведь она ждала на семьдесят семь лет дольше, чем собиралась: ей уже перевалило за сто. И пришла не просто так, а присмотреть, чтобы Брендизайки и прочие по ошибке не захватили бы с собой чего чужого, и еще за ключами. Спровадить ее было непросто: она принесла с собой опись проданного имущества и желала проверить, все ли на месте. Проверила раз, потом другой, получила запасные ключи и заручилась обещанием, что третьи ключи будут ей оставлены у Скромби в Исторбинке. Она хмыкнула и поджала губы – мол, знаем мы этих Скромби, утром половины вещей недосчитаетесь, – но наконец ушла.

И Фродо ей даже чаю выпить не предложил.

А сам напился чаю с Пином и Сэмом Скромби у себя на кухне. Объявлено было, что Сэм на всякий случай ходит с ним в Забрендию, «приглядит за хозяином и посмотрит, чего он там посадит». Жихарь такое дело одобрил, не переставая ворчать, что вот, мол, у некоторых одни прогулки на уме, а ему-то между делом подсудобили в соседки Любелию.

– Последнее чаепитие в Торбе! – сказал Фродо и решительно отодвинул стул. Посуду за собой они назло Любелии не вымыли. Сэм с Пином быстро увязали три мешка и вынесли их на крыльцо. Пин пошел прогуляться по саду, а Сэм куда-то исчез.

Солнце село, и Торба казалась угрюмой, опустелой, разоренной. Фродо побродил по знакомым комнатам – закатный свет тускнел, из углов выползали темные тени.

Скоро совсем смерклось. Он прошел к дальней садовой калитке: а вдруг все-таки появится Гэндальф?

В чистом небе разгорались звезды.

– Хорошая будет ночь, – сказал Фродо вслух. – Вот и отлично, идти одно удовольствие. Засиделись, честное слово. Пойду, а Гэндальф пусть уж догоняет. – Он повернул к дому и остановился, услышав голоса где-то рядом – наверно, в Исторбинке. Старый Жихарь и еще кто-то: голос незнакомый, а мерзкий до тошноты. О чем спрашивает чужак, не разобрать, слышны только ответы старика Скрамби – осторожные и опасливые, чуть ли не испуганные.

– Нет, господин Торбинс уехал. Нынче утром, и мой Сэм с ним; все уже вывезли. Да вот так и вывезли – что не продали, то вывезли... А зачем и почему – не мое это дело... да и не ваше. Известно куда – в Кроличью Балку, а может, и дальше, это все знают. Да вон – прямая дорога. Нет, сам не бывал, на кой мне, там народ дурной. Не, передать ничего не возьмусь. Спокойной ночи!

Мягко сошли шаги с Кручи, и Фродо удивился, почему он так рад, что сошли, а не взошли. «Видно, я насмерть устал от расспросов и всякого любопытства, – подумал он. – Ужас какой у нас любопытный народ!»

Он хотел было узнать у папаши Скрамби, кто это к нему приставал, но вдруг раздумал и быстро зашагал к Торбе.

Пин сидел и спал, откинувшись на свой мешок. Сэма не было. Фродо заглянул в черную дверь.

– Сэм! – позвал он. – Где ты там? Пора!

– Иду, сударь! – откликнулся тот и выскочил откуда-то из глубины, отирая губы. Он прощался в погребке с пивным бочонком.

Фродо захлопнул и запер круглую дверь, а ключ отдал Сэму.

– Беги давай к себе, – сказал он. – А оттуда напрямик – встретимся у калитки за лугом. Улицей не пойдем: подсматривают, подслушивают. Ну – живо!

Сэм умчался во тьму.

– Вот и выходим наконец! – сказал Фродо Пину.

Они вскинули мешки на спину, взяли палки и пошли вдоль западной стены Торбы.

– Прощайте! – вымолвил Фродо, взглянув на черные слепые окна. Он помахал рукой, повернулся и (точно так же, как Бильбо, только он об этом не знал) нырнул в садовые заросли вслед за Пином. Они перепрыгнули низкую слегу и ушли в поле, всколыхнув темноту и прошелестев высокой травой.

Они спустились по западному склону к калитке в узенький проулок. Там остановились, подтянули мешочные ляжки – и вскоре слышали топоток и пыхтение Сэма. Свой до отказа набитый мешок он вздел на самые плечи, а на голову нахлобучил какой-то мятый фетр – якобы шапку. В темноте он был суций гном.

– Что потяжелее – это вы, конечно, мне, – сказал Фродо. – Бедняги улитки и бедные все, кто носит свой дом и свой скарб на спине!

– У меня мешок совсем легкий, сударь. Можно сколько угодно еще, – объявил Сэм добрым и лживым голосом.

– Нет уж, Сэм! – сказал Пин. – Как-нибудь снесет, сам накладывал – себе и нам вровень. Он тут у нас малость ожирел: пройдетя, авось его мешок вместе с ним и полегчает.

– Смилуйте над старым, немощным хоббитом! – со смехом взмолился Фродо. – В конце пути меня будет качать, как на ветру. Однако шутки в сторону. Ты, Сэм, наверняка взвалил на себя сверх всякой меры, вот сделаем привал – разберемся и переложим.

И он взялся за свой посох.

– Ночная прогулка – чего же лучше-то! – сказал он. – Отшагаем мили три-четыре по свежему воздуху, да и на боковую.

Пошли проулком на запад, а после свернули налево, в поля, и засемили гуськом вдоль живых изгородей, мимо межевых рожиц, в тихой ночной мгле. Плащи у них были темные, шли

они невидимками, будто все трое надели волшебные кольца. Когда три хоббита идут тишком да молчком – за ними нелегко уследить. Даже осторожные полевые зверюшки едва замечали бесшумных путников.

Ручей к западу от Норгорда перешли по лавам в одну досточку. Извилистая черная ручьи-стая лента с обеих сторон обросла густым ольшаником: ветки тянулись к воде. Еще миля-другая на юг – и они перебежали большую дорогу от Брендидуимского моста. Оказались в Укролье и, свернув на юго-восток, потрусили к Зеленым Холмам. Тропинка взметнулась в гору, они оглянулись и увидели далеко позади мягкое мерцанье огней Норгорда, рассеянных по ласковой Ручьевой долине. Вскоре оно пропало за спусками и подъемами; вот уже и Приречье с его мутно-серым прудом. Дальний отсвет окон крайнего домика в последний раз просквозил деревья. Фродо обернулся и снова помахал рукою.

– Почем знать, увижу ли я еще когда-нибудь нашу долину, – негромко проговорил он.

После трехчасового пути решено было все-таки отдохнуть. Стояла ясная, прохладная, звездная ночь, но дымчатые ключья тумана взползали на холмы из низменных луговин и от глубинных ручейков, – взползали и оседали. Облетевшие березки, покачиваясь над головами хоббитов, тонкой черной сетью веточек застилали бледное небо. Они поужинали не по-хоббитски скромно и двинулись дальше. Вскоре они набрали на узкую дорогу, извивавшуюся вверх-вниз по холмам, серевшую вдаль во мраке: дорогу к Лесному Чертогу и к Заводям, к Зайгордному парому. Она вводила далеко в сторону от главного пути Ручьевой долины и, забегая на Зеленые Холмы, вела в Лесной Угол, в глухомань Восточного удела.

Потом они угодили в овражину между высокими деревьями, по-ночному шелестевшими сохнувшими листьями. Темень была непроглядная. Сначала они разговаривали, тихо напевали песенки, благо услышать их было уже некому. Затем шагали молча, и Пин начал отставать. Наконец перед крутым подъемом он остановился и зевнул.

– Ох, спать хочется, – сказал он, – того и гляди, упаду и засну. А вы что, на ходу спать будете? Время-то какое: к полночи близко.

– А я-то думал, ты любитель ночных прогулок, – сказал Фродо. – Ну ладно, торопиться нам пока особенно некуда. Мерри нас ждет не раньше чем послезавтра, и у нас есть денек-другой в запасе. Вот сейчас подыщем местечко и заночуем.

– Дует с запада, – заметил Сэм. – Обойдемте-ка этот холм, сударь, там наверняка найдется укрытое и уютное местечко. Там вроде бы и елового сухостоя порядочно.

Сэм исходил окрестности Норгорда миль на двадцать, но дальше земля для него кончалась.

Возле самой вершины пологого лесистого холма они набрали на ельник, свернули с тропинки в смолистую темень, наломали сухого лапника, насобирали шишек и разожгли костер. Веселое пламя заплясало у корней столетней ели: хоббиты пригрелись и начали клевать носами. Каждый по-своему устроился между корнями, укутался плащом и одеялом и тут же крепко уснул.

Дозорного не оставили: даже Фродо ничего не опасался – они ведь были в Хоббитании! Костер стал грудой пепла, и кой-какие звери явились поглядеть на спящих. Лис, который случайно пробежал мимо, замер и принюхался.

– Хоббиты! – сказал он сам себе. – Вот тебе на! Дела кругом, слышно, чудные, но чтоб хоббит спал в лесу под деревом – да не один, а целых три! Не-ет, тут что-то кроется.

Настало тусклое, сырое утро. Фродо проснулся первым и, охая, щупал спину, чуть не насквозь продырявленную еловым корнем, а шея и вовсе не ворочалась. «Ну и прогулочка!

Что бы мне было спокойно поехать? – думал он, как ему обычно думалось в начале всякого похода. – А на моих любимых перинах спят теперь Лякошель-Торбинсы! Им бы на еловых корнях поспать». Он потянулся.

– Хоббиты, подъем! – крикнул он. – Смотрите, что за утро!

– А что за утро? – спросил Пин, одним глазом выглядывая из-под одеяла. – Сэм! Завтрак чтоб был готов к полдесятого! Умывальную воду разогрел?

Сэм вскочил, как встрепанный, и мутно огляделся.

– Нет, сударь, не разогрел, сударь! – выговорил он спросонья.

Фродо сорвал с Пина одеяло, пихнул его раз-другой и ушел на опушку. На восточном краю неба красный солнечный диск показался над волнистым покровом тумана. Деревья в червонно-золотом осеннем убранстве, казалось, уплывали в туманное море. Внизу слева дорога круто уходила в овраг и там исчезала.

Когда он вернулся, Сэм с Пином уже развели костер.

– Воду! – заорал Пин. – Где вода?

– Я воду в карманах не ношу, – сказал Фродо.

– А мы думали, ты пошел за водой, – огорчился Пин, раскладывая еду и расставляя кружки. – Хоть теперь-то сходи.

– Вместе с тобой, – сказал Фродо. – И фляжки тоже не мешает прихватить.

Под горой шумел ручей. Они наполнили фляжки и походный котелок под струей водопада с уступа серого камня в хоббитский рост. Вода была ледяная; они умывались, пыхтя и отфыркиваясь.

Не спеша позавтракали, старательно упаковали мешки и снялись в одиннадцатом часу; день выдался ясный, и солнце пригревало все горячее. Спустились напрямик, перешли ручей, клокотавший в трубе под дорожной насыпью, а там опять вверх-вниз по склонам, и так от холма к холму; их мешки с плащами, одеялами, флягами, съестным припасом и прочей поклажей, казалось, тяжелели с каждым шагом. Скоро они притомились и запарились, а дорога все петляла, вползала на холмы и снова ныряла вниз, но потом обернулась плавным спуском в широкую долину. Перед ними простерлось редколесье, сливавшееся вдалеке с бурой стеною деревьев. Вот он, Лесной Угол, а за ним и река Брендидуим. Ох как еще далеко; а дорога вилась и вилась нескончаемой бечевою.

– Дорога уходит вдаль, – сказал Пин. – Ну и пускай уходит, а я пока дальше идти не согласен. И вообще давно пора обедать.

Он уселся на обочине и устало поглядел на восток, где за бескрайним знойным маревом текла знакомая река, возле которой он жил, сколько себя помнил. Сэм стоял рядом. Его круглые глаза были широко распахнуты – он-то попал невесть куда, в неизвестные края.

– А эльфы живут в этом лесу? – спросил он.

– Ни про каких эльфов слыхом не слыхивал, – отрезал Пин. Фродо молчал. Он тоже глядел на дорогу, уводившую на восток: глядел, точно в первый раз ее увидел. Вдруг он произнес громко и раздельно, ни к кому не обращаясь:

*В поход, беспечный пешеход,
Уйду, избыв печаль, —
Спешит дорога от ворот
В заманчивую даль,
Свивая тысячи путей
В один, бурливый, как река,
Хотя, куда мне плыть по ней,
Не знаю я пока!*

– Смахивает на вирши старины Бильбо, – сказал Пин. – Или это ты сам сочинил в его духе? Не очень-то ободряет.

– Даже не знаю, сам или не сам, – отозвался Фродо. – Пришло на язык так, будто сочинилось; но, может, мне это просто памятно с очень давних пор. А на Бильбо и правда очень похоже, особенно на Бильбо в последние годы, перед его уходом. Он часто повторял, что на свете всего одна Дорога, что она как большая река: истоки ее у каждой двери и любая тропка – ее проток. «Знаешь, Фродо, как опасно выходить из дверей, – бывало, говорил он. – Ступишь на дорогу – и сразу хватайся за ноги, а то живо окажешься там, куда ворон костей не заносил. Вот видишь тропку? Так это она самая ведет через Лихолесье к Одинокой горе, а оттуда напрямик в тартарары». Это он приговаривал после всякой дальней прогулки про тропку от крыльца Торбы-на-Круче.

– А я так скажу: часок-другой эта вот дорога меня никуда не уведет, – заключил Пин, высвобождаясь из лямок.

За ним выпростались и Сэм с Фродо – и тоже прилегли к обочине, мешки под головы, ногами на дорогу. Отдохнули, хорошенько пообедали, потом опять как следует отдохнули.

Солнце клонилось к западу, разливая предвечерний свет, когда хоббиты спускались с холма. Покамест они не встретили ни одной живой души – в Лесной Угол мало кто ездил, да и зачем? Три путника брели по заросшей дороге час или два; но вдруг Сэм остановился и прислушался. Дорога, вдоволь напетлявшись, шла теперь прямо, прорезая травяные заросли; там и сям высились купы деревьев, предвестников близкого леса.

– Нас вроде догоняет лошадь, не то пони, – сказал он. Только что был поворот, а за поворотом не видно.

– Может, Гэндальф? – предположил Фродо, но тотчас почувствовал, что нет, не Гэндальф, и ему вдруг захотелось укрыться от этого всадника, кто бы он ни был. – Чепуха, конечно, – сказал он, как бы извиняясь, – а все-таки не надо, чтоб нас видели на дороге, ну их всех. А если это Гэндальф, – с усмешкой прибавил он, – то мы ему устроим встречу, чтоб впредь не опаздывал. Ну-ка, раз-два-три, разбегайся и смотри!

Сэм и Пин, отбежав налево, исчезли в ложбинке неподалеку от обочины. Фродо помедлил: любопытство или какое-то другое чувство мешало ему спрятаться. Стук копыт приближался. Он едва успел юркнуть в густую траву за деревом у дороги и выставил голову поверх толстого корня.

Из-за поворота показался черный конь, не хоббитским пони чета; а на нем – высокий всадник, ссутуленный в седле. Из-под широкого черного плаща виднелись только стремяна да сапоги с длинными шпорами. Лицо его скрывал капюшон.

Конь поравнялся с деревом, за которым лежал Фродо, и замер. Недвижим был и всадник: он словно прислушивался. Сиплое сопение донеслось до Фродо, и голова всадника повернулась направо, потом налево. Казалось, он ловил нюхом какой-то чуть слышный запах.

Внезапный и безрассудный ужас охватил Фродо: его видно, его сейчас найдут... и неожиданно ему вспомнилось Кольцо. Он не смел вздохнуть, боялся пошевелиться; но Кольцо вдруг стало его единственной надеждой, и рука сама поползла к карману. Только надеть, надеть его, и все в порядке, и он в безопасности. Гэндальф не велел... да ладно! Бильбо надевал же Кольцо, и ничего. «Я ведь у себя, я в Хоббитании», – подумал он, и рука его коснулась цепочки. В этот миг всадник выпрямился и тронул поводья. Конь неуверенно переступил, шагнул вперед и пошел ровной иноходью.

Фродо подполз к обочине и глядел всаднику вслед, пока тот не исчез в сумеречной дали. Далеко-далеко черный конь свернул направо, в придорожную рощицу.

– Что-то это странновато, чтоб не сказать: страшновато, – пробормотал Фродо, направляясь к своим спутникам.

Пин и Сэм лежали в траве пластом и ничего не видели; он рассказал им про непонятного всадника.

– Не знаю уж почему, но я был уверен, что он меня ищет и вынюхивает. И как-то мне очень не хотелось ему попасться. Странно все это: в Хоббитании никогда таких не бывало.

– Какое вообще до нас дело Большому Народу? – проворчал Пин. – И чего это он сюда приперся? Чего ему здесь надо?

– Да, тут люди бывают, – сказал Фродо. – Кажется, в Южном уделе случилась какая-то передрыга с бестолковыми Громадинами. Но про этаких всадников разговору не было. Не знаю, откуда он взялся.

– Прошу прощения, – вмешался вдруг Сэм. – Я знаю, откуда. Из Норгорда этот черный всадник, ежели только он здесь один-единственный. И знаю даже, куда он путь держит.

– То есть как? – сурово спросил Фродо, метнув на Сэма изумленный взгляд. – Знаешь – и не сказал?

– Да я только сейчас вспомнил, простите, сударь, великодушно. Оно ведь как было: я давеча к моему старику с ключами, а он мне и говорит: «Вот тебе раз, – говорит, – а я-то, дурак, думал, что ты уехал с господином Фродо нынче поутру. Тут, понимаешь, приставал один: куда, говорит, делся Торбинс из Торбы-на-Круче? А куда ему деться, уехал, и все тут. Я и послал его в Кроличью Балку, но он мне, понимаешь ли, здорово не понравился. Уехал, говорю, уехал, господин Торбинс и обратно не будет. Так он на меня, представляешь, зашипел, ровно змей». – «А он из каких был-то?» – это я у отца спрашиваю. «Да кто его знает, – говорит, – только уж точно не хоббит. Высокий такой и черный, наклонился надо мной и сопит. Небось дальний, из Большого Народа. Выговор такой шепелявый». Особо-то мне было некогда отца расспрашивать, вы же меня ждали; ну а потом позабыл вам сказать. Да и старик мой подслеповат, а этот когда подъехал, уже стемнело. Отец ведь все вроде правильно сказал, а что я не вспомнил, так подумаешь, чего особенного, правда, сударь?

– Да старик-то, что с него взять? – отозвался Фродо. – Я и сам слышал, как он говорил с чужаком, который про меня расспрашивал; даже собрался было пойти узнать у него, в чем дело. Жаль, не пошел, и досадно, что ты мне раньше не сказал. Нам бы надо поосторожнее.

– А может, это вовсе и не тот всадник, – вмешался Пин. – Вышли мы тайком, шли без шума, не мог он нас выследить.

– А сопел да вынюхивал, как и тот, – сказал Сэм. – И тоже весь черный.

– Зря мы Гэндальфа не дождались, – пробормотал Фродо. – А может, и не зря, трудно сказать.

– Так ты про всадника-то про этого что-нибудь знаешь? Или просто догадки строишь? – спросил у Фродо Пин, расслышавший его бормотание.

– Ничего я толком не знаю, а гадать боюсь, – задумчиво ответил Фродо.

– Ну, твое дело, милый родственничек! Пожалуйста, держи про себя свои секреты, только дальше-то как будем? Я бы не прочь передохнуть-поужинать, но лучше возьмем-ка ноги в руки. А то мне что-то не по себе от ваших рассказней про нюхающих всадников.

– Да, нам лучше не задерживаться, – сказал Фродо. – И давайте не по дороге, а то вдруг этот всадник вернется или другой объявится. Прибавим шагу: до Заячьих Холмов еще идти да идти.

Длинные тени деревьев протянулись по траве, провожая снова пустившихся в путь хоббитов. Теперь они держались сажен за десять от дороги и шли очень и очень скрытно. Не так-то это было легко: дерновина, кочки, неровная почва, да и деревья то и дело скоплялись в перелески.

Между тем алое закатное солнце потускнело у них за спиной прежде, чем они прошли многомильную, прямую, как струна, дорогу, стремившуюся к лесу. Она вдруг круто свернула влево, в Йельские Низины, к дальним Заводям; по правую сторону синела могучая дубрава без конца и края, в которую углублялась извилистая дорожка, ведущая в Лесной Чертог.

– Туда и пойдем, – сказал Фродо.

Невдалеке от перепутья они набрали на огромное дуплистое дерево, еще живое, поросшее пучками тоненьких веточек вокруг темных ран от давно обломившихся сучьев; в дупло можно было залезть через широкую щель, невидимую с дороги. Они и залезли, уселись на палой листве и гнилых щепках. Отдохнули и перекусили за тихой беседой, время от времени настораживая уши.

Когда они снова выбрались на дорожку, уже смеркалось. Западный ветерок, вздыхая, перебирал ветви. Листья перешептывались. Дорогу их мягко и медленно поглотил сумрак. На угрюмом востоке высоко над деревьями засветилась звезда. Они шли рядышком, нога в ногу, чтоб не падать духом. Зажглись другие звезды, крупные и яркие, хоббиты перестали беспокоиться и больше не прислушивались к цокоту копыт. Они даже замурлыкали, по хоббитскому обыкновению: хоббиты мурлычат, возвращаясь домой ночью. Обычно они мурлычат-напевают приглашение к ужину или постельную песню; но эти хоббиты затянули походную песню (конечно же, приглашающую, кроме всего прочего, к ужину и спатеньки). Слова сочинил Бильбо Торбинс, а напев был древнее здешних гор, и Фродо научился ему, гуляя с Бильбо по Ручьевой долине и беседуя о Приключениях. Слова такие:

*Еще не выстыл сонный дом,
Еще камин пылает в нем,
А мы торопимся уйти
И, может, встретим на пути
Невиданные никогда
Селенья, горы, города.
Пусть травы дремлют до утра —
Нам на рассвете в путь пора!
Зовут на отдых вечера —
Не зазовут: не та пора!*

*Поляна, холм, усадьба, сад
Безмолвно ускользнут назад:
Нам только б на часок прилечь,
И дальше в путь, до новых встреч!
Быть может, нас в походе ждет
Подземный путь, волшебный взлет —
Сегодня мимо мы пройдем,
Но завтра снова их найдем,
Чтоб облететь весь мир земной
Вдогон за солнцем и луной!*

Наш дом уснул, но мир не ждет —

*Зовет дорога нас вперед:
Пока не выцвела луна,
Нам тьма ночная не страшна!
Но мир уснул, и ждет нас дом,
Вернемся и камин зажжем:
Туман, и мгла, и мрак, и ночь
Уходят прочь, уходят прочь!..
Светло, и ужин на столе —
Заслуженный уют в тепле.*

И кончилась песня.

– Приют в дупле! Приют в дупле! – переиначил Пин.

– Тише! – сказал Фродо. – Как будто снова стук копыт.

Все трое замерли, словно тени. По долине раскатывался цокот, пока еще дальний, но все ближе – с подветренной стороны. Они юркнули поглубже в густую тень угрюмых деревьев.

– Убегать не будем, – сказал Фродо. – Нас не видно, а я хочу поглядеть: неужели еще один?

Цокот приближался. Прятаться как следует было уже некогда, и Сэм с Пином схоронились за огромным пнем, а Фродо залег неподалеку от тропки. Светло-серой полосой прорезала она лесной сумрак. Наверху вызвездило, но луны не было.

Копыта стихли. Фродо увидел черный промельк между деревьями – и обе тени, словно кто-то вел лошадь, слились с темнотой. Потом черная фигура возникла там, где они сошли с тропки, в том самом месте. Тень заколыхалась, и Фродо расслышал тихое внимательное сопение, а потом тень словно бы осела и поползла к нему.

Фродо опять подумал, что надо надеть Кольцо. И, будто повинувшись чьему-то велению, не понимая, что делает, нашарил его в кармане. Стояла страшная тишина; но вдруг раздалась звонкая песня и зазвучал легкий смех. Чистые голоса, словно веселые колокольчики, всколыхнули прохладный ночной воздух. Черная тень поднялась, попятилась и, слившись с тенью лошади, утонула в сумраке по ту сторону тропки. Фродо перевел дыхание.

– Эльфы! – воскликнул Сэм, хрипло, как спросонья. – Эльфы, сударь! – Он бы так и кинулся на голоса, но Фродо с Пином удержали его.

– Да, эльфы, – сказал Фродо. – Это ведь Лесной Угол – они здесь почти каждый год проходят весной и осенью. Вот уж кстати! Вы же ничего не видели, а Черный Всадник спешился и пополз прямо к нам; и дополз бы, если б не их песня. Она его спугнула.

– Ну а к эльфам-то – идем или не идем? – заторопил Сэм. Про всадника он уже и думать забыл.

– Слышишь ведь, они сами к нам идут, – сказал Фродо. – Надо только подождать.

Пение приближалось. Один ясный голос пел звонче всех остальных. Слова были дивные, древние, один Фродо понимал их, да и то с трудом. Но вслушиваться было и не надо: напев подсказывал слова. Фродо разобрал их так:

*Зарница всенощной зари
За дальними морями,
Надеждой вечною гори
Над нашими горами!*

*О Элберет! Гилтониэль!
Надежды свет далекий!
От наших сумрачных земель*

Поклон тебе глубокий!

*Ты злую мглу превозмогла
На черном небосклоне
И звезды ясные зажгла
В своей ночной короне.*

*Гилтониэль! О Элберет!
Сиянье в синем храме!
Мы помним твой предвечный свет
За дальними морями!*

И кончилась песня.

– Это же заморские эльфы. Песня про Элберет! – изумился Фродо. – Редко они забредают к нам в Хоббитанию, их и в Средиземье-то почти что нет! Очень странно!

Хоббиты сидели неподалеку от дорожки и ждали. Скоро появились эльфы. Звездным светом мерцали их глаза, в тихом сиянии струились волосы; серебристая тропа возникала у них под ногами. Прошли они молча, и только последний эльф обернулся, посмотрел на хоббитов и рассмеялся.

– Неужели Фродо? – звонко воскликнул он. – Поздновато! Заблудились, что ли? – Он позвал остальных, и эльфы обступили сидящих.

– Чудеса, да и только! – сказали они. – Трое хоббитов ночью в лесу! Такого не бывало со времен Бильбо! Что случилось?

– Ничего не случилось, о Дивный Народ, – сказал Фродо, – просто нам с вами оказалось по пути. Я люблю гулять при звездах и был бы рад составить вам компанию.

– Вот уж без вас обойдемся, нудный народ хоббиты! – рассмеялись они. – Откуда вы знаете, что нам по пути – ведь путь наш вам неизвестен!

– А вы откуда знаете, кто я такой? – спросил в ответ Фродо.

– Тут и знать нечего, – отвечали они. – Мы много раз видели тебя с Бильбо. Это ты нас не видел.

– Куда вы идете и кто ваш предводитель? – спросил Фродо.

– Я, Гаральд, – отвечал эльф, который первым заметил хоббитов. – Гаральд из колена Славуров. Мы изгнанники, наша родня давным-давно отплыла, и Море ждет нас. Есть еще, правда, наши в Раздоле. Впрочем, расскажи-ка лучше про себя, Фродо. С тобой ведь что-то неладно?

– О всезнающий народ, – вмешался Пин. – Скажите нам, кто такие Черные Всадники?

– Черные Всадники? – тихо откликнулись они. – А что вам до Черных Всадников?

– Ехали за нами двое... или один, может быть, – сказал Пин, – вот как раз отстал, когда вы явились.

Эльфы ответили не сразу; они посоветовались на своем языке, потом Гаральд обернулся к хоббитам.

– Мы пока подождем об этом говорить, – сказал он. – А вы и правда идите-ка с нами. У нас это не в обычае, но уж ладно, идите. С нами и переночуете.

– Дивный, дивный народ! Я и надеяться не смел! – сказал Пин, а Сэм, тот просто онемел от радости.

– Спасибо тебе, о Гаральд из колена Славуров, – сказал Фродо и поклонился. – *Элен сейла люменн оменттиэльво* – звезда осияла нашу встречу, – прибавил он на древнеэльфийском языке.

– Ого, друзья! – смеясь, предостерег своих Гаральд. – Вслух не секретничайте: с нами знаток Древнего Наречия. Бильбо-то оказался прекрасным учителем! Привет тебе, о друг эльфов! – сказал он, поклонившись Фродо. – Мы рады, что нам по пути. Пойдем, но иди в середине, чтобы не отстать и не заблудиться: впереди долгая дорога.

– Долгая? А вы куда? – снова спросил Фродо.

– В самую глушь за Лесным Чертогом. Идти далеко, но там отдохнешь, и завтрашний путь твой станет короче.

Шли они молча и мелькали, как тени, ибо эльфы ходят еще бесшумнее хоббитов. Пин стал было задремывать и спотыкаться, но рядом шел эльф, держал его под руку и не давал упасть. А Сэм шагал рядом с Фродо и шел как во сне – страшноватом, но восхитительном.

Лес по обе стороны густел и густел: смыкающиеся деревья были моложе, а стволы у них – толще; потом тропа углубилась в лощину, справа и слева нависли заросли орешника. Наконец эльфы свернули в самую чашу, где вдруг словно чудом открылась узкая зеленая просека; теснее и теснее смыкались высокие стены деревьев – но вдруг расступились, и впереди простерся ровный луг, матово-серый в ночном свете. С трех сторон окружал его лес; а с востока он обрывался крутым склоном, и могучие древесные кроны вздымались к ногам откуда-то снизу.

Эльфы уселись на траве и завели негромкий разговор между собой; хоббитов они словно бы перестали замечать. А те дремали, укутавшись в плащи и одеяла. Ночь надвинулась; дальние деревенские огоньки в долине погасли. Пин крепко уснул, улегшись щекой на кочку.

Высоко на востоке зажглась Звездная Сеть, Реммират; пронизывая туман, разгорелся, как пламенный рубин, Боргиль. Потом вдруг, словно по волшебству, небо разъяснилось, а из-за окраины мира блеснул Небесный Меченосец Мэнальвагор в сверкающем поясе. Эльфы встретили его звонкой песней, и где-то неподалеку вспыхнуло ярко-алое пламя костра.

– Что же вы? – позвали хоббитов эльфы. – Идемте! Настал час беседы и веселья.

Пин сел, протер глаза и зябко поежился.

– Добро пожаловать, друзья! Костер горит, и ужин ждет, – сказал эльф, склонившись к сонному Пину.

Зеленый луг уходил в лес и становился лесным чертогом, крышей которому служили ветви деревьев. Мощные стволы выстроились колоннадой. Посредине чертога полыхал костер, а с ветвей сияли серебряные и золотые фонари. Эльфы сидели вокруг огня на траве или на круглых чурбачках. Верней, одни сидели, другие раздавали кубки и разливали вино, а третьи разносили яства.

– Угощение скудно, – извинились они перед хоббитами, – мы ведь не у себя дома, это походная стоянка. Вот будете у нас, тогда примем по-настоящему.

– Да я даже в день рождения вкуснее не угощал, – сказал Фродо.

Пин потом не слишком помнил, что он пил и ел: он больше глядел на ясные лица эльфов и слушал их голоса, разные и по-разному дивные; и казалось ему, что он видит чудесный сон. Он только помнил, что давали хлеб: белый и такой вкусный, будто ты изнемогал от голода, а тебе протянули пышный ломоть; потом он выпил кубок чего-то чистого, как из родника, и золотистого, словно летний вечер.

А Сэм и словами не мог описать, что там было, и вообще никак не мог изобразить, хотя помнил эту радость до конца дней своих. Он, конечно, сказал одному эльфу:

– Ну, сударь, будь у меня в саду такие яблоки, вот тогда я был бы садовник! Правда, чего там яблоки: вот пели вы, так это да!

Фродо пил, ел и разговаривал, не без труда подбирая слова. Он еле-еле понимал по-эльфийски и вслушивался изо всех сил. Ему было приятно, что он мог хотя бы поблагодарить тех, кто ему прислуживал, на их родном языке. А они улыбались и радовались: «Ай да хоббит!»

Потом Пин уснул, и его осторожно уложили на мягкое травяное ложе между корнями деревьев. Сэм встряхивал головой и не желал покидать хозяина. Пин уже видел седьмой сон,

а Сэм все сидел у ног Фродо: крепился, крепился – и наконец прикорнул. Зато Фродо еще долго не спал: у него был разговор с Гаральдом.

О былом и нынешнем говорили они, и Фродо долго расспрашивал его про последние события за пределами Хоббитании. Наконец он задал вопрос, который давно был у него на языке:

– А скажи, Гаральд, ты с тех пор видел Бильбо?

– Видел, – улыбнулся Гаральд. – Даже дважды. На этом самом месте он с нами прощался.

А другой раз – далеко отсюда.

Где – он не сказал, а Фродо не стал спрашивать.

– Поговорим о тебе, Фродо, – предложил Гаральд. – Кое-что я про тебя уже знаю: и по лицу догадался, и вопросы твои не даром. Ты покидаешь Хоббитанию в тяжком сомнении: за свое ли дело взялся и удастся ли тебе его довершить? Так?

– Так, – подтвердил Фродо. – Только я думал, что про мои дела знает один Гэндальф да вот еще Сэм. – Он поглядел на Сэма – тот мирно посапывал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.